

ISSN 2658-6541

ИСТОРИЯ И АРХИВЫ

Научный журнал

Основан в 2006 г.

HISTORY AND ARCHIVES

Academic Journal

Founded in 2006

3 • 2022

“History and Archives”

Academic Journal

There are 4 issues of the journal a year

Founder and Publisher

Russian State University for the Humanities (RSUH)

Academic journal “History and Archives” is included in the Russian Science Citation Index; in the Higher Attestation Commission list of leading scientific magazines and other editions for publishing PhD research findings

Peer-reviewed publications fall within the following research area:

5.6.1 Russian History

5.6.2 World History

5.6.5 Historiography, Source Studies and Methods of History Research

5.6.8 Document Research, Records Management, Archives Administration

Aims and domain

The “History and Archives” is a peer-reviewed academic journal, the aim of which is to publish the results of the research based on the archival documents – the research evaluating the events, phenomena and processes of national and world history. The task of the journal is the analysis of urgent issues of source studies, historiography, archival science, records management, and also of the archival component of exploration in the field of history and documentary heritage within the system of cultural values.

The mission of the journal is to facilitate the development of inter-disciplinary research that generalizes the contemporary experience of the use of historical sources kept in archives and in the manuscript departments of museums and libraries. The journal publishes the materials pertinent to the analysis of the changes in archives activities when new information technologies are implemented, the materials connected with the study of the problems of historical archival science, the materials related to the multilateral cooperation and harmonious combination of the results of the work of historians and archivists for the benefit of information maintenance of historical science. The journal is targeted at the publication of scientific reviews, research papers and articles related to the study of the whole complex of theoretical, scientific and practical issues that pertain to the development of the humanitarian strategy of the educational function of archives and to the cooperation of historians within the “archives–researcher” system.

The journal accepts for publication original articles, comprehensive research papers by Russian and overseas authors, reports that have never been published before.

“History and Archives” is registered by the Federal Service for Supervision of Communications Information Technology and Mass Media 03.08.2018, reg. no. PI FS77-73410

Editorial staff office: 6, Miuskaya Sq., Moscow, 125047

tel: 8-495-250-68-68

e-mail: ioad@yandex.ru

© History and Archives, 2022

«История и архивы»
Научный журнал
Выходит 4 номера печатной версии журнала в год
Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Научный журнал «История и архивы» включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень ВАК – ведущих рецензируемых научных журналов и изданий Российской Федерации решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Научные рецензируемые публикации соответствуют отраслям науки:

5.6.1 Отечественная история

5.6.2 Всеобщая история

5.6.5 Историография, источниковедение и методы исторического исследования

5.6.8 Документалистика, документоведение, архивоведение

Цели и область

«История и архивы» – рецензируемый научный журнал, цель которого заключается в публикации основанных на архивных документах научных исследований, анализирующих события, явления и процессы отечественной и мировой истории. Задачей журнала является анализ актуальных проблем источниковедения, историографии, архивоведения и документоведения, а также архивной составляющей исследовательской работы в области истории и документального наследия в системе культурных ценностей.

Миссия журнала – содействовать развитию междисциплинарных исследований, обобщающих современный опыт использования хранящихся в архивах, рукописных отделах музеев и библиотек исторических источников. На страницах журнала публикуются материалы, связанные с анализом изменений деятельности архивов в условиях внедрения новых информационных технологий, исследованием научных проблем исторического архивоведения, многосторонним взаимодействием и гармоническим сочетанием результатов работы историков и архивистов в интересах информационного обеспечения исторической науки. Журнал ориентирован на публикацию научных обзоров, исследований, статей, связанных с изучением комплекса теоретических и научно-практических проблем развития гуманитарной стратегии коммуникативной функции архивов и взаимодействия историков и архивистов в рамках системы «архив–исследователь».

Журнал принимает к публикации оригинальные статьи, комплексные исследования российских и зарубежных авторов, ранее не публиковавшиеся научные доклады.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 03.08.2018 г., регистрационный номер ПИ № ФС77-73410

Адрес редакции: 125047, Москва, Миусская пл., 6

Тел: 8-495-250-68-68

электронный адрес: ioad@yandex.ru

Founder and Publisher

Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

A.B. Bezborodov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

T.I. Khorkhordina, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

E.V. Barysheva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

M. Bubnicek, Dr. of Sci. (History), professor, École Nationale des Chartes (Sorbonne), Paris, France

V.N. Vladimirov, Dr. of Sci. (History), professor, Altay State University, Barnaul, Russian Federation

E.I. Gololobov, Dr. of Sci. (History), professor, Surgut State Pedagogical University, Surgut, Russian Federation

V.I. Durnovtsev, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

G.A. Dvoenosova, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.V. Ermolaeva, Dr. of Sci. (History), professor, Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin – the branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Saratov, Russian Federation

S.V. Karpenko, Cand. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

V.P. Kozlov, Dr. of Sci. (History), RAN correspondent member, professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

G.N. Lanskoj, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

M.V. Larin, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

P.N. Lebedev, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)

E. Marguin-Hamon, Dr. of Sci. (Philology), École Nationale des Chartes (Sorbonne), Paris, France

O.V. Pavlenko, Cand. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

S. Petkova, Dr. of Sci. (History), professor, “St. Kliment Ohridski” at the University of Sofia, Sofia, Bulgaria

M.V. Rostislavleva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

- A.S. Senin*, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- M.F. Shumeiko*, Cand. of Sci. (History), professor, Belarusian State University (BSU), Minsk, Republic of Belarus
- A.K. Sorokin*, Cand. of Sci. (History), professor, Russian State Archive of Social and Political History, Moscow, Russian Federation
- P.P. Shkarenkov*, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- T. Shirai*, Dr. of Sci. (History), professor, University of Tsukuba, Japan
- F.G. Taratorkin*, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- Yu. Tonai*, Ph.D., associate professor, Hokkaido University, Sapporo, Japan
- V.I. Zhuravleva*, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Executive editors:

T.I. Khorkhordina, Dr. of Sci. (History), professor (RSUH)

L.A. Khalilova, Cand. of Sci. (Philology), professor (RSUH)

Учредитель и издатель

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

А.Б. Безбородов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

Т.И. Хорхордина, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Е.В. Барышева, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

М. Бюбеничек, доктор исторических наук, профессор, Национальная школа хартий (Сорбонна), Париж, Франция

В.Н. Владимиров, доктор исторических наук, профессор, Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация

Е.И. Гололобов, доктор исторических наук, профессор, Сургутский государственный педагогический университет, Сургут, Российская Федерация

Г.А. Двоеносова, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.И. Дурновцев, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.В. Ермолаева, доктор исторических наук, профессор, Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Саратов, Российская Федерация

В.И. Журавлева, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

С.В. Карпенко, кандидат исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.П. Козлов, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Г.Н. Ланской, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

М.В. Ларин, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

П.Н. Лебедев, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
(ответственный секретарь)

Э. Марген-Амон, доктор филологии, Национальная школа хартий (Сорбонна), Париж, Франция

О.В. Павленко, кандидат исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

С. Петкова, доктор исторических наук, профессор, Софийский университет им. св. Климента Охридского, София, Болгария

Н.В. Ростиславлева, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.С. Сенин, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.К. Сорокин, кандидат исторических наук, профессор, Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), Москва, Российская Федерация

Т. Сираи, доктор исторических наук, профессор, Университет Цукуба, Япония

Ф.Г. Тараторкин, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ю. Тонаи, Ph.D., доцент, Университет Хоккайдо, Саппоро, Япония

П.П. Шкаренков, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

М.Ф. Шумейко, кандидат исторических наук, профессор, Белорусский государственный университет (БГУ), Минск, Республика Беларусь

Ответственные редакторы:

Хорхордина Т.И., доктор исторических наук, профессор (РГГУ)

Халилова Л.А., кандидат филологических наук, профессор (РГГУ)

СОДЕРЖАНИЕ

Отечественная история

Ю.П. Зарецкий

Составитель и издатель первых русских учебников
Илья Копиевский (ок. 1651–1714):
неизвестные страницы биографии 12

А.Ю. Конькова, А.В. Бадьина

Государственная гражданская служба в России:
правила, традиции, документы, технологии 29

А.С. Кравчук

О некоторых особенностях функционирования системы
местного управления в Таврической области:
каймаканы и коменданты 41

История культуры в документальном наследии

К.В. Краснослободцев

Выставка современного французского искусства
в Москве (1928) по документам РГАЛИ
и ОР ГМИИ им. А.С. Пушкина 52

История Русской православной церкви в документальном наследии

А.Г. Колдина

Кампания по изъятию церковных ценностей
в помощь голодающим на страницах газеты «Борьба»
Балашовского уездного исполнительного комитета РКП(б)
Саратовской губернии за 1922 год 63

Историография, источниковедение и методы исторического исследования

К.В. Сутько

Метрические книги римско-католических приходов
на территории БССР в 1945–1991 гг. 72

А. Паль

Воспоминания политических лидеров СССР
и ГДР 1960–1980-х гг.: долгий и трудный путь к читателю 83

Архивоведение и документоведение: история, теория, практика

П.А. Кюнз

Документ в системе документоведения и архивоведения:
к построению единой теории 104

М.Х. Жакытов

Фактор личности высшего руководителя
в развитии электронного документооборота
и цифровизации государственного управления 117

В фондах отечественных архивов

Н.В. Банникова

Стэнли Вашбурн, американский корреспондент
британской газеты «Таймс», о необходимости
оказания союзнической помощи России
(по материалам архива британской газеты «Таймс») 135

В.А. Шаламов, С.А. Шаламова

Фонд Комитета Севера
при Восточно-Сибирском крайисполкоме
как источник по истории здравоохранения 143

CONTENTS

Russian history

Yu. Zaretskii

- Composer and publisher of the first Russian textbooks
Ilya Kopievsky (c. 1651–1714).
The unknown episodes of biography 12

A. Kon'kova, A. Bad'ina

- Public service in Russia.
Rules, traditions, documents, technologies 29

A. Kravchuk

- About some functioning specifics
of the local management system in Taurian region.
Kaymakans and Commandants 41

History of culture in documentary heritage

C. Krasnoslobodtsev

- Exhibition of modern French art in Moscow (1928)
on the materials of RGALI and the archive
of the Pushkin State Museum of Fine Arts 52

History of the Russian Orthodox Church in documentary heritage

A. Coldina

- The Church property seizure campaign for famine relief
on the pages of the “Bor’ba” (“Fight”) newspaper
of the RCP(b) Saratov province Balashov County Executive
Committee during the year 1922 63

Historiography, source study and methods of historical research

K. Syt'ko

- Metric book of the Roman Catholic parishes on the territory
of the BSSR in 1945–1991 72

A. Pahl

- The memoirs of the political leaders of the USSR
and the GDR of the 1960s – 1980s.
A long and difficult path to the reader 83

**Archives administration and records management.
History, theory, procedures**

P. Kung

- Document in the system of documentation and archival studies.
On a unified theory 104

M. Zhakypov

- Factor of the personality of the supreme leader in the development
of electronic document flow management and digitalization
of public administration 117

In the funds of Russian and foreign archives

N. Bannikova

- Stanley Washburn, American correspondent
of the British newspaper “The Times” about the need
for allied assistance to Russia (based on the materials
of “The Times” archive) 135

V. Shalamov, S. Shalamova

- Foundation of the Committee of the North
under the East Siberian Regional Executive Committee
as a source on the history of health care 143

Отечественная история

УДК 371.67(09)

DOI: 10.28995/2658-6541-2022-3-12-28

Составитель и издатель первых русских учебников Илья Копиевский (ок. 1651–1714): неизвестные страницы биографии

Юрий П. Зарецкий

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа
экономики», Москва, Россия, yzaretsky@hse.ru*

Аннотация. В статье представлены новые документы и материалы о жизни и деятельности одного из просветителей эпохи Петра Великого – Ильи Федоровича Копиевского (ок. 1661–1714). С именем этого человека непосредственно связано появление первых печатных учебников на русском языке и начало реализации Петром масштабного проекта по изданию светской учебной литературы. Между тем деятельность Копиевского в качестве автора, переводчика и издателя учебников до сих пор малоисследована. С ней связано немало неясных обстоятельств, дающих исследователям основания высказывать противоречивые суждения. Статья частично устраняет эти неопределенности, обращаясь к малоизвестным материалам и ранее не публиковавшимся архивным источникам. Детальное рассмотрение этих материалов и источников позволяет реконструировать важные подробности обучения Копиевским русской знати в период Великого посольства, его работы над переводами учебной литературы и ее изданием, ее распространения в России, службы Копиевского в Посольском приказе в последние годы жизни. Статья также содержит краткие сведения о биографии Копиевского, обращает внимание на остающиеся в ней пробелы и очерчивает перспективу дальнейших архивных разысканий для их устранения.

Ключевые слова: Илья Копиевский, образование в России, учебная литература, Петр I

Для цитирования: Зарецкий Ю.П. Составитель и издатель первых русских учебников Илья Копиевский (ок. 1651–1714): неизвестные страницы биографии // История и архивы. 2022. № 3. С. 12–28. DOI: 10.28995/2658-6541-2022-3-12-28

Compiler and publisher of the first Russian textbooks
Илья Копиевский (с. 1651–1714).
The unknown episodes of biography

Yury P. Zaretskii

HSE University, Moscow, Russia, yzaretsky@hse.ru

Abstract. The article presents the new documents and materials about the life and activities of one of the educators of the era of Peter the Great – Ilya Fedorovich Kopyevsky (с. 1661–1714). Both the appearance of the first printed textbooks in Russian and the beginning of the implementation of a large-scale project by Peter to publish secular educational literature are directly related to his personality. Meanwhile, the activities of Kopyevsky as an author, translator, and publisher of textbooks have not been thoroughly studied so far. Many obscure circumstances are connected with it, providing the researchers with the grounds to express contradictory judgments. The article partially eliminates these uncertainties by referring to the little-known materials and the previously unpublished archival sources. A detailed consideration of those materials and sources allows reconstructing the significant details of Kopyevsky's contribution to educating the Russian nobility during the period of the Great Embassy, of his work on the translations of educational literature and the latter's consequent publication and distribution in Russia and of Kopyevsky's service in the Posolskii Prikaz in the last years of his life. The article also contains an overview of Kopyevsky's biography, draws attention to the gaps remaining in it, and outlines the prospects of the further archival research for filling them.

Keywords: Ilya Kopyevsky, education in Russia, textbooks, Peter the Great

For citation: Zaretskii, Yu.P. (2022), "Compiler and publisher of the first Russian textbooks Ilya Kopyevsky (с. 1651–1714). The unknown episodes of biography", *History and Archives*, no. 3, pp. 12–28, DOI: 10.28995/2658-6541-2022-3-12-28

Историография

Фигура Ильи Федоровича Копиевского (Копиевича) не одно десятилетие привлекает внимание историков России петровского времени. Впервые о ней обстоятельно рассказал П.П. Пекарский в своем классическом труде¹. Вслед за ним, почти сто лет спустя, появилось фундаментальное исследование Т.А. Быковой, включающее подробное описание изданных Копиевским книг

¹ *Пекарский П.П.* Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1–2. СПб.: Изд. тов. «Общественная польза», 1862.

[Быкова 1958]. Затем содержательная статья Збигнева Новака, широко использующая польские и немецкие источники [Nowak 1970]. Интерес к фигуре Копиевского и его вкладу в культурные реформы Петра недавно оживился снова [Зарецкий 2020; Зарецкий 2021a, Зарецкий 2021b]. Однако, несмотря на это внимание, в его биографии до сих пор имеется немало пробелов. Эта статья имеет задачей восполнить некоторые из них.

Общие сведения

Илья Федорович Копиевский (Копиевич) родился около 1651 г. в кальвинистской шляхетской семье в землях Великого княжества Литовского, скорее всего, в местечке Койданов Минского воеводства. Восьми или девяти лет от роду во время войны России с Речью Посполитой он был захвачен в плен одним из воевод, увезен в Россию и только спустя шесть лет отпущен в родные места. На родине его, однако, ожидало новое несчастье: по указу короля Речи Посполитой родовое поместье Копиевских было конфисковано, и Илья остался без средств к существованию. Какое-то время он учился в Слуцкой кальвинистской гимназии, потом работал учителем ее младших классов, женился и в поисках лучшей доли уехал в Амстердам². Ко времени прибытия в Голландию Великого посольства он называл себя здесь человеком «духовнаго чина, веры реформатския собору Амстеродамскаго»³, т. е. священником Голландской реформатской церкви кальвинистской деноминации. По указу Петра он стал обучать здесь русских дворян иностранным языкам, шкиперскому делу и другим «наукам и искусствам» по учебным пособиям, которые сам для них и составлял.

Вскоре Копиевский стал главным исполнителем нового петровского проекта по просвещению своих подданных. Он не только фактически создал и организовал работу русской типографии в Амстердаме, но также написал, составил и перевел книги, которые в ней печатались. Формально типография принадлежала Яну Тессингу, голландскому купцу, которому Петр выдал привилегию на издание русских книг и продажу их в России, однако главная роль

² Свидетельство преподавания Копиевского в Слуцкой гимназии в 1674 г. см.: *Глебов И.А.* Историческая записка о Слуцкой гимназии с 1617–1630–1901 гг. Вильна: Тип. А.Г. Сыркина, 1903. С. 183; о женитьбе Копиевского: Собрание белорусской шляхты. URL: <http://www.nobility.by/forum/index.php?topic=2116.0> (дата обращения 04.02.2022).

³ *Пекарский П.П.* Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1. СПб.: Изд. тов. «Общественная польза», 1862. С. 581.

в ней принадлежала именно Копиевскому. С марта 1699 до середины 1700 г. им были подготовлены к печати и изданы «Введение краткое во всякую историю»; «Краткое и полезное руковедение во арифметыку»; «Уготовление и толкование... поверстаня кругов небесных»; «Краткое собрание Лва Миротворца»; Номенклятор, на русском, латинском и немецком языке (б/титула); Номенклятор на латинском, русском и голландском языках (б/титула); «Притчи Эссоповы на латинском и русском языке»⁴.

Очевидно, к концу 1699 г. в сотрудничестве Копиевского с Тессингом накопились серьезные разногласия, и ко второй половине следующего года оно прекратилось. Скорее всего, разрыв их отношений произошел из-за Копиевского, недовольного не только вознаграждением за свои труды, но и статусом наемного работника. Не имея средств для создания собственной типографии, он прибегает к помощи другого голландского купца, Яна де Йонга, и в 1700–1701 гг. издает три книги. Это были «*Latina grammatica in usum scholarum*», «Слава торжеств и знамен побед» и «Книга учащая Морского Плавания». Отношения Копиевского с де Йонгом продолжались также недолго и тоже закончились конфликтом, за которым последовало судебное разбирательство, закончившееся арестом типографии [Быкова 1958, с. 327, 337].

В этих условиях Копиевский начинает поиск средств для выкупа типографии и продолжения печатания русских книг в Европе. С этой целью он вступает в переговоры с Королевским Прусским научным обществом в Берлине, со шведским дипломатом и ученым Николаем Бергиусом, с главой немецких пиетистов Августом Франке, однако большого успеха они не приносят. Единственное, ему удастся заполучить обратно свою типографию и продать центнер славянских шрифтов в Галле [Быкова 1958, с. 333].

Последняя книга Копиевского, «Руководение в грамматыку, во славяноросийскую или Московскую», вышла в Польше, куда Копиевский перебрался после трехлетних скитаний по европейским столицам. Здесь же, в Польше, в 1707 г. он поступил на русскую службу переводчиком Посольского приказа и затем, спустя несколько месяцев, переехал в Москву. Здесь он занимался переводами нескольких книг, ни один из которых не был издан, и здесь же 23 сентября 1714 г. окончил свои дни в безвестности и бедности.

⁴ Здесь и дальше названия русских старопечатных изданий приводятся по: [Быкова 1958, с. 278–299]. Слово «номенклятор» (=номенклатор) в данном случае означает «тематический словарь». Все выявленные экземпляры обоих «номенкляторов» Копиевского не имеют титульных листов.

Новые материалы

Дальше на основе архивных источников и малоизвестных опубликованных материалов будут рассмотрены четыре сюжета, относящиеся к разным сторонам жизни и деятельности Копиевского на службе российскому государству.

Челобитная Головину 1698 г.

Первый связан с обстоятельствами первых месяцев работы Копиевского по обучению русских в Амстердаме и составлению учебных книг. Сведения об этом содержатся в его челобитной президенту Посольских дел Ф.А. Головину, поданной в декабре 1697 г.⁵ Поводом для обращения к Головину стал визит к Копиевскому некоего человека за рукописью перевода учебника по мореплаванию («шыперской книги»), который к тому времени уже был им закончен. Свой труд Копиевский ему не отдал и теперь просил Головина подтвердить, что человек был послан действительно от него:

По указу Величества Вашей Велможности, Государя моего многомилостиваго, совершил я книгу морского плавания, но не посмел никому в руки дать без повеления Величества Вашей Велможности, Государя моего многомилостиваго⁶.

Свой отказ челобитчик объяснял опасением быть обманутым, поскольку работа над книгой стоила ему не только многих трудов, но и серьезных финансовых затрат. О последних Копиевский сообщает особенно подробно. По его словам, отказавшись от пастырского служения, он лишился церковных доходов, в результате чего полгода жил за счет собственных сбережений, переехал в более скромное жилище и потратил тридцать рублей из собственных средств, включая расходы на нужды своих русских учеников:

...понеже, много трудился долгое время, покамест соорудил сию книгу. Ея же ради во мнозе отщатился [=отщетился]. Болеи тридцати рублей денег своих потерял, дом свой покинувши иной нанял, дал десять рублей на желание дворян Великаго и Пресветлейшаго Государя, и все приходы церковные, от нашего собору амстеродаскаго мне даванные, всегда покинул, и тако с полгода сам харчуюся⁷.

⁵ РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. 1697 г. Д. 67. Л. 1–2. Моя искренняя признательность О.Е. Кошелевой за помощь в обнаружении и прочтении этого документа.

⁶ Там же. Л. 1.

⁷ Там же.

Эти подробности о понесенных им убытках Копиевский заключает подобострастным заверением о том, что совсем о них не жалеет, поскольку он понес эти жертвы во имя русского царя и российского государства:

И нескучно бы мне было, Пресветловелможный Государь, страдати славы ради Пресветлейшаго и Августейшаго Великаго Государя и ползы деяя Преславнейшыя Речи посполитыя Славянороссийския, понеже сие есть намерение всех трудов моих в писании⁸.

Однако все сказанное до этого момента является только прелюдией к главному содержанию челобитной – жалобе на учеников и нанесенный ими ущерб. Как выясняется дальше, они тайно переписали переведенную Копиевским «шыперскую книгу», отдали ее другому наставнику («мужику»), перешли к нему и стали насмехаться над своим прежним учителем:

Точию жалоба мне, Пресветло Велможный Государь, на тое, что дворяне Великаго и Пресветлейшаго Государя, переписавши Книгу мою туне, пошли с книгою к мужику простому, и ничево не умевшему кроме копаса, и то несовершенно. И негоде того, что там пошли учиться, сверх того поругаются мне и смеются с меня, взявши книгу безденежно⁹.

Разумеется, просить Головина о том, чтобы тот вернул обратно перебежчиков и вместе с ними потерянные доходы за их обучение, было бессмысленно. Однако Копиевский вполне мог надеяться на компенсацию за незаконное использование его перевода:

...и еще хотят и совершённую книгу взять без денег. Я на такое посрамление не дам книги, написал я [ее] толико Величеству Вашей Велможности Государю моему многомилостивому, и у подозия ног Величества Вашей Велможности [ее] покладаю, и низко бью челом¹⁰.

Никаких конкретных финансовых претензий он при этом не предъявляет, однако гордо провозглашает, что ценит свои труды высоко:

⁸ Там же. Очевидно, «Речью посполитой Славянороссийской» Копиевский называет единение славянских народов под властью русского государя (польск. *gzecz* – «вещь, дело» и *rospolita* – «общая»).

⁹ Там же. Л. 1.

¹⁰ Там же. Л. 1–1 об.

Никому же трудов моих не дам, потому что я безделицы никогда не пишу, и на всю вселенную не постыжуся вовеки, Божиею милостию, трудов моих¹¹.

Впрочем, дальше, как бы подсказывая Головину размер ожидаемой компенсации, Копиевский приводит пример составленной им латинско-русской грамматики, работа над которой потребовала от него гораздо меньше усилий. За эту грамматику, по его заверению, он получил 10 рублей – хотя мог продать ее и в полтора раза дороже:

Недавно написал я Грамматыку латинскую и рускую вкупе и продал за десять рублей, в чом на меня погневался один нарочитой челабек здешний – он хотел дать пятнадцать рублей и болей за Грамматыку. О Морском же плаванию сотью более я трудившись, мог бы я на поругания дать им вторицею?¹²

Конкретное же предложение Копиевского состояло в том, чтобы Головин устроил публичное разбирательство этого случая. «Мужику» (теперь названному им «мастером») следовало приказать прийти с книгою, по которой тот учит перебежчиков, и, пригласив в качестве эксперта «наставника всех шипров <=шкиперов> здешних», в присутствии Копиевского рассудить, кто ее автор («чия книга и наука будет»)¹³. Таким образом истина восторжествует, и «тот виноватый будет виноват пред Величеством Вашея Велможности Государем моим много милостивым»¹⁴. Копиевский явно рассчитывал, что после такого разбирательства ему хотя бы частично будут возмещены убытки, о которых он так подробно рассказал Головину. Впрочем, не исключено, что он надеялся на их компенсацию и без всякого разбирательства.

Доставка и распространение книг

Следующий сюжет связан с доставкой книг Копиевского в Россию. Традиционно считается, что до российского читателя дошла лишь какая-то часть их тиража, однако никаких сведений о такого рода потерях не имеется. Больше того, имеется достаточно много свидетельств обратного.

¹¹ Там же. Л. 1 об.

¹² Там же.

¹³ Там же. Л. 2.

¹⁴ Там же.

Из Амстердама эти книги доставлялись морским путем сначала в Архангельск, а оттуда в Москву и другие российские города. Очевидно, какая-то небольшая их часть по традиции была сразу «безденежно» передана Петру, членам его семьи и высокопоставленным особам из ближайшего окружения царя. Во всяком случае, они оказались в петровской библиотеке¹⁵, книжных собраниях Д.М. Голицына¹⁶ и Я.В. Брюса¹⁷, а также в «книгохранительной келье» архиерейской ризницы митрополита Иова в Колмовском монастыре¹⁸. Еще несколько их экземпляров поступили по крайней мере в два государственных учреждения: Посольский приказ и Московский печатный двор¹⁹. Что касается большей части тиражей книг Копиевского, то они, как это и предписывалось петровской привилегией, распространялись «повольною торговлей»²⁰.

Первым местом этой торговли была архангельская ярмарка – одна из крупнейших в России того времени. Русские купцы сотнями съезжались сюда со своими товарами по течению Двины и возвращались с заморскими обратно – в Москву, Ярославль, Кострому, Вологду, Каргополь, другие губернские и уездные города, слободы и села [Козинцева 1964, с. 135–136]. Среди этих заморских товаров должны были находиться и амстердамские учебники, хотя, скорее всего, в очень небольшом количестве. Большинство же их отправлялось из Архангельска напрямую в Москву, где печатная продукция пользовались самым большим спросом

¹⁵ Библиотека Петра I: Указатель-справочник. Л.: Библ. АН СССР, 1978. № 398, 524, 525, 526, 527, 546, 601.

¹⁶ [Градова, Клосс, Корецкий 1979, № 230, 265, 310].

¹⁷ Библиотека Я.В. Брюса: Каталог / Сост. Е.А. Савельева. Л.: БАН, 1989. № 384.

¹⁸ Опись архиерейской ризницы... Иова, митрополита Великого Новгорода и Великих Лук <1716> // Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего правительствующего синода. Т. 1. СПб., Синодальная типография, 1868. Стб. 86, 89, 97.

¹⁹ В Посольский приказ издания Тессинга доставлялись по петровскому указу (Полное собрание законов Российской империи. Т. 4: 1700–1712. СПб.: Тип. 2 Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830. С. 7; далее – ПСЗРИ 4). О том, что одно из них попало в книжное собрание Московского печатного двора, свидетельствует экземпляр «Введения краткого», хранящийся в РГАДА: Российский государственный архив древних актов (РГАДА): Путеводитель: В 4 т. / Сост. М.В. Бабич, Ю.М. Эскин, Л.А. Тимошина. Т. 4. М.: АЦ, 1999. С. 468.

²⁰ ПСЗРИ 4. С. 6–7.

и имелись специализированные места ее продаж: книжный ряд и «библиотеки»²¹.

О торговле в Москве книгами Копиевского известны три свидетельства. Согласно первому, их привозил сюда голландский купец Елисей Клюк, отдавал часть на продажу русским купцам, а оставшуюся распространял сам через нанятых торговцев («сидельцев»). Одним из этих сидельцев был торговавший в Самопальном (т. е. оружейном) ряду наборщик Печатного двора Дмитрий Коробов [Захаров 1996, с. 213]. Второе свидетельство я обнаружил в исследовании Эдварда Винтера, ссылающегося на неопубликованное письмо от 11 марта 1704 г. немецкого филолога Генриха Лудольфа Августу Франке [Winter 1953, p. 215]. Лудольф кроме прочего называет в нем имя одного из продавцов книг Копиевского, некоего Шумана. Наконец третье, наиболее подробное, принадлежит самому Копиевскому и содержится в его челобитной Петру 1710 г. Копиевский жалуется в ней царю на то, что книги, которые он «тискал в Амстердаме», продаются в Москве без его ведома и согласия и что это приносит ему «обиду немалую и разорение». Обвинение в обмане он предъявляет здесь трем лицам: уже известному нам Елисею Клюку, переводчику Посольского приказа Венедикту Шиллингу (Шилинхту), и некоему иноземцу «Ивану Фоншвейдену»²². Назвав имена обидчиков, Копиевский просит царя их «сыскать и допросить и свой милостивый монарший указ учинить» [Быкова 1958, с. 236].

До нас дошло также сообщение о ходе продаж в Москве одной из книг Копиевского, «*Latina grammatica*». В упомянутом письме Лудольфа к Франке от 11 марта 1704 г. говорится, что в городе на тот момент уже нельзя было найти ни одного ее экземпляра [Winter 1953, p. 215]. Если доверять этому сообщению, то «Латинская грамматика» разошлась в старой столице на удивление быстро: путь светских изданий из типографии к читателю в России в первые десятилетия XVIII в. обычно измерялся годами, а иногда и десятилетиями [Луппов 1973, с. 113, 144–145 и сл.].

Среди первых обладателей книг Копиевского были не только Петр и его приближенные, но и справщик Московской типографии Федор Поликарпов-Орлов (назначенный в 1701 г. начальником «Приказа книг Печатного Двора»). Поликарпов был также одним из первых – причем очень внимательных – их читателей. По крайней

²¹ В начале XVIII в. библиотеками в России назывались не только места, где можно было взять книгу для чтения на время, но также и книжные магазины.

²² Разнообразные сведения о Шиллинге/Шилинхте см.: РГАДА. Ф. 138. Оп. 1.

мере двух: русско-латинско-немецкого «номенклатора» и «Притч Эзоповых»²³.

О том же, кто из «благородных юношей», которым Копиевский адресовал свои книги в первую очередь, их читал, мы почти ничего не знаем. Сколько их было? К каким слоям общества они принадлежали? В каких городах и селах жили? Единственно, мы знаем, что среди них оказались десятки – или в лучшем случае несколько сотен – учеников духовных училищ и первых российских светских школ.

Из всех учебников Копиевского особенно востребованными, судя по всему, оказались три: два пособия по изучению языков (латинского и русского) и русско-латинско-немецкий «номенклатор». Мы знаем, что в первые же месяцы после выхода из печати «*Latina grammatica*» несколько ее экземпляров, несмотря на свое критическое отношение к книге, закупил для своего училища Эрнст Глюк [Winter 1953, p. 215, 377]. По этому же учебнику осваивали начала латыни ученики Новгородской славяно-греческой школы братьев Лихудов и, вероятно, нескольких других духовных и светских учебных заведений [Григорьева, Салоников 2008, с. 201]²⁴. О популярности «номенклатора» свидетельствуют также три его переиздания в первые десятилетия XVIII в. Последнее, вышедшее в Санкт-Петербурге в 1732 г. под названием «Латинороссийская и немецкая словесная книга», помимо обеих столиц, использовалось в латинской школе Екатеринбурга [Сафронова 2018, с. 29, 31–32]. Что касается сведений об учебнике русского языка («Руководение в грамматику»), то он был в употреблении в Устюжской семинарии и, по-видимому, в латинской католической школе Немецкой слободы в Москве²⁵.

Историки русского образования считают, что по книгам Копиевского обучались также в цифирных школах и Школе навигацких и математических наук [Горощенова 2005, с. 151]. Можно еще предположить, что по крайней мере одна из них, «Введение краткое во всякую историю», нашла применение в школе Феофана

²³ *Поликарпов-Орлов Ф.П.* Букварь славено-греко-латинский. М.: Синодальная тип., 1701. С. 5; *Пекарский П.П.* Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1. С. 20. См. об этом: [Рамазанова 2013, с. 79; Чума 1970, с. 50; Живов 1996, с. 90].

²⁴ О востребованности этого учебника говорит его экземпляр, хранящийся в Библиотеке иностранной литературы им. М.И. Рудомино с многочисленными читательскими пометами разными почерками первой половины XVIII в.

²⁵ *Строев П.М.* Описание старопечатных книг славянских, служащее дополнением к описаниям библиотек графа Ф.А. Толстова и купца И.Н. Царского. М.: Тип. С. Селивановского, 1841. С. 220.

Прокоповича – единственной в России того времени, где история была включена в учебную программу²⁶.

Впрочем, поскольку образование в России во времена Петра и еще долго после было преимущественно домашним, вряд ли ученики школ и училищ составили большинство читателей Копиевского. Скорее, это большинство составляли просто «охочие до чтения» русские люди всех сословий и возрастов.

Присяга

В марте 1707 г., когда Копиевский жил в Гданьске, в Торуню располагалась штаб-квартира войск генерала Карла Рёнеке, и находившийся в двухстах километрах севернее Торуню Гданьск оказался под контролем русской военной администрации [Nowak 1970, p. 79]. Это обстоятельство способствовало новому сближению Копиевского с российскими властями. По всей видимости, в июле он отправляется в Варшаву, где в то время находился Петр, там пишет прошение о поступлении на государственную службу и после принятия присяги 30 августа зачисляется переводчиком в Посольский приказ [Быкова 1958, с. 334].

Поскольку текст этой присяги содержит важные подробности, связанные с последующей судьбой Копиевского, приведу его целиком:

Понеже Пресветлейший и Державнейший Великий Государь, Царь и Великий Князь Петр Алексеевич, самодержец Всероссийский и прочае и прочая изволил меня нижеподписанного принять в службу свою для книжных и иных переводов, которые трудами моими могут и печататься во всякой исправности, того ради обещаю и кленуся Богом, истинным Учителем, что его царскому величеству в пребывающее время той службы во всем верен и благонамерен буду без всякие хитрости, как подобает исправляти великому слуге пред Богом и человек. И о противных и непотребных Московскому Государству делех и ответах кореспонденции и книг не иметь, и ни которого зла или противности чинить не буду, но во всем должен ему, оному государству ползы иметь. И по возвращении своему из Гданска как наискоряе по-прежнему быть мне к войскам его царского Величества где оные обретатися имеют, и явитца в Посолской походной канцелярии.

Что учинено при написании руки моей свершав 1707 года месяца августа 30-го дни.

²⁶ Чистович И.А. Феофан Прокопович и его время. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1868. С. 631.

И в конце почерком Копиевского добавлено: «Илия Копиевский приписал рукою своею утвержая выше писаное»²⁷.

Из содержания этого документа можно заключить, что составлен он был в Варшаве, где в то время находилась Походная канцелярия Посольского приказа, и что Копиевскому вскоре предстояла поездка в Гданьск. Одной из целей этой поездки, как сообщал Копиевский позднее в письме к Петру, было исполнение государева наказа о покупке иностранных книг по военному искусству, для чего из царской канцелярии ему было выдано 50 ефимок. В этом же письме он сообщал, что смог найти там только одну, «Брауну артиллерию», которую и отправил Петру²⁸. Однако в Гданьск он отправился не только и не столько с целью покупки книг, а для того, чтобы привезти оттуда остававшиеся там свои личные вещи и шрифты своей русской типографии.

В этом тексте, возможно, содержатся слова, проливающие свет на дальнейшую судьбу Копиевского. Он явно рассчитывал на то, что будет не только переводчиком, но и издателем своих книг («...переводов, которые трудами моими могут и печататься во всякой исправности»). Как мы знаем, эти ожидания оказались напрасными и в Москве его опыт книгопечатания остался невосребованным.

Служба в Посольском приказе

В 1708 г. Копиевский приезжает в Москву и 27 сентября является в Посольский приказ для зачисления на службу²⁹. О его дальнейшей жизни и работе здесь историкам известно не слишком много [Зарецкий 2021а, с. 59–74]. Он трудился над несколькими переводами, однако по каким-то причинам ни один из них не был опубликован. Рукопись «Истории» Пуфендорфа, над которой ему было велено работать в самом начале, осталась неизданной

²⁷ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1707 г. № 47. Л. 1–1 об.

²⁸ *Пекарский П.П.* Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1. С. 528. Речь здесь идет о впервые изданном в 1682 г. в Гданьске на немецком языке трактате Эрнеста Брауна “Novissimum Fundamentum & Praxis Artilleriae Oder Nach itziger besten Manier Neuvermehrter und gantz Gründlicher Unterricht”. Русский перевод его вскоре вышел в Москве: *Браун Э.* Новейшее основание и практика артиллерии. М.: Московский Печатный двор, 1709.

²⁹ *Токмаков И.Ф.* Материалы для истории русской и иностранной библиографии в связи с книжной торговлей // Библиограф. 1886. № 5. С. 75–76.

в бумагах Посольского приказа³⁰. Помимо нее до нас дошла еще рукопись его перевода «Истории Александра Македонского» Квинта Курция Руфа³¹. По сообщению вдовы Копиевского, среди законченных им переводов были также три катехизиса. Вызванная 19 октября 1715 г. в Посольский приказ на допрос, она свидетельствовала, что это были «три книги катизмусы», которые ее муж «сочинил и написал на словенском языке своею рукою... о разных верах, выбирая из разных книг с латинского, с галанского, с польского языков»³². Эти рукописи, по ее утверждению, были переданы П.П. Шафирову. Позднее она же принесла в Приказ еще черновики сделанных Копиевским переводов каких-то книг Ветхого и Нового Заветов и незаконченный латинско-польский лексикон.

Известно еще, что помимо переводов Копиевский в 1710 г. принимал экзамен у одного из своих амстердамских учеников, Петра Ларионова. За прошедшие годы Петр продолжил свое образование в Европе и успел поработать в российской дипломатической миссии во Франции³³. Теперь, по возвращении в Москву, он подал в Посольский приказ прошение о назначении на должность, соответствующую его знаниям и опыту («чином и государевым жалованьем против наук моих и трудов»). На основании этого прошения 11 января 1710 г. в Приказе было решено «освидетельствовать его в науке иностранных языков»³⁴.

До нас дошли также челобитные Копиевского, рассказывающие о разного рода несправедливостях и обидах, которые он претерпел за эти годы. Помимо упоминавшегося обвинения трех иноземцев в незаконной продаже книг, которые он «тискал в Амстердаме», Копиевский жалуется в них на иноземца, золотых дел мастера Петра Вилнета, не вернувшего ему часть денег за взятые узду, хомут и сани³⁵. Затем – на полковника Чамардина, который еще в 1707 г. отобрал у него под Гданьском две штуки дорогостоящего швабского

³⁰ Токмаков И.Ф. Материалы для истории русской и иностранной библиографии в связи с книжной торговлей // Библиограф. 1885. № 4. С. 81.

³¹ Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. Вып. 1: XVIII век М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1956. С. 410. Это сочинение Копиевский неоднократно указывал как книгу, подготовленную им к печати.

³² Токмаков И.Ф. Материалы для истории русской и иностранной библиографии в связи с книжной торговлей // Библиограф. 1885. № 4. С. 80.

³³ О немецких школах в Москве в первой четверти XVIII в. (1701–1715 гг.): Документы моск. арх., собр. С.А. Белокуровым и А.Н. Зерцаловым. М.: О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1907. С. 243–244.

³⁴ Там же. С. 244.

³⁵ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1709 г. Д. 130. Л. 1–1 об.

полотна, купленного по поручению графа Г.И. Головкина³⁶. Последняя из жалоб Копиевского, от 18 сентября 1710 г., содержит обвинение некоего «шведа-полонянина» Яна Меера в том, что он избил его человека и отнял у него лошадь с телегой³⁷. Больше никаких сведений о московском периоде жизни Копиевского неизвестно. Отсутствие заметных следов его деятельности в государственных документах и особенно тот факт, что за семь лет им не было опубликовано ни одной книги, дают историкам повод говорить о частичной утрате им работоспособности [Быкова 1958, с. 340]. Вполне возможно, что произошло это вследствие душевного кризиса по причине не востребоваемости его предшествующего опыта издания русских книг. Во всяком случае, мы видели, что, поступая на службу в Посольский приказ, он явно рассчитывал на продолжение своей издательской деятельности в России.

Вместо заключения.

О чем еще могут рассказать архивы

Очевидно, что биография Копиевского, известная нам сегодня, содержит существенные лакуны, которые смогут заполнить только новые архивные находки. Прежде всего, я имею в виду историю его жизни до переезда в Голландию (скорее всего, после 1676 г.). Документы со сведениями о ней вполне могут храниться в архивах Белоруссии, Польши и Литвы. Важные ориентиры для их поисков содержит интернет-ресурс с материалами по генеалогии белорусских дворянских родов³⁸. Что касается жизни Копиевского в Голландии (он навсегда покинул ее в 1702 г.), то какие-то следы ее должны сохраниться в трех собраниях документов: амстердамской реформатской общины (в связи с его пастырской деятельностью), городского суда (в связи с арестом его типографии) и правительства Республики Соединенных провинций, выдавшего 17 сентября 1700 г. Копиевскому привилегию на продажу «Латинской грамматики» в Голландии и Вестфалии³⁹. Впрочем, историкам хорошо известно, что главные находки могут их ждать в самых неожиданных местах.

³⁶ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1710 г. Д. 19. Л. 1–1 об.

³⁷ Там же. Д. 47. Л. 1.

³⁸ Собрание белорусской шляхты. URL: <http://www.nobility.by/forum/index.php?topic=2116.0> (дата обращения 04.02.2022).

³⁹ Ее текст на латинском и русском языках приведен в начале книги.

Литература

- Быкова 1958 – *Быкова Т.А.* Описание изданий, напечатанных кириллицей: 1689 – январь 1725 г. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. 403 с.
- Горошенова 2005 – *Горошенова О.А.* Школа математических и навигацких наук в Москве (1701–1752 гг.) и ее продолжатели // Вопросы истории. 2005. № 10. С. 151–155.
- Градова, Клосс, Корецкий 1979 – *Градова Б.А., Клосс Б.М., Корецкий В.И.* К истории Архангельской библиотеки Д.М. Голицына // Археографический ежегодник за 1978 год. М.: Наука, 1979. С. 238–253.
- Григорьева, Салоников 2008 – *Григорьева И.Л., Салоников Н.В.* Новгородская Академия: к истории учебных заведений Новгорода XVIII в. // Новгородский исторический сборник. Вып. 11 (21). СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. С. 185–218.
- Живов 1996 – *Живов В.М.* Язык и культура в России XVIII века. М.: Школа «Языки рус. культуры», 1996. 590 с.
- Зарецкий 2020 – *Зарецкий Ю.П.* Первая русская зарубежная типография: голландские книги для подданных Петра I // Неприкосновенный запас: Дебаты о политике и культуре. 2020. Т. 133. № 5. С. 100–120.
- Зарецкий 2021a – *Зарецкий Ю.П.* Переводчик Посольского приказа Илья Федорович Копиевский // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия: материалы международной научной конференции. Вып. 2. М.: ИРИ РАН, 2021. С. 59–74.
- Зарецкий 2021b – *Зарецкий Ю.П.* Всемирная история Ильи Копиевского (перевод, истолкование, компиляция, адаптация, трансляция европейского исторического знания в Россию) // История: переводить, понимать, оценивать (к юбилею М.А. Юсима): Сборник материалов конференции. М.: ИВИ РАН, 2021. С. 447–467.
- Захаров 1996 – *Захаров В.Н.* Западноевропейские купцы в России: Эпоха Петра I. М.: РОССПЭН, 1996.
- Козинцева 1964 – *Козинцева Р.И.* Внешнеторговый оборот Архангельской ярмарки и ее роль в развитии всероссийского рынка // Исследования по истории феодально-крепостнической России. М.; Л.: Наука, 1964. С. 116–163.
- Луппов 1973 – *Луппов С.П.* Книга в России в первой четверти XVIII века. Л.: Наука, 1973. 372 с.
- Рамазанова 2013 – *Рамазанова Д.Н.* Славяно-греко-латинский букварь Федора Поликарпова (1701 г.): история создания и источники // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. Психология. 2013. № 4. С. 78–88.
- Сафронова 2018 – *Сафронова А.М.* В.Н. Татищев и организация латинской школы в Екатеринбурге. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2018. 290 с.
- Чума 1970 – *Чума А.А.* Ян Амос Коменский и русская школа (до 70-х годов XVIII века). Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1970. 116 s.

- Nowak 1970 – *Nowak* Z. Eliaz Kopijewicz, polski autor, tłumacz, wydawca i drukarz świeckich książek dla Rosji w epoce wczesnego oświecenia // *Libri Gedanenses: rocznik Biblioteki Gdańskiej Polskiej Akademii Nauk*. T. 2–3 (1968–1969). Gdańsk: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1970. S. 35–86.
- Winter 1953 – *Winter* E. Halle als Ausgangspunkt der deutschen Russlandskunde im 18. Jahrhundert. Berlin: Akademie Verlag, 1953. 502 S.

References

- Bykova, T.A. (1958), *Opisaniye izdaniy, napechatannykh kirillitsey: 1689 – yanvar' 1725 g.* [Description of the publications printed in cyrillic: 1689 – January 1725], Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, Moscow, Leningrad, USSR.
- Goroshchenova, O.A. (2005), “The School of Mathematical and Navigational Sciences in Moscow (1701–1752) and Its Successors“, *Voprosy istorii*, no. 10, pp. 151–155.
- Gradova, B.A., Kloss, B.M. and Koretskii, V.I. (1979), “On the history of the Arkhangel'sk library of D.M. Golitsyn”, in *Arkheograficheskii ezhegodnik, 1978* [Archeographic Yearbook, 1978], Nauka, Moscow, USSR, pp. 238–253.
- Grigor'eva, I.L. and Salonikov, N.V. (2008), “The Novgorod Academy. On the history of the Novgorod Educational Institutions in the 18th century”, in *Novgorodskiy istoricheskiy sbornik* [Novgorod Historical Collection], vol. 21, no. 21, Dmitrii Bulanin Publishing House, Saint Petersburg, Russia, pp. 185–218.
- Zhivov, V.M. (1996), *Yazyk i kul'tura v Rossii XVIII veka* [Language and culture in 18th-century Russia], Yazyki russkoi kul'tury, Moscow, Russia.
- Zaretskii, Yu.P. (2020), “The first Russian foreign printing house. Dutch books for the subjects of Peter the Great”, *Neprikosnovennyyi zapas*. Debaty o politike i kul'ture, vol. 133, no. 5, pp. 100–120.
- Zaretskii, Yu.P. (2021), “Translator of the Posolsky Prikaz Ilya Fedorovich Kopyevsky”, in *Perevodchiki i perevody v Rossii kontsa XVI – nachala XVIII stoletiya: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Translators and translations in Russia at the end of the 16th – beginning of the 18th centuries. Proceedings of the International Scientific Conference], vol. 2, The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences Publishing House, Moscow, Russia, pp. 59–74.
- Zaretskii, Yu.P. (2021), “World history of Ilya Kopyevsky (translation, interpretation, compilation, adaptation, conveying of European historical knowledge to Russia)”, in *Istoriya: perevodit', ponimat', otsenivat' (k yubileyu M.A. Yusima)*. *Sbornik materialov konferentsii* [History. Translate, understand, evaluate (on the anniversary of M.A. Yusim). Collection of conference materials], The Institute of World History of the Russian Academy of Science Publishing House, Moscow, Russia, pp. 447–467.
- Zakharov, V.N. (1996), *Zapadnoevropeiskie kuptsy v Rossii. Epokha Petra I* [Western European merchants in Russia. The era of Peter the Great], ROSSPEN, Moscow, Russia.

- Kozintseva, R.I. (1964), “The foreign trade turnover of the Arkhangelsk fair and its role in the development of the All-Russian market”, in *Issledovaniya po istorii feodal'no-krepostnicheskoy Rossii* [Studies on the history of the feudal serfdom Russia], Nauka, Moscow, Leningrad, USSR, pp. 116–163.
- Lupov, S.P. (1973), *Kniga v Rossii v pervoi chetverti XVIII veka* [Book in Russia in the first quarter of the 18th century], Nauka, Leningrad, USSR.
- Ramazanova, D.N. (2013), “Fedor Polikarpov’s Slavic-Greek-Latin Primer (1701). The history of creation and sources”, *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 4: Pedagogika. Psikhologiya*, no. 4, pp. 78–88.
- Safronova, A.M. (2018), *V.N. Tatishchev i organizatsiya latinskoy shkoly v Yekaterinburge* [V.N. Tatishchev and the organization of the Latin school in Yekaterinburg], Publishing House of Ural University, Yekaterinburg, Russia.
- Chuma, A.A. (1970), *Jan Amos Komenskii i russkaya shkola (do 70-kh godov XVIII veka)* [John Amos Comenius and the Russian school (until the 70s of the 18th century)], Slovenské pedagogické nakladateľstvo, Bratislava, Czechoslovakia.
- Nowak, Z. (1970), *Eliasz Kopijewicz, polski autor, tłumacz, wydawca i drukarz świeckich księzek dla Rosji w epoce wczesnego oświecenia*, in *Libri Gedanenses: rocznik Biblioteki Gdańskiej Polskiej Akademii Nauk*, T. 2–3 (1968–1969), Państwowe Wydawnictwo Naukowe, Gdańsk, Polska, pp. 35–86.
- Winter, E. (1953), *Halle als Ausgangspunkt der deutschen Russlandkunde im 18. Jahrhundert*, Akademie Verlag, Berlin, Germany.

Информация об авторе

Юрий П. Зарецкий, доктор исторических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; 109028, Россия, Москва, Покровский бульвар, д. 11; yzaretsky@hse.ru

ORCID ID: 0000-0002-3923-8775

Information about the author

Yury P. Zaretskii, Dr. of Sci. (History), professor, HSE University, Moscow, Russia; bld. 11, Pokrovsky Blv., Moscow, Russia, 109028; yzaretsky@hse.ru
ORCID ID: 0000-0002-3923-8775

Государственная гражданская служба в России: правила, традиции, документы, технологии

Анастасия Ю. Конькова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, A.Y.Konkova@gmail.com*

Анна В. Бадьина

*Государственный университет управления,
Москва, Россия, butinka79@mail.ru*

Аннотация. В данной статье рассмотрены причины складывания и основные этапы формирования документной системы о прохождении государственной службы в Российской империи. Рассмотрены основные имперские принципы «служения» государству. Прослеживаются тенденции возрождения государственной гражданской службы в России в последнее тридцатилетие. В статье также уделено внимание основам реализации принципа доступности и открытости информации о государственной гражданской службе через свободный доступ к государственным информационным ресурсам, локализованным в интернет-пространстве. Дается характеристика данным ресурсам, их назначение и порядок использования в условиях соблюдения норм законодательства о защите персональных данных и иных локально-нормативных актов, регулирующих вопросы аккумулирования, анализа, отчетности и систематизации, а также предоставления информации о государственных служащих. Еще стоит отметить, что во все рассмотренные в статье временные периоды основополагающим оставался принцип прозрачности процессов и результатов трудовой деятельности госслужащих. Подводя итоги проведенному исследованию принципов, правил и технологий документирования этапов прохождения гражданской службы, можно подчеркнуть особую, возможно, и неясственную, на первый взгляд, но чтимую традицию соблюдения гражданского долга и ответственности представителей государственных служб перед собой, перед народом и государством.

Ключевые слова: государственная служба, Российская империя, анкета, служебный контракт, должностной регламент, справка о доходах, портал государственных услуг, борьба с коррупцией

Для цитирования: Конькова А.Ю., Бадина А.В. Государственная гражданская служба в России: правила, традиции, документы, технологии // История и архивы. 2022. № 3. С. 29–40. DOI: 10.28995/2658-6541-2022-3-29-40

Public service in Russia. Rules, traditions, documents, technologies

Anastasiya Yu. Kon'kova

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, A.Y. Konkova@gmail.com*

Anna V. Bad'ina

*State University of Management,
Moscow, Russian Federation, butinka79@mail.ru*

Abstract. The article studies reasons for the emergence and the main stages in the formation of the document system connected with the public service career development in the Russian Empire. The main imperial principles of the “service” to the state are considered. Over the last thirty years, there has been a tendency towards the revival of the public service in Russia. The article also focuses on the fundamentals of implementing the principle of accessibility and openness of information about the public service through the Internet free access to the state information resources. The present paper characterizes those resources, describes their purpose and the procedure of using them in compliance with the norms of the personal data protection legislation and with other local regulations governing the accumulation, analysis, reporting, systematization and also the provision of information concerning the civil servants. It is also worth noting that in all the time periods considered in the article, the principle of transparency of the processes and results of the civil servants’ activity remained fundamental. Summing up the results of the study of the principles, rules and technologies for the documenting of the civil service stages, one can emphasize a special, perhaps at first glance implicit, but a time-honored tradition of observing a civic duty and responsibility of the public service representatives towards themselves, towards the people and the state.

Keywords: public service, Russian Empire, personnel form, service contract, official regulation, income statement, public service portal, fight against corruption

For citation: Kon'kova, A.Yu. and Bad'ina, A.V. (2022), “Public service in Russia. Rules, traditions, documents, technologies”, *History and Archives*, no. 3, pp. 29–40, DOI: 10.28995/2658-6541-2022-3-29-40

Дореволюционный период развития отечественного государственного управления сформировал комплекс документов о прохождении государственной службы. Изучением этой документации занимались многие исследователи, среди них – А.В. Елпатьевский [Елпатьевский, 2015, с. 127–171], А.Ю. Конькова [Конькова, 2004, с. 123–164], Т.Н. Кандаурова [Кандаурова, 2020, с. 100–110] и другие.

Ряд авторов рассматривают периоды, предшествующие формированию государственной службы в XVIII в. Анализируется источниковая база исследования служилых родов XVII в. [Астафьев, Годовова 2021, с. 927–938].

Некоторые стороны деятельности отечественной бюрократии в первые годы советской власти раскрываются в трудах ученых-государствоведов. Среди них – М.А. Андреев, исследовавший вопросы командирования служащих Народного комиссариата по просвещению РСФСР в 1921–1923 гг. [Андреев 2018, с. 113–128].

В статье «Современная российская государственность и перспективы ее модернизации» известный ученый – государствовед Т.Г. Архипова рассматривает все составляющие государственной службы – государственное устройство, государственный аппарат, государственную идеологию и национальную идею [Архипова, 2017, с. 9–23].

Полный спектр проблем, связанных с государственной службой, представлен в сборнике докладов на Международной научной конференции, посвященной 100-летию профессора Н.П. Ерошкина «История российской государственности»¹.

Отправной точкой для складывания этой документации стало издание Табели о рангах 1722 г. Актами служебного состояния становятся патент на чин, аттестат о службе, послужной список. Для награждений был разработан отдельный документ – наградной список. Необходимость отслеживать нравственные характеристики служащих, символизирующих для остальных подданных Российской империи государственную власть, способствовала появлению документа – кондуитный список.

В процессе почти двух столетий складывались принципы, по которым должны были жить и работать государственные служащие. Складывались они, безусловно, под влиянием социально-экономической и политической обстановки в стране. Постепенно одним из главных признаков становится «прозрачность»: «прозрачность» происхождения (сословия), наград, взысканий, в особенности

¹ История российской государственности: доклады Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Н.П. Ерошкина. Москва, 19 декабря 2020 г. / Сост. Л.Д. Шаповалова. М., 2021. 524 с.

имущественных вопросов (имения, строения, количество душ крестьян и т. д.), которые надо было подробно указывать в послужных списках².

Проведенные Петром I реформы повлекли за собой ряд изменений, ставших началом формирования системы документов по оформлению прохождения чиновниками государственной службы в Российской империи, которая стала напрямую зависеть от выслуги лет³. Табель о рангах, введенная 24 января 1722 г. Петром I, заложила основу государственной службы.

Принципиальным новшеством стала возможность приобретения патента на чин, с оформления которого начинался процесс документирования чиновничества. Его введение потребовало утверждения единого порядка выдачи патентов, сбора определенного пакета документов, и поэтому последовал целый ряд указов, закреплявших соответствующие нормы⁴.

Анализ архивных материалов показал, что патент на чин, став основным документом о государственной службе, предполагал единую форму заполнения, имел типографский формуляр установленного образца и заполнялся от руки, после чего скреплялся сургучной печатью и регистрировался в установленном порядке.

Во второй половине XVIII в. стало необходимым более полно и всесторонне отражать различные аспекты деятельности чиновников, влияющие на рассмотрение возможного повышения по государственной службе, что повлекло значительные изменения в документировании ее прохождения.

В январе 1764 г. утверждена форма послужных списков, которая давала более полное представление о свойствах и характере несения службы чиновником. На основании данных, оформляемых таблицей из 9-ти граф, можно сформировать определенное мнение о персоне, получить информацию о всех аспектах жизни и важных подробностях службы. Эти данные становились особенно актуальными при принятии решения о повышении по службе.

В графах послужного списка указывались основные персональные данные, отметки о продвижении по службе и служебном рвении чиновника, включая прохождение военной службы. Информация о наличии имущества (имений и их местонахождения, количество душ крестьян) свидетельствовала о материальном положении служащего.

² Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. 19. № 13690, 13991. СПб. (1830); Т. 20. № 14292, 14353, 14588. СПб. (1830); Т. 21. № 15529. СПб. (1830).

³ ПСЗ 1. Т. 5. № 3006, 3265; Т. 6. № 3846.

⁴ Там же. № 3890, 3997; Т. 7. № 4589.

Внесенные в послужной список сведения давали достаточно полное представление об особенностях характера чиновника, его служебных качествах, которые формировали мнение о благонадежности человека. Кроме того, вводилась установка писать о каждом аттестаты (характеристики) с предельно понятными формулировками.

По мере возрастания объема «кадровой» документации постепенно формируется порядок оформления личных дел чиновников. Отчетливо прослеживается стремление «увидеть» истинное положение чиновника, поэтому требуется указывать в документах «денежные подарки, пенсии, аренды»⁵ и проч. Эта тенденция усиливается, когда в 1826 г. поощрения и наказания гражданских чиновников начинают объявляться публично в специальных изданиях⁶, а с 1847 г. неточное указание недвижимого имущества у чиновника (фабрик, заводов, земель, строений) начинает приравниваться к представлению «фальшивого документа»⁷. Во второй половине XIX в. вводятся запреты на совмещение государственной службы с членством в политических партиях и движениях⁸.

Одним, пожалуй, из главных лейтмотивов прохождения государственной службы в Российской империи является установление духовной взаимосвязи «служения» государству, поставленному в зависимость от ответа перед Богом⁹, из-за чего чиновники произносили клятвенное обещание в храме по определенному обряду.

В настоящее время, когда возрождается государственная гражданская служба со всей совокупностью ее особенностей, традиционно обращается внимание на вопросы государственного управления, которые, безусловно, определяют всю совокупность информационно-документационных процессов.

Для того, чтобы создать кадровый резерв «новых» гражданских служащих, необходимо было реформировать систему государственной службы РФ, создать новую, значительно расширенную и измененную нормативную базу. В силу указанных обстоятельств с 1993 по 2001 г. формируются основные понятия в сфере гражданской

⁵ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. 33. № 26041, п. 7., СПб. (1830).

⁶ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. 34. № 26615. СПб. (1830); Т. 37. № 28532. СПб. (1830); Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. 1. № 445. СПб. (1830).

⁷ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. 22. № 21221, 21350. СПб. (1830).

⁸ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. 26. № 28392. СПб. (1852).

⁹ Там же. Т. 1. № 13. Ст. 9. С. 23. СПб. (1830).

службы. Было определено, кто может считаться государственным служащим, произведена дефиниция государственных служащих от тех, кто работает на государственных предприятиях. Данный период прохождения государственной службы характеризуется недостаточным престижем службы, неоговоренностью механизмов борьбы с коррупцией, недостаточной социальной защитой государственных служащих.

В силу указанных обстоятельств с 2001 по 2007 гг. было продолжено реформирование государственной службы. В 2001 г. издана Концепция, которая должна была решить все указанные проблемы и осуществить переход к публичному регулированию прохождения службы. Предполагалось, что эта деятельность должна стать конкурентоспособной и отвечать всем потребностям общества на данном этапе его развития. В этот период разрабатывается ряд законодательно-нормативных актов по указанной проблематике.

Третий этап реформирования гражданской службы был осуществлен с 2009 по 2013 гг.: решались вопросы, связанные с внедрением в управленческую деятельность механизмов противодействия коррупции и установлением новых возможностей кадровой политики в отношении государственных служащих.

2016–2018 гг. отмечены четвертым этапом развития службы. В этот период издаются законодательные документы, направленные на профессиональное развитие служащих, повышение их компетентности, мотивации, внедрение методики проведения конкурсов, разработку основных принципов и методов аттестации служащих. К числу вводимых мер можно отнести попытки совершенствования служебной этики, а также внедрение электронного кадрового документооборота для управления документацией, касающейся прохождения службы.

С 2019 по 2021 г. осуществляется пятый этап развития государственной службы. Выдвигается тезис о том, что служба – это профессиональная деятельность, и потому, говоря о службе, имеется в виду профессия. Законодательство отчетливо «стремится» отделить общие кадровые вопросы от государственного «служения», подчеркивая применимость к государственной службе специального законодательства. Оговаривается, что нормы Трудового кодекса могут быть применимы тогда, когда это не оговорено в законодательстве о государственной службе (например, вопросы, связанные с материальной ответственностью, предоставлением учебного отпуска и т. д.). В законодательных правилах этого периода оговаривается статус и обязанности государственных служащих, а также рассматриваются документы, которыми эти процессы оформлены. Отмечается, что основным документом о прохождении службы является служебный контракт, уточняются категории государственных

служащих и соответствующие им требования к образованию, стажу и профессиональным навыкам. Оговаривается, что последние закрепляются в должностных регламентах.

В дальнейшем была разработана государственная информационная система для учетных целей и проверки персональных сведений.

Говоря об информационно-документационном обеспечении прохождения государственной службы, необходимо дать определение государственной службе как таковой. С точки зрения авторов, государственная служба – это вид деятельности, профессия, которая начинается с акта назначения на должность (приказа), осуществляется в соответствии со служебным контрактом и должностным регламентом и завершается соответствующим документом, свидетельствующим об окончании службы. К числу документов о государственном служащем также могут относиться акты о поощрениях, дисциплинарных взысканиях, награждениях и т. д. Документы, содержащие сведения о государственном служащем, в соответствии с законодательством о государственной службе формируются в личное дело.

Устанавливается, что к 30 апреля каждого года необходимо подавать справку о доходах, расходах государственного служащего, его имуществе и финансовых обязательствах. В качестве дохода указываются основной и дополнительные заработки. В рубрике «Сведения о расходах» отмечены земельные участки, транспортные средства, ценные бумаги, жилые дома, квартиры, гаражи и т. д. Эта позиция была установлена в свете законодательства об антикоррупционной политике в отношении государственных служащих.

Законодательство о гражданской службе устанавливает также ряд ограничений и запретов, связанных с прохождением службы: в 2013 г. вводится запрет на открытие счетов в иностранных банках; в 2016 г. в Закон о гражданской службе было введено требование предоставлять сведения об информации, внесенной в Интернет.

Одним из основополагающих документов является анкета государственного служащего. В ней, согласно установленным правилам, указываются фамилия, имя, отчество служащего, менял ли фамилию (и по какой причине), дата рождения, место рождения, образование, классный чин, уровень владения иностранными языками, допуск к государственной тайне, выполняемая работа с начала трудовой деятельности (подробно) и т. д. Особое внимание в документе обращено на пребывание за границей (цели), нахождение за границей близких родственников. Достаточно много данных требуется указывать о близких родственниках (отце, матери, братьях, сестрах, детях) и т. д. Основное содержание Анкеты дополняется информацией о данных паспорта, загранпаспорта, СНИЛС, ИНН и проч.

На основании федерального и регионального законодательства можно составить представление о служебном контракте как главном документе, акте, подтверждающем факт пребывания на государственной службе. Сам по себе служебный контракт свидетельствует о соглашении между представителем нанимателя и гражданином, поступающим на государственную службу. В контракте оговариваются условия работы, оплаты, режим, социальные и медицинские гарантии и прочее.

Действующим законодательством закреплено ведение учета личных дел гражданских служащих, составляется опись документом, хранящихся в личном деле; имеется личный листок (анкета) по учету кадров государственного гражданского служащего, а также сохраняется лист ознакомления с личным делом.

Таким образом, законодательство постсоветского периода отечественной истории идет по пути последовательного создания регулятивной базы прохождения государственной службы и формирования статуса государственного служащего. Создаются нормы, правила и виды документов, закрепляющих и оформляющих прохождение государственной службы. Последние тенденции информационно-документационного обеспечения прохождения государственной службы связаны с внедрением технологий, реестров и баз данных в управление кадрами, а также углублением политики, связанной с борьбой с коррупционными проявлениями.

Для реализации идеи «доступности информации» о функционировании субъектов государственной сферы управления в качестве инструментария, безусловно, подходят информационно-коммуникационные технологии. Практическим шагом явилось создание в рамках ФЦП «Электронная Россия (2002–2010 годы)» «Единой вертикальной интегрированной государственной автоматизированной информационной системы «Управление» (ГАС «Управление»).

Таким образом, вышеупомянутая система стала первым базовым комплексом информационных ресурсов и информационных систем, используемым при принятии управленческих решений в сфере государственного управления, повышении оперативности и качества обозначенных решений.

Контроль, мониторинг, а также анализ эффективности деятельности госорганов – основополагающая задача, которая поставлена перед ГАС «Управление».

Одним из проявлений эффективного управления является, безусловно, грамотно выстроенная и должным образом реализуемая кадровая политика.

Для сферы управления персоналом госсектора была разработана «Единая информационная система управления кадровым

составом государственной гражданской службы РФ (ЕИСУ КС)»¹⁰. По сути, она представляет собой информационные решения в составе единой информационной системы (ЕИС), посредством которых организована деятельность кадровых подразделений (служб) государственных органов власти на федеральном уровне, а также на уровне субъектов Федерации.

«Федеральный портал государственной службы и управленческих кадров» является базовым государственным ресурсом для получения информации о кадровом составе и содержит¹¹:

- базу вакансий муниципальной и гражданской службы общероссийского масштаба;
 - информационно-методические материалы по подготовке и профессиональному развитию резерва управленческих кадров, противодействию коррупции.
- В частности, на портале можно узнать:
- основные правила прохождения государственной службы;
 - права государственного служащего по обеспечению его деятельности, соответствия организационно-техническим условиям, нормативно-методической базе;
 - право на труд и отдых, достойную оплату труда;
 - право защиты персональных сведений (данных) о служащем;
 - право на должностной рост на конкурентной основе, дополнительное профессиональное образование, членстве в профсоюзе.

Также на портале возможно узнать об ограничениях и запретах, дисциплинарных взысканиях, поощрениях и награждениях, которые имеют место в рамках несения государственной службы, отстранении от занимаемой должности. Можно ознакомиться с должностным регламентом, служебным временем и временем для отдыха, а также с порядком проведения квалификационного экзамена и аттестации госслужащего, образования кадрового резерва, классных чинов. Через данный информационный сервис можно провести самопрезентацию на рынке труда и получить общую информацию о порядке поступления на государственную службу, наличии вакансий, подать соответствующие документы в электронном виде.

Через раздел портала для кандидатов можно ознакомиться с общероссийской базой вакансий, пройти тест для самопроверки, оценить свою готовность к поступлению на госслужбу.

¹⁰ Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. URL: <https://digital.gov.ru> (дата обращения 25.04.2021).

¹¹ Госслужба. URL: <https://gosslužba.gov.ru/Page/Index/AboutPortal> (дата обращения 25.04.2021).

На сайте в «Рубрике документа» представлен перечень документов, регламентирующих государственную служебную деятельность; перечислены квалификационные требования к государственным гражданским служащим, принципы служебного поведения и служебного распорядка, а также представлена система поощрения государственных гражданских служащих, порядок присвоения классовых чинов.

Сайт содержит большое количество материала, касающегося противодействия коррупции. Там же представлены материалы Минтруда России, НПА Президента и Правительства РФ, изданные для реализации требований федеральных законов, информационные материалы судебной и административной практики.

В составе государственных информационных ресурсов, связанных с вопросами организации и поддержки государственной службы и государственного управления, можно указать:

- официальный сайт Президента РФ;
- официальный сайт Федеральных органов исполнительной власти;
- портал «Госслужба в регионах»;

Таким образом, в последнее тридцатилетие предпринимается попытка воссоздания традиции прохождения государственной гражданской службы в России, что подтверждено рядом законодательных и подзаконных актов, изданных в РФ¹². Работа эта опирается на изучение исторического опыта и актуальных тенденций, и роль документа и технологий в этом процессе чрезвычайно важны.

Литература

- Елпатьевский 2015 – *Елпатьевский А.В.* Избранные труды по архивоведению и архивному делу / Предисл. В.П. Козлова. М., 2015. 368 с.
- Конькова 2004 – *Конькова А.Ю.* Формирование и развитие систем документации жизнедеятельности населения России XVIII – начала XX в.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. 340 с.

¹² ФЗ от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации (с изменениями и дополнениями)». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_43224/ (дата обращения 27.04.2021); ФЗ от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации (с изменениями и дополнениями)». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_43224/ (дата обращения 27.04.2021); Закон города Москвы от 26 января 2005 года № 3 «О государственной гражданской службе города Москвы (с изменениями на 25 ноября 2020 года)». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_43224/ (дата обращения: 27.04.2021).

- Кандаурова 2020 – *Кандаурова Т.Н.* Документы департаментского делопроизводства как информационный ресурс формирования коллективной биографии и социокультурного портрета военной бюрократии XIX в.: послужные списки и наградные материалы // *Wschodni Rocznik Humanistyczny*. 2020. Т. 17. № 1. С. 93–112. URL: <http://wrh.edu.pl/wrh-tom-xvii-2020-%e2%84%96-1/> (дата обращения 07.01.2022).
- Астафьев, Годовова 2021 – *Астафьев Д.А., Годовова Е.В.* Источниковая база генеалогического исследования служилых родов XVII в. // *Вестник архивиста*. 2021. № 3. С. 927–938.
- Андреев 2018 – *Андреев М.А.* К вопросу об организации и деятельности Комиссии по заграничным командировкам Народного комиссариата по просвещению РСФСР (1921–1923 гг.) // *Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение»*. 2018. № 10-1 (43). С. 106–118.
- Архипова 2017 – *Архипова Т.Г.* Современная российская государственность и перспективы ее модернизации // *Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология»*. 2017. № 8. С. 9–23.

References

- Elpatevskii, A.V. (2015), *Izbrannye trudy po arkhivovedeniyu i arkhivnomu delu* [Selected works on archival science and archival affairs], foreword by V.P. Kozlov, Moscow, Russia.
- Kon'kova, A.Yu. (2004), “*Formirovanie i razvitie sistem dokumentatsii zhiznedejatel'nosti naseleniya Rossii XVIII – nachala XX v.*” [Formation and development of documentation systems for the vital activity of the population of Russia in the 18th – beginning of the 20th centuries], D. Sc. Thesis, Moscow, Russia.
- Kandaurova, T.N. (2020), “Documents of departmental office work as an information resource for the formation of a collective biography and a socio-cultural portrait of the military bureaucracy of the 19th century. Service records and award materials”, *Wschodni Rocznik Humanistyczny*, vol. 17, no. 1, pp. 93–112, available at: <http://wrh.edu.pl/wrh-tom-xvii-2020-%e2%84%96-1/> (Accessed 1 Jul. 2022).
- Astafyev, D.A. and Godovova, E.V. (2021), “Source base for genealogical research in the sovereign service families of the 17th century”, *Herald of an Archivist*, no. 3, pp. 927–938.
- Andreev, M.A. (2018), “On the question of the organization and activities of the Commission on foreign business trips of the People’s Commissariat for Education of the RSFSR (1921–1923)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “History. Philology. Cultural studies. Oriental Studies” Series*, vol. 43, no. 10-1, pp. 106–118.
- Arkipova, T.G. (2017), “Modern Russian statehood and the prospects for its modernization”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary studies. Linguistics. Cultural studies” Series*, no. 8, pp. 9–23.

Информация об авторах

Анастасия Ю. Конькова, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; A.Y.Konkova@gmail.com
ORCID:0000-0002-7042-4808

Анна В. Бадина, кандидат экономических наук, Государственный университет управления, Москва, Россия; 109542, Россия, Москва, Рязанский пр-т, д. 99; butinka79@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7292-5115

Information about the authors

Anastasiya Yu. Kon'kova, Cand. of Sci. (History), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; A.Y.Konkova@gmail.com
ORCID: 0000-0002-7042-4808

Anna V. Bad'ina, Cand. of Sci. (Economics), State University of Management, Moscow, Russia; bld. 99, Ryazanskiy Av., Moscow, Russia, 109542; butinka79@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7292-5115

О некоторых особенностях функционирования системы местного управления в Таврической области: каймаканы и коменданты

Александр С. Кравчук

*Крымский инженерно-педагогический университет
имени Февзи Якубова, Симферополь, Россия,
alexkravchuk7@gmail.com*

Аннотация. В статье на основе архивных материалов впервые раскрыты ключевые особенности функционирования института каймаканств в Таврической области в 1784–1787 гг. Должности каймаканов и кадиев были введены в ходе реформ Шагин Гирея. На них возлагались административные и судебные функции в местном управлении Крымского ханства. После присоединения Крыма к Российской империи данные институты власти были временно сохранены и продолжали выполнять свои обязанности вплоть до 1787 г., когда их сменили открытые уездные присутственные места. Помимо каймаканов важную роль в местном управлении Таврической области стали играть коменданты, которые были назначены в крупнейшие города. Должности каймаканов занимали представители крымско-татарской знати, лояльные новым властям. Комендантами были чины из российского дворянства. Несмотря на попытки Таврического областного правления урегулировать отношения между этими двумя институтами власти, конфликтов избежать не удалось. Это негативно сказывалось на функционировании местной системы управления. Каймаканам приходилось работать в незнакомом для себя правовом поле, без знания русского языка. Они продолжали применять законы шариата в судебной практике, что вызывало непонимание российского чиновничества и приводило к правовым коллизиям.

Ключевые слова: Таврическая область, Таврическое областное правление, каймаканства, каймакан, комендант

Для цитирования: Кравчук А.С. О некоторых особенностях функционирования системы местного управления в Таврической области: каймаканы и коменданты // История и архивы. 2022. № 3. С. 41–51. DOI: 10.28995/2658-6541-2022-3-41-51

About some functioning specifics of the local management system in Taurian region. Kaymakans and Commandants

Alexandr S. Kravchuk

*Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University,
Simferopol, Russia, alexkravchuk7@gmail.com*

Abstract. The article deals with the history of the institution of Kaymakanism in the Taurian region in 1784–1787. It is based on new archival materials. Shahin Giray established the positions of kaymakans and kadis in the Crimean Khanate during his reforms of the local government. Those officials performed administrative and judicial functions. Such government institutions remained after the accession of Crimea by the Russian Empire. They continued to perform their functions until 1787, when they were replaced by the uyezd offices. In addition to the kaymakans, the commandants played an important role in the local administration. They were appointed to the largest cities of Taurian region. The Crimean Tatar nobility loyal to the new authorities was subordinate to the kaymakans. The commandants were representatives of the Russian nobility. The Taurian regional government attempted to settle the relationship between those officials. However, the kaymakans and the commandants could not avoid conflicts. That had a negative impact on the functioning of the local governance system. The kaymakans had to work in an unfamiliar to them sphere of jurisdiction, without any knowledge of the Russian language. They continued to apply sharia in their judicial practice, which caused a lot of misunderstanding among the Russian officials and led to legal conflicts.

Keywords: Taurian region, Taurian regional government, kaymakanstvo (kaymakanism), kaymakan, commandant

For citation: Kravchuk, A.S. (2022), “About some functioning specifics of the local management system in Taurian region. Kaymakans and Commandants”, *History and Archives*, no. 3, pp. 41–51, DOI: 10.28995/2658-6541-2022-3-41-51

История Крыма в первые десятилетия после его вхождения в состав Российской империи привлекала к себе внимание многих исследователей. На сегодняшний день этот хронологически непродолжительный период является одним из самых изученных [Непомнящий, Кравчук 2018, с. 19]. Не остались без внимания проблемы, связанные со становлением системы местного управления. Впервые массовая публикация источников по данной тематике была принята рядом исследователей еще на рубеже XIX–XX вв., тогда же появились и первые аналитические труды. В советское время

данная тематика не становилась предметом специальных исследований. Новый виток интереса последовал в 90-е гг. XX в., а затем после событий «Крымской весны» 2014 г. Среди работ по данной тематике выделим публикации Д.А. Прохорова, посвященные формированию центральных органов управления Таврической области и службе в них крымских татар [Прохоров 1996; Прохоров 2017]. Попытка изучения юридических аспектов функционирования аппарата управления Тавриды была предпринята В.А. Кошманом [Кошман 2018]. Несмотря на это, в истории формирования органов управления в Таврической области остается немало белых пятен. Особенно малоисследованным является переходный период с 1784 по 1787 г. Именно данной теме посвящена наша публикация.

После вхождения Крыма в состав Российской империи было организовано Крымское правительство во главе с О.А. Игельстромом, сформированное из представителей крымскотатарской знати. Затем, 8 февраля 1784 г., последовало создание Таврической области, центральным органом стало Таврическое областное правление. Совсем иначе обстояло дело на местах. Здесь сохранялась система управления, действовавшая после реформ Шагин Гирея, – каймаканства во главе с каймаканами и кадиями. В крупнейших городах власть осуществляли коменданты, значительным оставалось влияние армейских чинов, расквартированных по большей части территории Крымского полуострова. Такая ситуация просуществовала до 1787 г., когда началось открытие уездных присутственных мест.

На каймаканов и кадиев возлагались административно-судебные функции, однако они оказались в совершенно новых для себя условиях. Им приходилось взаимодействовать с российской бюрократией и военными чинами, учитывать реалии нового правового поля. Самые напряженные отношения установились между каймаканами и комендантами, функции которых были очень похожи, а зоны ответственности не разграничены нормативно. Попытки разрешить эти противоречия были предприняты на заседаниях Таврического областного правления 24 декабря 1784 г., 31 января и 4 февраля 1785 г.¹ Помимо конфликтов, возникавших между каймаканами и комендантами, необходимость определения круга полномочий этих чиновников обуславливалась постоянно растущим уровнем насилия и беззакония в регионе. Массовый отток населения и объективные причины, связанные с переходным периодом, являлись благодатной почвой для злоупотреблений. Сохранение института каймаканов и кадиев было обусловлено рядом причин: местное население не знало российских законов, требовалось время

¹ Государственный архив Республики Крым (далее – ГАРК). Ф. 799. Оп. 2. Д. 4. Л. 287.

и средства для создания административных и судебных органов на местах, остро ощущался недостаток в чиновниках.

Архивные документы сохранили имена комендантов и каймаканов, трудившихся в рассматриваемый период. Комендантами были: перекопским – бригадир Фон, бахчисарайским – полковник Тотович, балаклавским – полковник Внуков, феодосийским – полковник Белый, козловским (евпаторийским) премьер-майор Гавзенберг, карасубазарским – премьер-майор Дьяков, акмечетским – секунд-майор Иванов, арабатским – секунд-майор Панценберг. Каймаканы: акмечетский – Кутлуша Текятов, перекопский – Сеит-Ибрагим-ага, бахчисарайский – Мегметша-ага, феодосийский – Осман-ага². Каждому из них Г.А. Потемкин определил жалование в размере 300 руб.³ Каймаканские должности заняли представители крымскотатарской знати, лояльные новым властям.

Инструкция каймаканам и комендантам 4 февраля 1785 г.

В Таврическом областном правлении на рубеже 1784–1785 гг. была разработана особая инструкция для каймаканов, кадиев и комендантов. По словам составителей, она была нужна: «Дабы оные, чиня между собою непрекословное в делах до народного спокойствия, соглашались меж собою. Старались взаимными пособиями предварять и удерживать всякое к насилиям, грабежам и убийствам дерзновение»⁴. Согласно данному документу, принятому 4 февраля 1785 г., на местах следовало «учредить везде на всякие десять дворов по одному десятнику, а над ними частных смотрителей. То есть в городах на каждой улице или в приходе по одному, а в уездах в каждой деревне, где есть более двадцати дворов. Все оные частные смотрители должны быть под начальством комендантов, каймаканов и кадиев»⁵. На смотрителей возлагалась функция охраны и наблюдения за опустевшими домами, чтобы там не укрывались «бродяги». А сами строения не разрушались: «Распределить строения и всех обитателей на части для такового наблюдения, иметь ежедневное сведение о поведении и благосостоянии народа.

² Там же. Л. 76.

³ Распоряжения светлейшего князя Григория Александровича Потемкина-Таврического касательно устройства Таврической области с 1781 по 1786 г. / Подгот. Н. Мурзакевич // Записки Одесского общества истории и древностей. 1881. Т. 12. С. 281–282.

⁴ ГАРК. Ф. 799. Оп. 2. Д. 4. Л. 79.

⁵ Там же.

Сведения сии отправлять в областное правление по четвергам каждой недели комендантам по городам, яко градской полиции, а каймаканам по уездам»⁶.

Коменданты в городах, а каймаканы и смотрители в деревнях должны были следить за всеми прибывающими в населенные пункты, выяснять причину их путешествия и конечную цель. В случае, если прибывшие лица вызывали подозрения, на местное начальство возлагалась обязанность задержать их и потребовать объяснений, а затем отпустить «с письменным видом, означа в том срок, за который он должен явиться в место следования»⁷. Если путники были уличены во лжи, их следовало отправить под присмотром к правителю Таврической области. Такая же судьба ожидала тех, у кого не было документов. Эти меры должны были остановить и поставить под контроль масштабные перемещения населения, вызванные стремлением крымских татар покинуть полуостров. А также регулировать переселение выходцев из внутренних районов Российской империи.

Для охраны порядка из местных жителей учреждались караулы, которые формировались из бывших военных, мещан и крымских татар: «С наблюдением дабы от десяти часов пополудни все уже находились при своих домах. Трактиры, кабаки и продающие бузу строения были заперты и везде хранимо было ночное спокойствие и тишина»⁸.

В случае совершения преступления коменданты должны были действовать совместно с каймаканами, при поддержке квартировавшихся поблизости войск: «Изловив, произвести законное следствие, не упустив всех обстоятельств. Наблюдать кто именно, когда, где, как, один или с кем другим и что действительно злого произвел. Сие следствие ясными и законными доводами преступления обще с виновным представить на ревизию и решение областному правлению, рапортуя в тот же день, когда случится злодеяние и какие будут приняты наказания»⁹.

В Таврическом областном правлении особое внимание уделяли проведению следственных мероприятий. Каймаканы не знали особенностей процессуальных процедур в российском законодательстве. Широко бытовала норма, согласно которой преступник мог откупиться от родственников убитого с их согласия. Это в корне противоречило российскому законодательству, в котором убийство было одним из самых тяжких преступлений.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же. Л. 80.

⁹ Там же. Л. 80–81.

Принятые распоряжения запрещали использовать данную норму под страхом личной ответственности каймаканов и комендантов. Суровое наказание должно было ждать и тех, кто не доносил на преступников.

Главный акцент в инструкции делался на взаимодействии двух представителей местных органов власти: «Чтобы все в лучшем виде исполнялось, нужно комендантам и каймаканам яко верным державы подданным во всех делах о народном благосостоянии помогать друг другу советом и делами»¹⁰. В ведении комендантов находилась городская полиция, однако каймаканы не отстранялись от власти в городах: «Он (каймакан. – А. К.) есть при прежней власти как в городе, так и в уезде своего каймаканства. Все их попечение составляют яко обязанности нижнего земского суда и капитана исправника. А коменданты суть как бы городничие, прибавя к тому способствование каймаканам в потребных случаях и для порядка. Сей порядок будет существовать до учреждения земской полиции, земского суда и открытия полного правления на основании учреждения о губерниях»¹¹. Уже сама трактовка полномочий чиновников содержала в себе противоречия, на практике же ситуация была еще более запутанной.

Существенные затруднения вызывало незнание каймаканами русского языка, переводчиков не хватало даже в областных органах власти. Вследствие этого рассмотрение дел и вынесение решений по ним затягивалось. В целях изменения этой ситуации каймаканам было приказано присылать рапорты только на русском языке. Они должны были составлять донесения при помощи комендантов и канцелярских служителей, состоящих при них. Кроме того, на комендантов возлагалась обязанность консультировать каймаканов по вопросам правоприменения российских законов и хода канцелярских дел. При этом оба должны были «чинить дружелюбие и согласность к народу, благоразумность и человеколюбие»¹². Таким образом, если в инструкции положение каймакана было несколько выше коменданта, то в повседневной деятельности первые попадали в зависимость от вторых, так как без их помощи подготовить рапорты они не могли.

В конце февраля 1785 г. последовали дополнительные распоряжения Таврического областного правления. Они появились в связи с обращением перекопского коменданта Фона. Он докладывал, что предыдущие меры существенно затрудняли перемещение купцов по Крыму. Каймаканам поручалось покровительство

¹⁰ Там же. Л. 81.

¹¹ Там же.

¹² Там же. Л. 298.

купцам во всех делах, а также исполнение всех функций, которые возлагались на городской магистрат и уездный суд в штатных губерниях. Купцы по прибытию в Крым обязаны были явиться к ближайшему к ним коменданту, получив от него отметку в паспорте, отправиться в областное правление и только потом в назначенный населенный пункт. В случае, если купец хотел покинуть пределы полуострова, он посредством коменданта должен был получить разрешение правителя области В.В. Каховского: «Тем самым можно купечество избавить от напрасных переездов за оными пропусками к правителю»¹³. Для перемещения внутри области «комендантам снабжать купцов особенными за своими подписаниями билетами, не отбирая, однако же, от них их собственных пашпортов. Прописывать в тех билетах срок на какой сей билет служить должен, место куда он с ним ехать может. А дабы не могло быть из сих билетов злоупотреблений, то срок в них прописывать не более как по расстоянию и нужде какое кто должен иметь при переезде из одного места в другое»¹⁴. По прибытии в пункт назначения билеты отбирались комендантами. Распоряжения подобного характера ставили купцов в зависимость от местного начальства. Жалобы на произвол чиновников по отношению к купцам сохранились в делах Таврического областного правления.

Благодаря обозначенным нововведениям контроль за каймаканами со стороны Таврического областного правления возрос. Отчеты, посылаемые в областной центр, стали более регулярными. Об этом свидетельствуют архивные материалы и увеличившееся количество донесений о разбое и убийствах. Однако Таврическому областному правительству приходилось многократно объяснять полномочия и особенности функционирования каймаканов. Оставляло желать лучшего и качество посылаемых ими рапортов. Так, например, весной 1785 г. члены правления дважды обращались к феодосийскому каймакану Осману-аге с требованием посылать донесения по каждому делу в отдельности, а не общим перечнем¹⁵. До принятия этих распоряжений отчеты каймаканами посылались в лучшем случае один раз в месяц¹⁶.

¹³ Там же. Л. 89.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. Л. 92–94.

¹⁶ Там же. Д. 1. Л. 27–30.

*Каймаканы и коменданты
в повседневной управленческой практике*

Инструкция не устраняла противоречивого положения каймаканов и комендантов. Между ними продолжали возникать конфликты. Ярким примером может послужить столкновение между бахчисарайским каймаканом Мегметшой-беем и комендантом Тоточичем. Последний 20 мая 1785 г. жаловался таврическому областному правителю В.В. Каховскому, что ранее между ним и каймаканом не возникали конфликты, однако после смены занимавшего эту должность Мегметши-аги на Мегметшу-бея ситуация изменилась. Новый каймакан запретил ему посылать татар в ночные дозоры «наряду с другими обывателями», кроме того, комендант настаивал, что каймакан должен был сообщать ему «об опасных болезнях, драках, пожарах, смертоубийствах и других подобных беспорядках»¹⁷.

Оба участника конфликта были вызваны на заседание Таврического областного правления, где им было объявлено: «Дабы каймакан воздержался от указанных в оном рапорте отзывов, а комендант неотменно состоял при исполнении своей должности. Предписать им обоим, чтобы они по силе посланных указов во всей точности служили. В указе, между прочим, повелевается: в городах комендантам в делах до общественного благосостояния исполнять в точности и взаимном согласии с каймаканами. В уездах непременно по сему исполнению зависит от одних каймаканов, однако же с тем, чтобы он обо всем в уезде происходящем письменно или словесно уведомлял коменданта и в нужном случае получал от них помощь»¹⁸.

Кроме того, из Таврического областного правления снова были направлены разъяснения об особенностях взаимодействия каймаканов и комендантов. В новом документе указывалось, что в крупнейшие города Крыма назначены коменданты, в менее значимые – городничие. Функции последних должны были соответствовать «Учреждению для управления губерний Российской империи» 1775 г. Отдельно акцентировалось внимание на том, что коменданты обязаны разъяснять законы каймаканам посредством толмачей.

Оставляло желать лучшего и ведение делопроизводства каймаканами. Ярko иллюстрирует данный тезис рапорт Мегметши-бея, вступившего в должность бахчисарайского каймакана вместо скончавшегося Мегметши-аги. Данное обращение было рассмотрено в Таврическом областном правлении 15 мая 1785 г.: «Письменные посланные указы, ордера и прочие дела, подлежащие по должности каймаканской принять ему (Мегметше-бею. – А. К.). Оные хранились

¹⁷ Там же. Д. 4. Л. 287.

¹⁸ Там же.

предместником его в не надлежащем порядке, к тому же перемешены и без всяких пометок. А потому все ли они в целостности или нет, сделано по оным исполнение или без оного находятся, справится не по чему. И дабы не подвергнуть себя в случае неисполнения по тем посланным повелениям законному взысканию, испрашивает (Мегметша-бей. – А. К.) резолюции, что с оными делами повелено будет делать. Приказали послать к Мегметше-бею указы с предписанием, дабы он письменным делам сделал копии и опись представил при рапорте»¹⁹. На основании описи служащие областного правления должны были выявить потерянные документы²⁰.

Неоднократно на заседаниях Таврического областного правления обсуждалось и качество направляемых каймаканами рапортов. Так, 17 июня 1785 г., члены правления отмечали: «По вступающим от каймаканов рапортам, ни единый не был таковым, чтобы существо дела ясно изъяснялось. От чего, особливо по уголовным делам, великая происходит остановка и бесплодная переписка»²¹. По мнению членов правления, причиной этого было пренебрежение каймаканами помощью комендантов.

Таким образом, выявленные нами документы свидетельствуют о широте полномочий каймаканов в рассматриваемое время. Эффективность их деятельности оставалась невысокой, что было вызвано объективными причинами: незнанием российских законов, канцелярского порядка и всплеска насилия в регионе, вызванного последствиями войны и административно-территориальными изменениями. Осложняло положение дел противоречивое положение каймаканов по отношению к комендантам. Между тем именно этот институт власти в переходный период играл ключевую роль в обеспечении порядка в регионе, а также должен был заниматься борьбой с эпидемиями²². Взаимодействие с российским чиновничеством приводило к возникновению разнообразных коллизий. Отложившиеся вследствие этого в архивах документы позволяют лучше понять особенности положения дел в Крыму в первое десятилетие после его присоединения к Российской империи. Каймаканы продолжали свою деятельность вплоть до 1787 г., когда местные органы управления Таврической области были приведены в соответствие с общепринятыми в Российской империи стандартами. Большая часть из каймаканов заняла различные посты в новых учреждениях и областных органах власти.

¹⁹ Там же. Л. 285.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. Л. 368.

²² Там же. Д. 2. Л. 15–16.

Благодарности

Статья выполнена в рамках гранта «Формирование и кадровое обеспечение местных учреждений Новороссийского края и Крыма в конце XVIII – первой половине XIX в.» Совета по грантам Президента Российской Федерации для молодых российских ученых, грант № МК-3927.2022.2

Acknowledgements

This work was supported by The Russian presidential grant for young scientist, project «Formation and staffing of local authorities in the Novorossiya Region and Crimea at the end of the 18th – first half of the 19th centuries», no. МК-3927.2022. 2

Литература

- Кошман 2018 – *Кошман В.А.* Органы государственной власти в Таврической области: 1784–1796. Симферополь: Ариал, 2018. 238 с.
- Непомнящий, Кравчук – *Непомнящий А.А., Кравчук А.С.* Высшие чиновники Таврической губернии в восприятии иностранных путешественников первой половины XIX века // Новый исторический вестник. 2018. № 3(57). С. 18–41.
- Прохоров 1996 – *Прохоров Д.А.* Органы управления Таврической области после присоединения Крыма к России (1783–1787 гг.) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1996. № 5. С. 213–225.
- Прохоров 2017 – *Прохоров Д.А.* Участие крымских татар в работе государственных учреждений Таврической области и их роль в укреплении Российского влияния в регионе // Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825: сб. статей. Севастополь: Альбатрос, 2017. С. 95–108.

References

- Koshman, V.A. (2018), *Organy gosudarstvennoi vlasti v Tavrisheskoi oblasti: 1784–1796* [State authorities in Taurian region. 1784–1796], Arial, Simferopol'.
- Nepomnyashchii, A.A. and Kravchuk, A.S. (2018), “Higher state authorities of Taurian province in the perception of foreign travelers of the first half of the 19th century”, *Novyi istoricheskii vestnik*, vol. 57, no. 3, pp. 18–41.
- Prokhorov, D.A. (1996). “State authorities of Taurian region after the accession of Crimea by Russia”, *Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria*, no. 5, pp. 213–225.
- Prokhorov, D.A. (2017), “Crimean tatars participation in the work of the Taurian region state institutions and their role in the strengthening of the Russian influence in the region”, *Problemy integratsii Kryma v sostav Rossii, 1783–1825: sbornik statei*, Al'batros, Sevastopol', Russia, pp. 95–108.

Информация об авторе

Александр С. Кравчук, кандидат исторических наук, Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова, Симферополь, Россия; 295000, Россия, Симферополь, пер. Учебный, д. 8; alexkravchuk7@gmail.com

ORCID 0000-0001-8272-590X

Information about the author

Alexandr S. Kravchuk, Cand. of Sci. (History), Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University, Simferopol, Russia; bld. 8, Uchebniy Lane, Simferopol, Russia, 295000; alexkravchuk7@gmail.com

ORCID 0000-0001-8272-590X

История культуры в документальном наследии

УДК 7.03:069

DOI: 10.28995/2658-6541-2022-3-52-62

Выставка современного французского искусства в Москве (1928)

по документам РГАЛИ
и ОР ГМИИ им. А.С. Пушкина

Константин В. Краснослободцев

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, constkras@gmail.com*

Аннотация. Взаимодействие нового советского искусства и художественных сил российской эмиграции – сюжет, представляющий особый интерес. Период 1920-х гг. стал уникальным и мимолетным явлением в истории искусства и культуры, когда в рамках русского отдела на международных выставках «уживались» представители советского авангарда: художники, оставшиеся на родине, и те, кто решил уехать и не возвращаться. Русское искусство еще воспринималось единым целым, географические границы не играли роли, а между эмиграцией и родиной еще не разверзлась пропасть «невозвращенства». Последними аккордами в этой пока еще общей композиции прозвучали некоторые художественные выставки, ставшие знаковыми. Одна из них – выставка «Современного французского искусства» в Москве (сентябрь – ноябрь 1928 г.), которая находится в центре внимания данной статьи. Устройство выставки объединило усилия высокопоставленных чиновников СССР и Франции (А.В. Луначарский, Э. Эррио), крупных учреждений культуры (Государственный музей нового западного искусства, Третьяковская галерея, Государственная академия художественных наук), частных французских галерей и торговцев картинами, а также отдельных художников. На основе архивных документов из фондов РГАЛИ и отдела рукописей ГМИИ им. А.С. Пушкина автор восстанавливает перипетии, связанные с подготовкой, организацией, переговорами и участием в выставке художников-эмигрантов.

Ключевые слова: русская эмиграция, художественная эмиграция, художники, Франция, архивы, выставка современного французского искусства

Для цитирования: Краснослободцев К.В. Выставка современного французского искусства в Москве (1928) по документам РГАЛИ и ОР ГМИИ им. А.С. Пушкина // История и архивы. 2022. № 3. С. 52–62. DOI: 10.28995/2658-6541-2022-3-52-62

Exhibition of modern French art
in Moscow (1928)
on the materials of RGALI and the archive
of the Pushkin State Museum
of Fine Arts

Constantine V. Krasnoslobodtsev
*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, constkras@gmail.com*

Abstract. The cooperation of the new Soviet art and the artists of Russian emigration is a subject of particular interest. The period of the 1920s became a unique in the history of art when the new Soviet avant-garde artists, as well as artists who remained at home and those who decided to leave and not return, got along at international exhibitions within the Russian section. Russian art was still perceived as a single whole, geographical boundaries did not play a role, and the abyss of “non-return” had not yet opened between the creators themselves. The last chords in that still general composition were some art exhibitions that have become iconic. One of them was the exhibition of modern French art in Moscow (September – November 1928), which is the focus of the article. The organization of the exhibition brought together efforts of high-ranking officials of the USSR and France (A.V. Lunacharsky, E. Herriot), major cultural institutions (State Museum of New Western Art, Tretyakov Gallery, State Academy of Art Sciences), private French galleries and art dealers, as well as individual artists. On the basis of archival documents from the funds of the RGALI and the Archive of the Pushkin State Museum of Fine Arts, the author restores the events associated with the preparation, organization, negotiations and participation in the exhibition of emigrant artists.

Keywords: Russian emigration, artistic emigration, artists, France, archives, exhibition of modern French art

For citation: Krasnoslobodtsev, C.V. (2022), “Exhibition of modern French art in Moscow (1928) on the materials of RGALI and the archive of the Pushkin State Museum of Fine Arts, *History and Archives*, no. 3, pp. 52–62, DOI: 10.28995/2658-6541-2022-3-52-62

Анализу последствий начавшегося в 1920–1930-х гг. процесса разделения двух ветвей русской культуры посвящено множество публикаций отечественных исследователей [Бабич 2016; Попов 2015; Сабенникова 2016], которыми отмечается искусственность этого разделения, а также необходимость освоения культурного наследия эмиграции, ценность его духовного начала для современного российского общества. Не менее полезным видится обращение к истокам разрыва, в частности в сфере художественного творчества – одной из последних, в которую пришло резкое деление на «своих и чужих». Желание зафиксировать момент окончательного разрыва двух художественных традиций приводит нас в эпоху конца 1920-х гг., и выставка «Современное французское искусство» в Москве подсказывает конкретную дату – 1928 г. Состав экспозиции, а также история ее организации впитали в себя всю противоречивость эпохи. Став на долгие годы последней выставкой такого рода, художественный смотр 1928 г. заслуживает отдельного внимания. Выставка под названием «Современное французское искусство», которая проходила в залах Государственного музея нового западного искусства (ГМНЗИ), замечательна во многих отношениях. Во-первых, по мнению искусствоведов, она стала «кульминацией единения двух ветвей российского искусства – зарубежного и внутреннего» [Шатских 1994, с. 341]. Во-вторых, ее подготовка, детали переговоров с французскими официальными лицами, галереями и художниками-эмигрантами дают повод поговорить о Музее нового западного искусства под руководством Б.Н. Терновца – уникальном явлении межвоенной культурной жизни Советской России. Богатый материал для изучения выставки 1928 г. и деятельности ГМНЗИ хранится в фондах РГАЛИ, а также в отделе рукописей Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина.

Государственный музей нового западного искусства возник в 1923 г. в результате объединения коллекций московских купцов Сергея Щукина и Ивана Морозова. С этого момента и до 1937 г. во главе музея стоял Борис Терновец (1884–1941), который отлично знал московские художественные коллекции, учился за рубежом, имел знакомства в европейском художественном мире, наконец, сам был художником и скульптором. Терновец смог не только организовать и описать доставшиеся ему уникальные мировые коллекции, но и по мере возможности дополнить их. К тому же на протяжении 1920-х гг. он оставался апологетом западного искусства: в качестве искусствоведа выступал в печати с обзорами зарубежной художественной жизни, подводил итоги выставок и обращался к творчеству мастеров более позднего времени.

Под руководством Б.Н. Терновца ГМНЗИ поддерживал контакты со многими российскими художниками-эмигрантами. Среди адресатов музея находим А. Архипенко¹, Л. Сюрважа², Н. Гончарову³. Отношения с творцами иногда выходили за рамки чисто рабочих. Так, скульптор О. Цадкин⁴, чью бронзовую группу «Музыканты», а также живопись и рисунки⁵ приобрел ГМНЗИ, просил переслать деньги за работы его отцу в Харьков⁶. К слову, перевод денег за работы родственникам и друзьям, оставшимся в Советской России, был распространенной практикой. Так, К. Терешкович, просил родителей забрать в Москве деньги за свои работы⁷. Н. Гончарова и М. Ларионов (работы куплены Третьяковской галереей) помогли таким образом художнику Льву Жегину⁸, А. Яковлев, в свою очередь, просил направить деньги племяннице в Москве⁹.

Также Музей поддерживал связи с французскими галереями, торговцами искусством и учреждениями культуры. Известный коллекционер и маршан Леопольд Зборовский, приложивший руку к успеху Амедео Модильяни и Хаима Сутина, сделал несколько подарков для ГМНЗИ, передав в 1925 и 1927 гг. рисунок Модильяни, акварели Фурнье и картину Андре Лота «Зеленый пейзаж»¹⁰. Немалую роль сыграл и будущий репатриант С. Ромов, приобретавший произведения искусства в Париже специально для музея¹¹. Галерея Бернхейма присылала каталоги, предлагая в некоторых случаях скидку в 20%¹², а Национальная библиотека Франции запрашивала сведения по поводу отдельных картин¹³. Любопытно, что в письмах к французским адресатам Б.Н. Терновец опускает слово «западный» в названии музея. Зачастую он употребляет наименование «Московский музей современного искусства» («Musée d'Art Moderne de Moscou») ¹⁴.

¹ ГМИИ. Ф. 13. Оп. 4. Д. 11.

² Там же. Д. 180. Л. 1.

³ Там же. Д. 73. Л. 1–1об.

⁴ Там же. Д. 207.

⁵ Там же. Л. 8.

⁶ Там же. Л. 2–3.

⁷ РГАЛИ. Ф. 990. Оп. 1. Д. 251.

⁸ Там же. 1. Д. 27. Л. 1.

⁹ Там же. Д. 252. Л. 1.

¹⁰ ГМИИ. Ф. 13. Оп. 4. Д. 204. Л. 1.

¹¹ Там же. Ф. 30. Оп. 1. Д. 72–73.

¹² Там же. Ф. 13. Оп. 4. Д. 22.

¹³ Там же. Д. 23.

¹⁴ Там же. Д. 204. Л. 1.

К концу 1920-х гг., когда идея устроить выставку современной французской живописи в Москве стала обретать реальные очертания, ГМНЗИ являлся одним из самых включенных в мировую жизнь советских учреждений культуры. Вопрос об устройстве подобной экспозиции поднимался на самом высоком уровне. Первым предложение озвучил А.В. Луначарский во время визита во Францию в беседе с тогдашним министром иностранных дел Франции Э. Эррио¹⁵. Идея витала в воздухе давно, поэтому работа пошла быстро. Так, ответ французских властей о готовности поддержать проект, датируется 18 января 1928 г.¹⁶, а уже 21 января галерея «Бийе» под руководством Пьера Вормса подтверждает участие и уточняет детали отправки работ в СССР¹⁷. Со стороны Москвы тоже наблюдалась мобилизация, А.В. Луначарский писал президенту Государственной академии художественных наук (ГАХН): «Дело это надо двигать возможно скорее (так в оригинале. – К. К.), ибо оно приобрело высоко официальный характер»¹⁸. Уже в начале переписки российские художники-эмигранты упоминаются отдельно от французов. Первоначально предполагалось разделить выставку на две части. В залах Третьяковской галереи планировалось экспонировать работы российских художников-эмигрантов, «группы русских художников, работающих в Париже, которые связаны с французским искусством и которые в силу этого представляют для нас специальный интерес»¹⁹. Подобное свидетельство ставит под сомнение тезис искусствоведа А.В. Толстого о том, что факт привлечения «русских парижан» к участию в столь представительном показе новейших течений французского искусства свидетельствовал о реальной вовлеченности эмигрантов в творческие поиски, «определявшие лицо искусства в 1920-е гг.» [Толстой 2019, с. 194]. Художники-эмигранты, очевидно, интересовали организационный комитет сами по себе, как соотечественники, пребывающие за рубежом²⁰. Спор развернулся и вокруг русской части выставки. Дирекция музея писала в Комитет по устройству выставки при ГАХН: «Ученый Совет Музея, рассмотрев на заседании от 29/VI-1928 г. списки художников, вещи которых будут фигурировать на выставке, постановил: считать, что помещение Музея может быть предоставлено только художникам иностранцам <...> Русская часть Выставки может быть экспонирована в Третьяковской галерее или

¹⁵ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 15. Д. 102. Л. 3.

¹⁶ Там же. Л. 7.

¹⁷ Там же. Л. 8–8об.

¹⁸ Там же. Л. 6.

¹⁹ Там же. Л. 3.

²⁰ ГМИИ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 217. Л. 28.

в каком-нибудь другом помещении, но во всяком случае не в Музее нового западного искусства»²¹.

Предложение провести выставку совместно с Третьяковской галереей неслучайно. В 1920-х гг. Третьяковка тоже поддерживала контакт с российскими художниками за границей. Так, А. Архипенко предлагал Ученому совету галереи работы для осмотра²², Г. Лукомский просил тогдашнего директора галереи А.Л. Щусева рассмотреть вопрос о приобретении работ²³, Л. Сюрваж слал в Третьяковку копии своих статей по теории искусства²⁴, М. Шагал в 1927 г. подарил 96 гравюр к «Мертвым душам»²⁵, М. Добужинский запрашивал информацию о своих работах в ГТГ²⁶. Как видно из переписки руководства галереи с эмигрантами, Третьяковка целенаправленно собирала работы российских художников за границей.

С советской стороны организационный комитет возник на базе ГАХН, а непосредственными организаторами «на месте» выступили лояльные советской власти «русские парижане» М. Ларионов и С. Фотинский²⁷. Подготовка с французской стороны выпала на долю галереи «Бийе» (Billiet), владельцы которой симпатизировали советскому искусству. Здесь происходили сбор и упаковка произведений, ее руководство вело переговоры с художниками и маршанами. Письма в ГАХН с отчетами о ходе дел подписывал лично управляющий галереей П. Вормс. Обширная переписка между Ларионовым и галереей отложилась в личном фонде «Н. Гончаровой и М. Ларионова» в отделе рукописей Третьяковской галереи²⁸. Ларионов и «Бийе» занялись сбором работ для выставки, однако сразу же столкнулись с трудностями. В письме от 25 апреля они сообщают в Москву, что не все галереи и маршаны отреагировали на призыв представить картины, и поэтому из-за отсутствия письменного ответа устроителям приходится добиваться личных встреч. В беседах с глазу на глаз выяснилось, что «из разных кругов мы узнаем о намерениях отказаться от участия в выставке. Мотивировано это либо опасениями политического характера, либо нежеланием некоторых владельцев картин отправлять работы в СССР, когда богатые иностранные коллекционеры могут

²¹ Там же. Л. 2.

²² РГАЛИ. Ф. 990. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

²³ Там же. Д. 70. Л. 1–2.

²⁴ Там же. Д. 284. Л. 1–8.

²⁵ Там же. Д. 123. Л. 1.

²⁶ Там же. Д. 196. Л. 1.

²⁷ Там же. Ф. 941. Оп. 15. Д. 102. Л. 3об.

²⁸ ОР ГТГ. Ф. 180. Оп. 1. Д. 5959–5960.

приехать и приобрести их в Париже»²⁹. В частности, устроители выставки столкнулись с противоборством Поля Розенберга, имевшего права на произведения Пикассо и Брака. Он категорически отказался предоставлять картины для Советского Союза. Похожая ситуация сложилась вокруг работ Дерена, чей маршан Поль Гийом также отказался от сотрудничества с советской выставкой. Однако организаторы отыскивали несколько небольших холстов художника вне коллекции Гийома. Жорж Руо на призывы организаторов не ответил вовсе, а владельцы галереи «Бинг» (Bing), имевшие права на картины художника, не пожелали ничего дать. На запросы не ответил и Сегонзак, а его галерист обосновал отказ невозможностью предоставить полотна в данный момент. Отказом ответили еще несколько художников, из которых самым значительным был Марк Шагал, он сообщил, что не имеет ничего достаточного хорошего для выставки³⁰. Забегая вперед, скажем, что Шагал все же будет представлен на выставке серией иллюстраций к «Мертвым душам», которую ранее художник подарил Третьяковской галерее. К тому же, организаторы столкнулись с противоборством не только отдельных торговцев искусством, но и части французской прессы³¹.

Из насыщенной и подчас эмоционально напряженной переписки ГАХНа с галереей «Бийе» следует, что общий художественный уровень выставки являлся для организаторов чрезвычайно важным. Например, наличие полотен Модильяни и Утрилло считалось обязательным. В ответ на сообщение организаторов о трудностях в поиске работ этих художников из Москвы рекомендовали обратиться напрямую к Л. Зборовскому³². Картины Утрилло и рисунки Модильяни в итоге попали в экспозицию.

Первоначально произведения должны были приехать в Москву в начале мая³³, но фактически развеска началась только в конце лета³⁴. Выставка открылась 16 сентября 1928 г. в ГМНЗИ (Улица Кропоткина (ныне Пречистенка), 21)³⁵. На одном только вернисаже присутствовали 762 человека³⁶. Б.Н. Терновец отмечал с сожалением, что на выставке не представлены работы некоторых «вождей» художественной жизни Парижа: Брака, Боннара, Пикассо, Руо, Сегонзака и др., а русский отдел не включал произведений

²⁹ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 15. Д. 102. Л. 12об.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. Л. 13.

³² Там же. Л. 18.

³³ ГМИИ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 217. Л. 1.

³⁴ Там же. Л. 4.

³⁵ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 15. Д. 100. Л. 10.

³⁶ Там же. Л. 1–9.

Х. Сутина³⁷. Тем не менее и без этих лакун выставка получилась весьма представительной: нашлось место как неоимпрессионистическим опытам Сера, так и творчеству Модильяни, Утрилло, Озанфана, Фуджиты и др.

Отдельного внимания заслуживает каталог выставки, обширное предисловие для него написали А.В. Луначарский, П.С. Коган, Б.Н. Терновец и А.М. Эфрос. Открывал издание текст наркома просвещения, в котором эмигранты Ю. Анненков и А. Экстер вполне миролюбиво названы «известными художниками», а Н. Гончарова и М. Ларионов – «слишком надолго уступленными Франции соотечественниками». «Русской группе» также посвящена часть предисловия, составленная Эфросом. В 1928 г. он задает тон, который на долгие годы станет основным для советского искусствоведения. Вполне вероятно, что на страницах каталога выставки имело место первое подобное заявление: «Это – люди, застрявшие здесь по тому или иному случаю, иногда спасающиеся от революции, переживающие ее непогоду <...>. Они переживают здесь закат своего творчества, которое неразрывно связано с предреволюционной историей русского искусства». О старшем поколении, среди которого упоминаются Бенуа, Сомов и Коровин, Эфрос отзывается неожиданно резко: «С ними иные счеты и иной итог». Автор выбирает главное направление атаки – потеря российскими художниками-эмигрантами «своего лица». Каждого из участников русской части экспозиции автор оценивает по мере «растворения» во французских канонах модной живописи. Вердикт суров, голосом Эфроса констатируется пропасть между советским искусством и «невозвращенцами»: «Русская группа парижской школы – наши исторические издержки».

Так или иначе, но представительность русского отдела выставки впечатляет. Среди художников-эмигрантов, чей список составлялся отдельно и заранее, а после – неоднократно корректировался в ходе подготовки выставки³⁸, мы встречаем как «свежеиспеченных» эмигрантов (Ю. Анненков, Ф. Гозиансон, И. Пуни, З. Рыбак), так и дореволюционных, осевших на берегах Сены еще в начале XX в. (С. Фотинский, О. Цадкин, О. Мещанинов, Ж. Липшиц и другие).

Московская выставка имела успех, поэтому Наркомпрос УССР предложил показать выставку на Украине, «где бы она функционировала в крупнейших центрах республики – Харькове, Киеве и Одессе»³⁹. Однако из-за жестких договоренностей руководства галереи «Бийе» с маршанами и художниками выставку не удалось показать даже в Ленинграде, через который работы возвращались

³⁷ ГМИИ. Ф. 55. Оп. 2. Д. 29. Л. 19–20.

³⁸ РГА.ЛИ. Ф. 941. Оп. 15. Д. 98. Л. 3–7.

³⁹ ГМИИ. Ф. 55. Оп. 4. Д. 11. Л. 7.

во Францию. В итоге выставку посетили 19 тыс. человек⁴⁰. Любопытно, что в отчете организаторы собрали в отдельной таблице информацию о социальном составе посетителей. Категории «совслужащих» (6184), «учащихся художественных школ» (3319) и просто «учащихся» (3192) оказались наиболее многочисленными. Закрывают список «рабочие» (923) и «красноармейцы» (353)⁴¹.

185 картин и 25 скульптур были возвращены владельцам, а остальные (значительно меньшая часть) были отобраны для покупки ГМНЗИ и Третьяковской галереей⁴². По результатам выставки закупочная комиссия Музея нового западного искусства решила приобрести некоторые картины. Основное внимание уделялось художникам-иностранцам (Утрилло, Де Кирико, Дюфрену, Озанфану и др.), однако в числе приобретений были и российские художники-эмигранты, например, Л. Сюрваж (два рисунка «Обнаженная женщина»)⁴³. Причем работы Сюрважа значительно уступали в цене остальным. Сделка происходила не с отдельными художниками, а с галереей «Бийе». В итоге ГМНЗИ приобрел 10 работ общей стоимостью 68 800 фр.⁴⁴ Куда расторопнее оказалась Третьяковская галерея: по окончании выставки туда были выданы с целью дальнейшей покупки работы А. Яковлева («Голова китайки» и «Спящий турок»⁴⁵), К. Терешковича («Портрет» и «Женский портрет» маслом), Н. Гончаровой (рисунок «Две испанки»), Ю. Анненкова, П. Кременя, М. Кикоина, а также скульптура Я. Лучанского («Женская голова» в бронзе)⁴⁶. Некоторые из этих работ были приобретены Третьяковкой⁴⁷.

Такая представительная экспозиция, где под одной вывеской демонстрировались работы отечественных и французских мастеров, по мнению А.В. Толстого, продолжала дореволюционные традиции выставок-салонов «Золотого руна», «Бубнового вальса» и прочих [Толстой 2019, с. 210]. Московская выставка 1928 г. стала последней встречей искусства эмигрантского с Родиной на долгие годы. Следующий подобный смотр будет иметь место в России лишь в 1979 г., когда ГМИИ им. А.С. Пушкина примет выставку «Париж–Москва». «Время, когда проходила выставка «Современное французское искусство», было рубежным, уже

⁴⁰ Там же. Л. 9.

⁴¹ Там же.

⁴² РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 15. Д. 96. Л. 13.

⁴³ ГМИИ. Ф. 13. Д. 217. Л. 6, 8.

⁴⁴ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 15. Д. 102. Л. 59.

⁴⁵ Там же. Д. 96. Л. 37.

⁴⁶ ГМИИ. Ф. 13. Д. 217. Л. 9.

⁴⁷ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 15. Д. 96. Л. 39.

предвещавшим охранительно-тоталитарные и изоляционистские тенденции в культуре» [Толстой 2019, с. 210], общность российских художников, осевших во Франции, еще не принято было напрямую соотносить с эмиграцией. Тем не менее исподволь для «невозвращенцев» уже готовилось забвение, которое завершится лишь в конце XX в. Выставка «Современного французского искусства» в Москве осталась ярким напоминанием об органичной целостности разных ветвей русской культуры и ее неотделимости от общемировой.

Литература

- Бабич 2016 – *Бабич И.Л.* Гайто Газданов и масонская ложа «Северная звезда» (1932–1971 годы) // Новый исторический вестник. 2016. № 3(49). С. 184–197.
- Попов 2015 – *Попов А.В.* Архивная россика во Франции и российско-французское архивное сотрудничество // Вестник РГГУ. Серия «Документоведение и архивоведение. Информатика. Защита информации и информационная безопасность». 2015. № 2(145). С. 128–142.
- Сабенникова 2016 – *Сабенникова И.В., Гентшке В.Л., Ловцов А.С.* Российская эмиграция: сохранение культурного наследия // Вестник архивиста. 2016. № 3. С. 248–265.
- Толстой 2019 – *Толстой А.В.* Художники русской эмиграции. М.: Искусство–XXI век, 2019. 344 с. (Малая серия)
- Шатских 1994 – *Шатских А.С.* Парижская школа как «филиал» русского искусства // Культурное наследие российской эмиграции, 1917–1940: В 2 кн. / Под общ. ред. Е.П. Чельшева, Д.М. Шаховского. М., 1994. Ч. 2. С. 337–342.

References

- Babich, I.L. (2016), “Gaito Gazdanov and the North Star Masonic lodge (1932–1971)”, *New Historical Bulletin*, no. 3. pp. 184–197.
- Popov, A.V. (2015), “Archival Russika in France and Russian-French archival cooperation”, *RSUH/RGGU bulletin. “Records Management and Archival Studies. Computer Science. Data Protection and Information Security” Series*, no. 2, pp. 128–142.
- Sabennikova, I.V., Gentshke, V.L. and Lovtsov, A.S. (2016), “Russian emigration. Preservation of cultural heritage”, *Herald of an Archivist*, no. 3, pp. 248–265.
- Tolstoi, A.V. (2019), *Khudozhniki russkoi emigracii* [Artists of Russian emigration], *Iskusstvo–XXI vek*, Moscow. Russia.
- Shatskih, A.S. (1994), “Paris school as a ‘branch’ of Russian art” in Chelyshev, E.P. and Shakhovskoi, D.M. (eds.), *Kulturnoe nasledie rossiiskoi emigracii: 1917–1940: v 2 knigakh* [Cultural heritage of Russian emigration. 1917–1940, 2 vols], Moscow, Russia, pp. 337–342.

Информация об авторе

Константин В. Краснослободцев, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; constkras@gmail.com

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5445-6722>

Information about the author

Constantine V. Krasnoslobodtsev, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; constkras@gmail.com

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5445-6722>

История Русской православной церкви в документальном наследии

УДК 271.2(09)

DOI: 10.28995/2658-6541-2022-3-63-71

Кампания по изъятию церковных ценностей в помощь голодающим на страницах газеты «Борьба» Балашовского уездного исполнительного комитета РКП(б) Саратовской губернии за 1922 год

Анастасия Г. Колдина

*Государственный архив Саратовской области,
Саратов, Россия, a.coldina@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются основные этапы проведения кампании по изъятию церковных ценностей в помощь голодающему населению. Кампания осуществлялась с марта по май 1922 года параллельно с агитационной работой со стороны советской власти для подрыва авторитета православного духовенства в России, в том числе и в Саратовской губернии. Эти процессы хорошо прослеживаются в местной прессе тех лет, поскольку периодические издания активно использовались действующей властью в агитационно-политической работе. На страницах газеты «Борьба» Балашовского уездного исполнительного комитета РКП(б) развернулась политическая травля духовенства, умело завуалированная под борьбу с голодом и сбор необходимых средств. В газетных тиражах за март–июнь 1922 г. размещены не только сводки о ходе проводимой кампании, карикатуры и статьи, изобличающие духовенство в жадности и безучастности к трагедии народа, но и художественные материалы, имеющие своей скрытой задачей сформировать негативное отношение к христианской вере у населения. Христос преподносится как жестокое божество, безучастно созерцающее смерть своей паствы в голодных муках. Партийное руководство, не бросившее своих граждан в трудную минуту, рисуется на этом фоне спасителем. Происходит подмена идеалов.

Ключевые слова: религия, советская власть, советская пропаганда, отделение церкви от государства, церковные ценности, голод, комитет помощи голодающим, Саратовская губерния, Балашовский уезд

© Колдина А.Г., 2022

Для цитирования: Колдина А.Г. Кампания по изъятию церковных ценностей в помощь голодающим на страницах газеты «Борьба» Балашовского уездного исполнительного комитета РКП(б) Саратовской губернии за 1922 год // История и архивы. 2022. № 3. С. 63–71. DOI: 10.28995/2658-6541-2022-3-63-71

The Church property seizure campaign
for famine relief on the pages
of the “Bor’ba” (“Fight”) newspaper of the RCP(b)
Saratov province Balashov County Executive
Committee during the year 1922

Anastasia G. Coldina

Saratov Region State Archives, Saratov, Russia, a.coldina@yandex.ru

Abstract. The article is about the basic steps of the church property seizure campaign for famine relief. The campaign was carried out from March to May, 1922, in parallel with the Soviet authorities' awareness-raising crusade to undermine the credibility of the Orthodox clergy in Russia, including the Saratov province. The local media of those years thoroughly reflected those processes, since the government of that time actively used periodic publications for its political outreach. In the pages of the newspaper “Bor’ba” of Balashov district executive committee of the RCP(b) unleashed political persecution of the clergy that was cleverly masked as a fight against the famine and collecting of necessary means. The March-June 1922 publications featured not only the reports about the course of the campaign, caricatures and articles accusing the clergy of greediness and indifference to people’s tragedies, but also some fictional formats that contained hidden messages to form a negative public response towards the Christian faith. Christ was pictured as a cruel God indifferently watching the death of his flock in starvation pains. The party leaders who did not abandon their citizens in difficult moments were presented as saviors. What was happening was a substitution of ideals.

Key words: religion, Soviet power, Soviet propaganda, church separation from the state, church properties, famine, Committee for Famine Relief, Saratov province, Balashov county

For citation: Coldina, A.G. (2022), “The Church property seizure campaign for famine relief on the pages of the ‘Bor’ba’ (‘Fight’) newspaper of the RCP(b) Saratov province Balashov County Executive Committee during the year 1922”, *History and Archives*, no. 3, pp. 63–71, DOI: 10.28995/2658-6541-2022-3-63-71

Революционный переворот, постигший Россию в 1917 г., затронул не только политические аспекты, но и все сферы социальной жизни общества. Религиозные учреждения как идеологические конкуренты одними из первых столкнулись с притеснениями действующих властей. «Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви», принятый Советом Народных Комиссаров РСФСР 23 января 1918 г., стал первым нормативным актом, расставляющим приоритеты в вопросах религиозной жизни в советском государстве. Наряду с этим дополнительно были изданы организационно-распорядительные документы, регламентирующие данный процесс на республиканском и местных уровнях. Активно начали формироваться комиссии по отделению церкви от государства.

Действующий режим был заинтересован не только в зависимом положении религиозных учреждений, но и в отъеме их материальной базы в свою пользу, поскольку пополнение казны в сложных революционных условиях было жизненно необходимо в самые кратчайшие сроки.

Самым быстрым и эффективным способом приращения капитала стала национализация банковских вкладов религиозных организаций. Изъятия были произведены немедленно¹.

Затем фокус внимания был перемещен на ритуальные церковные предметы, представляющие большую историко-культурную и материальную ценность, с реализации которых можно было получить внушительные средства в золотых рублях на зарубежных аукционах².

Но предсказать реакцию населения на процесс изъятия культовых предметов было весьма сложно, за этим могли последовать стихийные митинги и недовольства верующих.

К тому же все культовое имущество на местах прошло юридический процесс национализации и учета согласно описям и предоставлялось в пользование коллективам верующих на основании договоров пользования, зарегистрированных местными отделами юстиции³.

Однако советской власти удалось переломить ситуацию в свою пользу, используя события, разыгравшиеся вследствие страшной засухи, начиная со второй половины 1921 г. В этот трагичный год тотальный голод поразил 16 губерний России, голодали около 37 миллионов человек, из них погибли свыше 5 млн⁴. Гуманитарная

¹ ГАСО. Ф. Р–521. Оп. 1. Д. 109. Л. 56–56 об.

² Там же. Ф. Р–461. Оп. 2. Д. 1а. Л. 15.

³ Там же. Ф. Р–521. Оп. 1. Д. 109. Л. 43–43 об.

⁴ Неурожай: Государственная помощь голодающему району в 1921 г.: Отчетные материалы Наркомпрода по вопросам помощи голодающим. М.: Государственное изд-во, 1922. С. 34.

катастрофа позволила советской власти легализовать изъятие церковных ценностей на борьбу с голодом, большая часть которых пошла на другие нужды, в том числе на поддержку большевистского режима [Иванов 2015, с. 38].

Постановлением Политбюро ЦК РКП(б) от 11 ноября 1921 г. создается специальная Главная комиссия по учету и сосредоточению ценностей под руководством особоуполномоченного Совнаркома РСФСР Л.Д. Троцкого, в функции которой входила организация работы и контроль по сосредоточению изделий из драгоценных металлов, валюты, художественных и иных ценностей из банков, церквей и т. д. и дальнейшая их реализация. Деятельность носила секретный характер. Ценные предметы культа свозились в Гохран (Государственное хранилище ценностей Наркомфина), где осуществлялась постановка на учет в Главмузее (Главном комитете по делам музеев и охране памятников искусства, старины и природы Народного комиссариата по просвещению РСФСР).

Для форсирования ситуации 16 февраля 1922 г. опубликовано постановление ВЦИК «Об изъятии церковных ценностей для реализации на помощь голодающим», где на законодательном уровне был легализован отъем церковного имущества у верующих.

Сроки проведения кампании по изъятию ценностей были регламентированы концом мая 1922 г., но на местах, в связи с возникновением различных трудностей, таких как сопротивление верующих, стихийное расхищение имущества, отсутствие транспорта и мест для хранения ценностей, кампания затягивалась на более длительные сроки. В отдельных регионах она продлилась вплоть до 1925 г.

В регионах были сформированы местные комиссии в составе «троек» по изъятию ценностей, куда входили заведующий губфинотделом, председатели губЧК и Губвоенкомата. Для деятельности комиссий были разработаны специнструкции с указаниями по организации, учету, изъятию и отправке ценностей в Гохран.

Церковное имущество, прошедшее оценку согласно описям, подразделялось на историко-художественные предметы, материальные ценности и имущество обиходного характера. К оценочной работе были подключены сотрудники органов юстиции, музеев, отделов народного образования, ювелиры. Историко-художественные ценности изымались в Госфонд, материальные ценности реализовывались государством через финансовые органы, а для церковных нужд оставлялись предметы обихода, не представлявшие особой ценности для государства⁵.

На все изъятые ценности составлялись описи в трех экземплярах и в сопровождении конвоя перегружались на спецвагоны для

⁵ ГАСО. Ф. Р-461. Оп. 2. Д. 1а. Л. 1.

дальнейшей транспортировки в Гохран. О всех собранных на местах ценностях требовалось немедленно телеграфировать с пометкой «Секретно» заместителю особоуполномоченного Совнаркома Назилевичу в Гохран⁶.

Кампания имела своей целью не только привлечение дополнительного финансирования для формирования золотого резерва и поддержки режима советской власти, но и являлась политическим рычагом для репрессий в отношении Православной Церкви как идеологического врага – путем внесения в нее раскола. Той же участи подверглись и другие конфессии [Бадмаева 2017]. В этом направлении усиленно велась активная агитационная работа с привлечением средств массовой информации.

Вот как эта ситуация выглядела на страницах газеты «Борьба» Балашовского уездного исполнительного комитета РКП(б) Саратовской губернии. С 10 марта 1922 г. начинают выходить антирелигиозные заметки, целью которых являлось изобличить церковь как «жадный и зажиточный элемент». Такой характер имели статьи «Вокруг церковных ценностей» от 10 марта, «Отцы духовные», «Поповский продналог» от 24 марта, «Церковь и голод», «Бог голодных» от 29 марта, «Золото и хлеб», «Суд над Христом» от 9 апреля, «Собрание верующих города Балашова», «Хоть бы копейку...», «Наивность или лицемерие» от 15 апреля и многие другие⁷.

В приведенных статьях акценты были расставлены так, что сама церковь, священнослужители остались в стороне от трагедии голода. В одной из статей под названием «Суд над Христом», которую можно считать скрытым призывом к грабежу церковей, автор художественным слогом излагает свой рассказ, как группа обезумевших от голода людей врывается в храм и корит Христа за то, что он обрек их на мучения. Это дало им моральное право разгромить храм и вынести из него все ценное, чтобы спасти свои жизни.

Автор статьи «Голод и Христос» заходит с другой стороны. Он упрекает священнослужителей в искажении заповедей Христа. Обвиняет их в участии в политических процессах, припомнив события Первой мировой войны, где духовенство выступило в поддержку военных событий, благословляя на братоубийство. На фоне разыгравшейся антирелигиозной кампании в России на местах также начинает вестись активная работа в этом направлении. В данной статье автор не обошел вниманием и этот момент, говоря о реакции саратовского духовенства следующее: «Это черствое, формальное, скажем прямо, политическое отношение к голодающим! И аргументация все та же: нельзя помогать, пока большевики!

⁶ Там же. Ф. Р–184. Оп. 1. Д. 18. Л. 9–9 об., 10.

⁷ Там же. НСБ. Ед. хр. 312. № 46. С. 3.

Нансен говорит: можно – и помогает, а патриарх Тихон говорит: нельзя. Отчего, как Нансен, он не едет в Поволжье, к своей голодающей пастве? Отчего уже давно не продал церковных сокровищ и не превратил их в хлеб? Отчего не предотвращает, без политики, а с любовью стольких смертей? Отчего забыл о Христе?»⁸

Однако многие священнослужители и прихожане добровольно призывали население жертвовать ценности, отдавая все самое дорогостоящее [Нуйкина 2017]. Другие отказывались, посчитав, что они могут пойти совсем на другие цели. Все это способствовало запланированному расколу в рядах Православной Церкви. Под идеологическим гнетом она разделилась на старую и обновленческую церковь – по сути, управляемую советской властью⁹.

Из секретной телеграммы ЦК РКП(б), адресованной Саратовскому губисполкому 15 апреля 1922 г., о работе с лояльным к советской власти духовенством: «...ответственным секретарям Губкомов и Предгубкомов принять меры к тому, чтобы взять на учет лояльные элементы духовенства и побудить их выступить против нынешней церковной иерархии, которая выступила контрреволюционно против Советской власти и обнаружила свою злую волю и бессилие и тем скомпрометировала себя. Лояльные элементы духовенства должны получить уверенность, что Советская власть, не вмешиваясь во внутренние дела церкви, не позволит контрреволюционным иерархам расправляться над демократическим элементом духовенства. Надо всемерно подталкивать лояльных попов на лозунг нового поместного собора для смещения контрреволюционного патриарха. Но ни Губкомы, ни Губисполкомы ни в коем случае не участвуют в этой работе официально или открыто. Инициатива должна исходить от демократических попов и верующих мирян. Работу в указанном смысле надлежит вести энергично, дабы довести до конца то движение, которое возникло в недрах церкви на почве изъятия ценностей. Председатель ЦК РКП(б) Сталин»¹⁰.

На страницах газеты «Борьба» начинают появляться заметки о всемерной помощи советских организаций и иностранных миссий и личном вкладе граждан в дело помощи голодающим, противопоставляя бездействие официальной церкви. Но вместе с тем приводятся заметки о добровольной сдаче серебра отдельными церквями и коллективами верующих Саратовской губернии и Балашовского уезда. Сведения по изъятию имущества публиковались в местных официальных изданиях.

⁸ Там же.

⁹ Там же. Ф. Р–184. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

¹⁰ Там же. Ф. Р–521. Оп. 4. Д. 26. Л. 89.

Вместе с тем на страницах газеты идет высмеивание нового религиозного течения. В сатирической статье «Лоно церкви», опубликованной 25 мая 1922 г., высмеивается заседание съезда «Живой церкви», на котором снимают анафему с Пугачева и Распутина, провозглашая их борцами за права рабочего человека, и с ангельской помощью переносят их из ада в рай¹¹.

Публикуются сводки об изъятии церковных ценностей в Балашовском уезде. В качестве примера можно привести сводку «Что изъято из балашовских церквей» о состоянии сдачи церковного имущества на 10 мая 1922 г.: «Из Архангельской церкви: верхняя доска и четыре угольника с евангелия, крест наперсн., ковш, чаша, дискос, звезда, лжица, две тарелочки, две лампы, кадило и двадцать пять риз с икон, общий вес – два пуда двадцать девять фунтов шестьдесят золотников»¹².

В первые месяцы проведения кампании коллективам верующих разрешалась замена церковного имущества продуктовым эквивалентом, поскольку такая помощь голодающим была более адресной и быстрой. Но эта практика не прижилась, поскольку за счет нее не шло пополнение государственной казны, и ее запретили, разрешив замену ценного церковного имущества равным количеством серебра и золота. Позже практика замены церковных ценностей проводилась уже в полуторном эквиваленте. Однако советские власти считали и это недостаточным и наложили полный запрет на замену.

Поначалу акцент делался на изъятии золотых предметов культа как эквиваленте золотых рублей в расчетах с зарубежными биржами. Но когда их объем не оправдал ожиданий действующих властей, акцент сместился в пользу серебряных изделий и драгоценных камней. Золотые и серебряные вещи оценивались как лом, и их цена была минимальна. Большое количество церковных ценностей было утрачено и разворовано как населением, так и отдельными ответственными лицами. Некоторую часть удалось спасти самоотверженными священнослужителями и прихожанами.

Кампания по изъятию ценностей приняла ускоренные темпы и более жесткие методы. В итоге, как и планировалось, в большинстве регионов ее удалось закончить в мае 1922 г.

По результатам проведения кампании местные власти составляли итоговый перечень изъятых ценностей с количественным указанием драгоценных металлов и камней и телеграфировали сводки в вышестоящие органы.

В Саратовской губернии работа по изъятию ценностей в г. Саратове, согласно отчетной телеграмме в ЦК Помгол (центральная

¹¹ Там же. НСБ. Ед. хр. 312. № 93. С. 3.

¹² Там же. Инв. № Г-г Борьба № 50 от 10 мая 1922 года.

комиссия помощи голодающим), была окончена 20 мая 1922 г. В уездах эта работа несколько затянулась, окончить ее планировалось к 28 мая.

В результате проведенной кампании по губернии было изъято: серебра – 154 пуда 9 фунтов 5 золотников и 73 доли¹³; золота – 7 золотников и 25 долей; 15 бриллиантов и 7 розочек по 2 карата, 4 бриллианта по 0,5 карата, 4 алмаза по 0,5 карата, 4 бриллианта по 0,75 карата и 24 маленьких алмаза. Жемчужная риза с 35 маленькими бриллиантами на 8,5 карат, 5 изумрудов на 8 карат, 35 мелких изумрудов и 33 рубина в крестах. По уездам собрано серебра – 54 пуда 10 фунтов 87 золотников и 73 доли; золота – 2 фунта 8 золотников и 31 доля; бриллиантов на 40 карат¹⁴.

Официально комиссия по сосредоточению и учету церковных ценностей была расформирована 6 июня 1922 г., однако сводки по изъятию церковного имущества по Балашовскому уезду прослеживаются вплоть до 8 июля 1922 г.

28 июня выходит агитационная статья «Церковный «февраль» о действиях церковных «революционеров» в рамках новой «Живой церкви», целью которой будет изжить все старые церковные устои и полностью пересмотреть подход к вере, искоренив в службах старославянский язык, убрав церковную атрибутику и церковные облачения¹⁵.

По опубликованным данным ВЦИК, в результате проведения кампании было реализовано церковных ценностей на сумму 7 574 162 золотых руб. 05 коп, из которых передали в Главмузей предметы стоимостью лишь 426 514 руб. 31 коп.

С закупкой зерна на вырученные деньги советские власти не спешили, сделав ставку на собственный высокий урожай осенью 1922 г. Власти безответственно полагали, что проблема практически изжита, и объявили об окончании кампании по борьбе с голодом, хотя только в одном Аткарском уезде Саратовской губернии осенью 1922 г. голодало около 39 000 тысяч взрослого населения, не считая детей¹⁶. В октябре зерно большей частью было распродано за рубеж.

Эта была роковая ошибка советской власти, точнее – преступление перед своим народом. Впереди у страны были новые испытания...

¹³ Меры веса: пуд – 16,38 кг; фунт – 409,5 г; золотник – 4,26 г; доля – 0,04 г.

¹⁴ ГАСО. Ф. Р–184. Оп. 1. Д. 18. Л. 33.

¹⁵ Там же. НСБ. Ед. хр. 312. № 69. С. 1.

¹⁶ Там же. Ф. Р–790. Оп. 1. Д. 11. Л. 5.

Литература

- Бадмаева 2017 – *Бадмаева Е.Н.* Ускоренное «решение религиозного вопроса» партийно-государственным аппаратом в Калмыкии (1917–1924 гг.) // Новый исторический вестник. 2017. № 3 (53). С. 97–116.
- Иванов 2015 – *Иванов С.Н.* Финансы и политика в реализации изъятых в 1922 г. церковных ценностей // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. 2015. № 5. С. 38.
- Нуйкина 2017 – *Нуйкина Е.Ю.* Законодательные инициативы советской власти в области религиозной политики: 1917–1920-е гг. // Вестник архивиста. 2017. № 4. С. 209–222.

References

- Badmaeva, E. (2017), “The accelerated ‘Settlement of the Religious question’ by the Bolshevik party and the Soviet State apparatus in Kalmykya (1917–1924)”, *The New Historical Bulletin*, vol. 53, no. 3, pp. 97–116.
- Ivanov, S.N., (2015), “ Finance and politics in the sale of church valuables seized in 1922” // *Bulletin of PSTGU II: History. History of the Russian Orthodox Church*. . No. 5, p. 38.
- Nuikina, E., (2017), “Legislative initiatives of the Soviet power in the field of religious policy. 1917–1920s”, *Herald of an Archivist*, no. 4, pp. 209–222.

Информация об авторе

Анастасия Г. Колдина, Государственный архив Саратовской области, Саратов, Россия; 410012, Россия, Саратов, ул. Кутякова, д. 15; a.coldina@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-7911-9773

Information about the author

Anastasia G. Coldina, State Archives of the Saratov Region, Saratov, Russia; bld. 15, Kutyakova St., Saratov, Russia, 410012; a.coldina@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-7911-9773

Историография, источниковедение и методы исторического исследования

УДК 930.2

DOI: 10.28995/2658-6541-2022-3-72-82

Метрические книги римско-католических приходов на территории БССР в 1945–1991 гг.

Кирилл В. Сытько

*Центральная научная библиотека имени Якуба Коласа
Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь,
kirylawolny@gmail.com*

Аннотация. В статье проанализированы изменения, которые претерпели метрические книги римско-католических приходов БССР в условиях антирелигиозных кампаний в 1945–1991 гг. С установлением советской власти на территории Беларуси начались активные процессы секуляризации во всех сферах жизни социума. Одним из аспектов секуляризации стал запрет в 1917 г. на ведение метрических книг и замена их на акты гражданского состояния, регистрируемые органами ЗАГС. После присоединения Западной Беларуси к БССР в 1939 г. все верующие-католики Беларуси стали окормляться Апостольской администрацией Вильнюса и ее филиалом в Белостоке. Как итог, на неофициальном уровне, благодаря требованиям епископов, в тех римско-католических приходах, которые не были ликвидированы, практики метрикации продолжены и длились весь этап существования советского государства. Одним из ключевых моментов функционирования метрических книг в послевоенный период стала инструкция Апостольского администратора 1948 г., в которой в отношении материалов метрикации подчеркивался примат церковного права над гражданским. Метрические книги утратили строгость формуляра, зачастую записи производились в школьных тетрадях и на обрывках бумаги с использованием нелитературных форм языка, а право вносить запись в книги о крещениях, браках, погребениях получили лица, не имеющие сана.

Ключевые слова: метрические книги, римо-католицизм, БССР, антирелигиозные кампании, формуляр, Апостольская администрация Вильнюса

Для цитирования: Сытько К.В. Метрические книги римско-католических приходов на территории БССР в 1945–1991 гг. // История и архивы. 2022. № 3. С. 72–82. DOI: 10.28995/2658-6541-2022-3-72-82

Metric books
of the Roman Catholic parishes
on the territory of the BSSR
in 1945–1991

Kiryl V. Syt'ko

*Yakub Kolas Central Scientific Library, National Academy of Sciences,
Minsk, Belarus, kirylawolny@gmail.com*

Abstract. The article analyzes the changes that the metric books of the Roman Catholic parishes of the BSSR underwent in the conditions of the anti-religious campaigns in 1945–1991. With the establishment of the Soviet power on the territory of Belarus, active secularization processes began in all spheres of social life. One of the aspects of the secularization was the ban in 1917 on keeping metric books. They were replaced by the civil status acts registered by the Registry Office. After the accession of Western Belarus to the BSSR in 1939, All Catholic believers in Belarus started getting spiritual guidance from the Apostolic Administration of Vilnius and its branch in Bialystok. As a result, at an unofficial level, due to the demands of the bishops in those Roman Catholic parishes that were not liquidated, the practice of metrication continued. They lasted the whole phase of existence of the Soviet state. The key moment of the functioning of the metric books in the post-war period was the instruction of the Apostolic Administrator in 1948. It emphasized the primacy of the ecclesiastical law over the civil law in relation to the metrication materials. The metric books had lost the rigor of the form. The entries were often made in the school notebooks and on the scraps of paper using the non-literary forms of the language. The right to make an entry in the books on baptisms, marriages, burials was granted to the people who had not been ordained.

Keywords: parish registers, Roman Catholicism, BSSR, anti-religious campaigns, formulary, Vilnius Apostolic Administration

For citation: Syt'ko, K.V. (2022), "Metric books of the Roman Catholic parishes on the territory of the BSSR in 1945–1991", *History and Archives*, no. 3, pp. 72–82, DOI: 10.28995/2658-6541-2022-3-72-82

Введение

Метрические книги, которые велись на территории Беларуси в XVI – начале XX в., являются всесторонне изученным культурно-религиозным феноменом. В историографии, однако, бытует мнение, что после установления советской власти на всей территории бывшей Российской империи произошло полное вытеснение метрикации из практик фиксации основных событий жизни человека. И действительно, официально была утверждена ее отмена на законодательном уровне [Антонов, Антонова 2006, с. 33], затем замена метрик на акты гражданского состояния [Рыбчонак 2003, с. 16]. Некоторые исследователи считают, что 1917 г. является крайней датой, после которой метрические книги не велись в принципе [Винник 2010, с. 80]. Иные отмечают существование практик фиксации сведений о крещении, браках и погребениях в Западных регионах Беларуси до 1939 г. [Рыбчонак 2018, с. 158]. Подобного дискурса о ведении метрических книг в прошедшем времени придерживается также Департамент по архивам и делопроизводству Республики Беларусь на своем официальном сайте «Архивы Беларуси»¹.

Необходимо считать указанные выше факты уничтожения феномена метрикации либо его прекращения как минимум некорректными. Церковная фиксация основных событий жизни человека в книгах о крещениях, браках и погребениях после 1917–1939 гг. продолжалась на массовом уровне. В процессе археографических экспедиций в 2017–2020 гг. в приходах римско-католической церкви в Беларуси выявлен значительный комплекс метрических книг, охватывающий весь период существования советского государства, а также наше время. Из некоторого количества названных материалов сняты копии, переданные на хранение в Национальный исторический архив Беларуси и Центральный научный архив Национальной академии наук Беларуси. При этом анализ историографии показывает, что если материалы 1917–1944 гг. как научный материал использовались [Borowski 1998, s. 57–65], то книги фиксации крещений, браков и погребений за 1945–1991 гг. оказались по причине ограниченного доступа к ним, а также оставления культовых учреждений вне списков комплектования государственных архивов, выкинутыми из научного исследовательского поля. Данное обстоятельство делает необходимым рассмотрение интенций к продолжению метрикации в секуляризиро-

¹ Архивы Беларуси: Генеалогия. Метрические книги. URL: <https://archives.gov.by/home/genealogiya/metricheskie-knigi> (дата обращения 10.05.2022).

ванном белорусском советском обществе, структуры метрических книг второй половины XX в., способов фиксации информации, языковых особенностей книг о крещениях, браках и погребениях.

Основные причины, которые позволили феномену метрикации сохраниться, кроются в геополитической ситуации, в которой находилась Беларусь в XX в. Разделенная на две части по условиям Рижского договора 1921 г., она испытывала диаметрально противоположное отношение к религии со стороны государства в разных регионах.

Как известно, на территории советской Беларуси декретом ВЦИК и СНК «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» от 18 декабря 1917 г. устанавливалось, что правомочными являются только гражданские браки, зафиксированные в книгах актов гражданского состояния (аналогично – сведения о рождении и смерти). Церковные метрические книги подлежали сдаче в волостные, уездные, городские управы². Вызванный данным декретом протест Могилевского епископа-суффрагана Яна Феликса Цепляка и начавшаяся в 1919 г. Советско-польская война на несколько лет отсрочили конфискацию документов из приходов, окормляемых архиепархией [Kukharenski 2008, s. 227]. С 1 марта 1921 г. на территории ССРБ во исполнение названного выше декрета начал действовать циркуляр НКВД № 2 о запрете духовным лицам вести метрические книги, а также об обязательной передаче всех существующих материалов подобного рода в архивы органов ЗАГС³.

В свою очередь, на территории Западной Беларуси, входившей в состав Польской республики до сентября 1939 г., метрикация была одним из основных способов фиксации гражданского состояния, а римско-католическая церковь – одним из важнейших акторов социально-политического поля. С присоединением Западной Беларуси к БССР, 2 ноября 1939 г. в силу вступил запрет на ведение любых церковных документов, фиксирующих факты рождения, брака и смерти. За нарушение данного предписания предполагалась уголовная ответственность [Kraheil 1992, s. 49]. При этом священнослужители были обязаны раз в три месяца подавать сведения о количестве совершенных обрядов и суммах, полученных за их исполнение. Гражданскими властями планировалась замена церковных метрик на книги учета религиозных треб и приходно-расходные книги [Ярмусик 2006а, с. 62–63].

² Декреты Советской власти. Т. 1. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1957. С. 247–249.

³ Религиозная жизнь на Минщине (1918–1941 гг.): документы и материалы. Минск: А.Н. Варакин, 2015. С. 15.

В то же время постановлением вильнюсского викарного епископа Мечислава Рейниса⁴ от 22 ноября 1946 г. было принято решение, согласно которому каждый священнослужитель, несмотря на запрет со стороны гражданской власти, обязан вести и хранить надлежащим образом книги крещений, браков, погребений, а также материалы предбрачных экзаменов (обысков). В инструкции от 12 мая 1948 г., разосланной от имени исполняющего обязанности Апостольского администратора Виленской архиепархии Казимира Палтарокаса, уточнялось, что метрические книги ведутся согласно установленным канонам Кодекса канонического права и архидиоцезиальным уставам. Этой же инструкцией декларировалось положение метрических книг как документов, доступ к которым был закрыт для лиц, не имеющих сана. Регламентировался язык метрикации (латынь), а также строгая формула записи⁵. Данная формула повторяла существовавший в Виленской архиепархии формуляр 1921–1939 гг. (дата прописью, название и географическая привязка костела, имя и титул (в том числе – почетный) священнослужителя, название проводимого обряда, сведения о лице/лицах, над которыми совершается обряд).

Таким образом, требуя от настоятелей приходских костелов ведения метрических книг, епископат ставил каноническое партикулярное церковное право выше советских законов.

В 1946–1950-х гг. отделами ЗАГС с привлечением представителей местных райисполкомов в ряде приходов была произведена конфискация так называемых архивов метрической системы⁶. Под расписку о том, что метрические книги более вестись не будут, они изымались⁷. Данное событие не повлияло на создание и исправное пополнение информацией метрик в приходях, которые функционировали в период 1946–1991 гг.

Таким образом, традиция фиксации основных событий жизни римо-католиков в книгах о крещении, браке и погребении, несмотря на запреты и давление гражданской власти, была продолжена.

Стоит отметить, что термин «*метрическая книга*» в данном случае весьма условен. В ситуации давления со стороны государства Апостольская администрация не смогла организовать печать и переплет

⁴ После 1939 г. все римско-католические приходы БССР окормлялись Апостольской администрацией Вильнюса и ее филиалом в Белостоке.

⁵ Центральная научная библиотека имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси (ЦНБ НАН Беларуси). Ф. 23. Оп. 1. Д. 1068. Л. 1–1 об.

⁶ Термин, применяемый в протоколах конфискации.

⁷ Центральный научный архив Национальной академии наук Беларуси (ЦНА НАН Беларуси). Ф. 3С. Оп. 33 Д. 1 Л. 1.

формуляров. Священнослужители вынуждены были пользоваться школьными тетрадами, которые разлиновывали самостоятельно, а на первой странице от руки писали «Книга о крещениях/браках/погребениях». В отдельных случаях использовались обрывки бумаги, которые прошивались либо соединялись металлическими элементами. Исключение составляли предбрачные экзамены, которые велись в типографически отпечатанных польскоязычных шаблонах. Во многих из данных шаблонов стоят печати метрических отделов Пинской и Виленской диоцезиальных консисторий, датируемые январем – началом сентября 1939 г.⁸ Использование этих печатных форм продолжалось до конца 1970-х – начала 1980-х гг.

Как показывает анализ более 450 единиц хранения, *единой унифицированной формы записи* метрических книг послевоенного периода, несмотря на требования курии, не существовало. Соблюдение инструкции курии зафиксировано только в одном приходе – Наисвятейшей Богоматери Неустанной Помощи в д. Изабелин Волковыского р-на. В остальных церквях запись производилась в произвольной форме. Например, в приходе Преображения Господня в д. Селивановцы Гродненского р-на в книгах о крещении за 1950–1980-е гг. записывался номер свидетельства о регистрации новорожденного, выданного органами ЗАГС, а в графе с именами и фамилиями крестных приводилось их точное местожительство и дата рождения⁹.

В приходе Архангела Михаила в д. Богданово Воложинского р-на сведения о регистрации в органах ЗАГС в книгу не записывались, имена крестных давались без сведений об их возрасте и месте жительства, но существовала графа, в которой фиксировалась информация о рождении ребенка в браке либо вне его¹⁰. Отличительной особенностью документов костела Божьей Матери Розария в д. Подлабенье Гродненского р-на является обозначение места работы и профессиональных занятий родителей и крестных¹¹.

Аналогичным образом выглядели расхождения в записях о браках и погребениях. Например, в книгах о погребениях Фарного костела г. Лида Лидского р-на фиксировались сведения об имени, фамилии, месте смерти, дате рождения покойного, а в упомянутом выше приходе в д. Подлабенье дополнительно указывались даты отпеваний, имена свидетелей отпевания, семейный статус покойного, имена его жены, детей, родителей, место жительства родственников.

⁸ Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Коллекция цифровых копий 18 (КЦК-18). Оп. 1. Д. 91. Л. 201 об.; Д. 101. Л. 201 об.

⁹ ЦНА НАН Беларуси. Ф. 3С. Оп. 11. Д. 16. Л. 1–12.

¹⁰ НИАБ. Ф. 1689. Оп. 1. Д. 40. Л. 1–8.

¹¹ ЦНА НАН Беларуси. Ф. 3С. Оп. 19. Д. 1. Л. 2–8 об.

Для покойных женщин, при жизни бывших замужем, дополнительно приводилась девичья фамилия¹².

Подобные отличия в формулярах говорят об информационной изолированности приходов, невозможности получать ими формы документов, а возможно – о нежелании разбираться в предписаниях курии в условиях идеологического давления. Как итог, в метрических книгах фиксировались те сведения, которые казались лицу, производившему запись, важными.

Порядок внесения записи в книгу зависел от наличия священнослужителя в приходской церкви и его рабочей нагрузки. Во время хрущевской антирелигиозной кампании 1958–1964 гг. многие приходы, формально функционирующие, остались без настоятелей. Один священнослужитель мог окормлять сразу несколько общин. Например, настоятель прихода Воздвижения Святого Креста в г. Лида Станислав Каласанс Роек проводил службы сразу в 12 церквях¹³; настоятель общины в г. Борисове Борисовского р-на Виктор Шutowич проводил религиозные требы на территории Минской, Гомельской и Могилевской областей [Ярмусик 2006 а, с. 140] и т. д.

Фиксация записи о крещении, браке, погребении (а в случаях крайней необходимости и проведение самого ритуала) нередко осуществлялась представителями местной религиозной общины, не имеющими сана. Так, в приходах в д. Рогозница и д. Гервяты записи в книгах производили бывшие церковные служители – охранники, органисты и т. д. [Hlebowicz 1991, s. 54]. Данное обстоятельство не нарушало Кодекс канонического права 1917 г., параграфами 1–2 канона 742¹⁴ которого предписывалось, что в случае необходимости совершать обряд имеет право лицо, движимое «искренними намерениями». В частности, проводить обряд разрешалось женщинам-катехеткам, если они знали ритуал лучше живущих в населенном пункте мужчин¹⁵. В 1964 г. апостольской конституцией «Sacrosanctum consilium» было предписано переработать обряды, сократив и упростив их¹⁶, что также наложило отпечаток на особенности метрических книг, сделав записи более краткими и менее формальными.

¹² Там же. Л. 3 об.

¹³ Архив прихода Воздвижения Святого Креста в г. Лида. Б/ф. Б/о. Ед. Хр. «Переписка советского периода в россыпи за 1946–1989 гг.». Л. 19 об.

¹⁴ С принятием Кодекса канонического права 1983 г. данные правила предписывались параграфом 2 канона 862.

¹⁵ Codex Iuris Canonici an. 1917. Romae: Typis Polyglottis Vaticanis, MCMXVIII [1918]. P. 180.

¹⁶ Дакументы Другога Ватыканскага Сабору. Мінск: Про Хрысто, 2008. С. 32.

Выбор языка записи послевоенных метрик, несмотря на требование курии 1948 г. писать на латыни, зависел исключительно от языковых компетенций лица, вносящего информацию в документ. Так, первое послевоенное десятилетие он мог быть польским и белорусским. С конца 1950-х гг. встречается русский язык (крайне редко) и так называемая трясанка (идиом белорусского и русского). Стоит отметить, официальное разрешение совершать обряды на титульных языках было сделано только в 1964 г., на II Ватиканском соборе, когда Апостольская столица окончательно осознала сложности с проведением католического обряда на территории СССР [Ярму-сик 2006б, с. 317].

Исходя из упомянутых выше обстоятельств, метрическая запись зачастую содержала нелитературные языковые формы. Например, часто встречаются такие лексемы, как «нараджэние» (от бел. нараджэньне), «рождене», «кресчене», «ропис» и т. д.¹⁷

Отдельным вопросом является *хранение* материалов метрикации в советский период. Как следует из параграфа 4 канона 535 Кодекса канонического права¹⁸, оно производилось в «отдельном архиве», к которому не было доступа «посторонних». Стоит думать, под «посторонними» понимались члены общины, не возведенные в сан. На практике, учитывая риски конфискации материалов гражданской властью, возникал вопрос о пересмотре термина «посторонний». Как следует из воспоминаний членов костельных комитетов в г. Мосты Мостовского р-на, г. Щучин Щучинского р-на и др., документы хранились в частных домах у членов религиозной общины. К сожалению, данные факты невозможно подтвердить. Более того, по необъяснимым причинам члены костельных комитетов отказались давать интервью под запись (как в диктофонном, так и в бумажном виде). На сегодняшний момент большинство метрических книг XX в. возвращены в приходские костелы и хранятся в сакристиях либо в плебаниях.

Заключение

Таким образом, несмотря на существовавший в БССР запрет фиксации актов гражданского состояния культовыми учреждениями, римско-католические приходы на территории Беларуси негласно продолжали вести метрические книги о крещениях, браках и погребениях на протяжении существования всего белорусского советского государства, как того требовали нормы римско-католи-

¹⁷ ЦНА НАН Беларуси. Ф. 3С. Оп. 11. Д. 16.

¹⁸ Codex Iuris Canonici an. 1917... P. 167.

ческого партикулярного права. В периоды усиления антирелигиозных кампаний роль лиц, ответственных за проведение ритуалов и ведение названных документов, брали на себя знающие обрядовые нормы члены местной религиозной общины, не имеющие сана. Вписанные в столь специфический исторический контекст материалы о крещениях, браках и погребениях утратили строгость формуляра. Им присуще искажение языковых норм фиксации информации. Наблюдается переход термина «метрическая книга» в условную категорию, когда записи совершались на обособленных листах бумаги, в тетрадах и т. д. Как итог, метрическая книга в 1945–1991 гг. существенным образом отличалась от материалов, создаваемых в предыдущие периоды, что делает ее достаточно интересным феноменом советской повседневности римско-католических общин на территории Беларуси и требует проведения дополнительных научных штудий.

Літэратура

- Антонов, Антонова 2006 – *Антонов Д.Н., Антонова И.А.* Метрические книги России XVIII – начала XX в. М.: РГГУ, 2006. 194 с.
- Винник 2010 – *Винник М.В.* Метрические книги как источник для изучения сословно-профессиональной структуры населения г. Барнаул в последней трети XIX в. // Проблемы народонаселения в зеркале истории: Шестые Валентеевские чтения: Москва, 22–24 апреля 2010 г. МГУ им. М.В. Ломоносова: Сборник докладов. Т. 2. М.: МАКС Пресс, 2010. С. 80–87.
- Рыбчонак 2003 – *Рыбчонак С.А.* Крыніцы па генеалогіі Беларусі XVI – пачатку XX ст.: метады, парады. Мінск: Беларус. навуц.-даслед. ін-т дакументазнаўства і арх. справы, 2003. 74 с.
- Рыбчонак 2018 – *Рыбчонак С.А.* Звесткі па генеалогіі ў метрычных кнігах Беларусі XVII– XVIII стст. // Гістарычна-археалагічны зборнік. 2018. Вып. 33. С. 158–164.
- Ярмусик 2006а – *Ярмусик Э.С.* Католический костел в Беларуси в 1945–1990 годах. Гродно: ГрГУ им. Я. Купалы, 2006. 567 с.
- Ярмусик 2006б – *Ярмусик Э.С.* Новые тенденции в деятельности католического костела в Беларуси (1960–1990 гг.) // Шлях да ўзаемнасці: матэрыялы XII Міжнар. навуц. канф., Гродна, 11–12 лістапада 2004 г. Гродна: ГрДУ, 2006. С. 316–321.
- Borowski 1998 – *Borowski E.* Akta rzymskokatolickiej diecezji pińskiej w zbiorach Archiwum Diecezjalnego w Drohiczyźnie // Białostoczczyzna. 1998. № 2. S. 57–65.
- Hlebowicz 1991 – *Hlebowicz A.* Kościół w niewoli: kościół rzymskokatolicki Białorusi i Ukrainie po II wojnie światowej. Warszawa: Głos, 1991. 152 s.
- Kraheil 1992 – *Kraheil T.* Archidiecezja wileńska pod okupacją sowiecką // Życie religijne w Polsce pod okupacją 1939–1945: metropolie wileńska i lwowska,

zakony: praca zbiorowa / Pod red. Z. Zielińskiego. Katowice: Unia, 1992. S. 11–65.

Kukharenko 2008 – *Kukharenko B.* Walka z Kościołem Katolickim w ZSRR w latach 20. XX wieku ze szczególnym uwzględnieniem opodatkowania Obiektu kultu // *Archiwa, Biblioteki i Muzea Kościelne*. 2008. T. 89. S. 225–248.

References

- Antonov, D.N. and Antonova, I.A. (2006), *Metricheskie knigi Rossii XVIII – nachala XX v.* [Metric books of Russia, 18th – early 20th centuries], RGGU, Moscow, Russia.
- Borowski, E. (1998), “Akta rzymskokatolickiej diecezji pińskiej w zbiorach Archiwum Diecezjalnego w Drohiczynie”, *Białostoczczyzna*, no. 2, pp. 57–65.
- Hlebowicz, A. (1991), *Kościół w niewoli: kościół rzymskokatolicki na Białorusi i Ukrainie po II wojnie światowej* [The church in captivity. The Roman Catholic Church in Belarus and Ukraine after World War II], Głos, Warszawa, Poland.
- Jarmusik, E.S. (2006), *Katolitcheskij Kostel v Belarusi v 1945–1990 godah* [The Catholic Church in Belarus in 1945–1990]. GrGU im. J. Kupaly, Grodno, 2006, Belarus.
- Jarmusik, E.S. (2006), “New trends in the activities of the Catholic Church in Belarus (1960–1990)” in *Shlah da uzaemnasci: materyaly XII Miżnar. navuk. kanf., Grodna, 11–12 listapada 2004 g.* [The way to reciprocity. Proceedings of the 12th International Scientific Conference, Grodno, November 11–12, 2004], Grodno, Belarus, pp. 316–321.
- Krahel, T. (1992), “Archidiecezja wileńska pod okupacją sowiecką” in Zieliński, Z. *Życie religijne w Polsce pod okupacją 1939–1945: metropolie wileńska i lwowska, zakony: praca zbiorowa* [Religious life in Poland under occupation 1939–1945. Metropolises of Vilnius and Lviv, orders. Collective work], Katowice, Poland, pp. 11–65.
- Kukharenko, B. (2008), “Walka z Kościołem Katolickim w ZSRR w latach 20. XX wieku ze szczególnym uwzględnieniem opodatkowania Obiektu kultu”, *Archiwa, Biblioteki i Muzea Kościelne*, vol. 89, pp. 225–248.
- Rybchonak, S.A. (2003), *Krynitsy pa genealogii Belarusi XVI – pachatku XX st.: metadychnyia parady* [Sources on the genealogy of Belarus of the 16th – early 20th centuries. Methodical advice], Belaruskі navukova-dasledchy instytut dokumentaznaustva i arkhіunay spravy, Minsk, Belarus.
- Rybchonak, S.A. (2018), “Information on genealogy in the metric books of Belarus of the 17th – 18th centuries”, *Historychna-archiealahichny zbornik*, vol. 33, pp. 158–164.
- Vinnik, M.V. (2010), “Registers of births as a source for studying the class and professional structure of the population of Barnaul in the last third of the 19th century” in *Problemy narodonaseleniya v zerkale istorii: Shestye Valenteevskie chteniia, Moskva, 22–24 aprelyia 2010 g., t. 2* [Population problems in the mirror of history. Sixth Valenteev Readings. Moscow, April 22–24, 2010, vol. 2], Moscow, Russia, pp. 80–87.

Информация об авторе

Кирилл В. Сутько, кандидат исторических наук, Центральная научная библиотека имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь; 220072, Беларусь, Минск, ул. Сурганова, д. 15; kirylawolny@gmail.com

ORCID ID: 0000-0003-3633-9797

Information about the author

Kiryl V. Syt'ko, Cand. of Sci. (History), Yakub Kolas Central Scientific Library, National Academy of Sciences, Belarus, Minsk, Belarus; bld. 15, Sursanova St., Minsk, 220072, Belarus; kirylawolny@gmail.com

ORCID ID: 0000-0003-3633-9797

Воспоминания политических лидеров
СССР и ГДР 1960–1980-х гг.:
долгий и трудный путь к читателю

Александр Паль

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, ara.moskau@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена мемуарам политической элиты СССР и ГДР 1960–1980-х гг. Мемуарная литература этого периода находилась под жестким идеологическим контролем, имевшим дуалистичную природу в своей основе. С одной стороны, контроль выражался в серии запретительных мер, которые действительно привели к ограничению публикаций любых мемуаров в целом и политических в частности. С другой стороны, именно в эти годы были проведены две крупномасштабные имиджевые кампании, в которых партия и государство продвигали свою идеологию посредством искусственного создания воспоминаний высочайших представителей политической элиты. Речь идет о мемуарах генеральных секретарей ЦК КПСС Леонида Брежнева (СССР) и ЦК СЕПГ Эриха Хонеккера (ГДР). Особенный интерес представляет тот факт, что мемуары Брежнева и Хонеккера писала команда профессиональных гострайтеров, а не номинальные авторы, чьи имена стояли на обложках воспоминаний. Статья описывает хронологию столкновения государственной идеологии и мемуарной прозы, а также анализирует причины и следствия этого столкновения. В статье впервые использованы документы бывших архивов ЦК КПСС и ЦК СЕПГ, что делает статью особенно интересной.

Ключевые слова: политические элиты, СССР, ГДР, мемуары, «оттепель», культурная политика, цензура, Брежнев, Хонеккер, Максвелл

Для цитирования: Паль А. Воспоминания политических лидеров СССР и ГДР 1960–1980-х гг.: долгий и трудный путь к читателю // История и архивы. 2022. № 3. С. 83–103. DOI: 10.28995/2658-6541-2022-3-83-103

The memoirs of the political leaders
of the USSR and the GDR of the 1960s – 1980s.
A long and difficult path to the reader

Alexander Pahl

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, apa.moskau@mail.ru*

Abstract. The article deals with the memoirs of the political elite of the USSR and the GDR in the 1960s – 1980s. The memoir literature of that period was under a strict ideological control, having a dualistic nature at its core. On the one hand, the control was expressed in a series of prohibitive measures that really led to the restriction of the publication of any memoirs in general and the political ones in particular. On the other hand, it was during those years that two large-scale image campaigns were held, in which the party and the state promoted their ideology through the artificial creation of the memoirs of the highest representatives of the political elite. It concerned the memoirs of the general secretaries: of the Central Committee of the CPSU – Leonid Brezhnev (USSR), and of the Central Committee of the Socialist Unity Party of Germany – Erich Honecker (GDR). Of particular interest is the fact that the memoirs of Brezhnev and Honecker were written by a team of professional “ghostwriters” – and not by the nominal authors whose names were on the book covers. The article describes the chronology of the clash of state ideology and memoir prose, and also analyzes the causes and consequences of that clash. For the first time, the article uses the documents from the former Archives of the Central Committee of the CPSU and the Central Committee of the Socialist Unity Party of Germany, which makes the article especially interesting.

Keywords: political elites, USSR, GDR, memoirs, “thaw”, cultural policy, censorship, Brezhnev, Honecker, Maxwell

For citation: Pahl, A. (2022), “The memoirs of the political leaders of the USSR and the GDR of the 1960s – 1980s. A long and difficult path to the reader”, *History and Archives*, no. 3, pp. 83–103, DOI: 10.28995/2658-6541-2022-3-83-103

Введение

В Советском Союзе эпохи Брежнева (1964–1982) только два политических лидера смогли опубликовать свои мемуары официально и большими тиражами – сам Брежнев и Анастас Микоян, многолетний министр внешней торговли Советского Союза. Остальным представителям политической элиты того времени не разрешалось публиковать мемуары до тех пор, пока они не покидали свои посты. В качестве примеров здесь можно

привести мемуары следующих членов Политбюро ЦК КПСС брежневской эпохи: М. Горбачев «Жизнь и реформа»¹ и Д. Кунаев «О моем времени: Воспоминания»². Некоторые мемуарные тексты высокопоставленных советских политических деятелей нашли свой путь к читателю лишь после смерти их авторов. Посмертно опубликованы, например, мемуары следующих членов Политбюро эпохи Брежнева: В. Гришин «От Хрущева до Горбачева. Политические портретные пяти генсеков и А.Н. Косыгина: Мемуары»³ и Д. Кунаев «От Сталина до Горбачева»⁴.

Аналогичная практика публикации мемуаров политических лидеров существовала и в братской стране Советского Союза – ГДР. Здесь также большими тиражами были опубликованы только мемуары Генерального секретаря ЦК СЕПГ Эриха Хонеккера⁵. Другим влиятельным политическим деятелям ГДР разрешалось публиковать свои мемуары только после объединения Германии. Это происходило либо еще при их жизни⁶, либо посмертно⁷.

Среди «прижизненных» мемуаров советских лидеров особое место занимают воспоминания Микояна, опубликованные издательством ЦК «Политиздат»⁸ в 1971 и 1975 гг. Они появились, когда Микоян еще был членом ЦК КПСС, но в остальном уже не имел большого влияния (31 год членства в Политбюро закончился в 1966 г.). В этой связи интересно отметить, что Микоян при жизни не смог опубликовать в Советском Союзе продолжение своих воспоминаний (в том числе и о событиях 1924–1936 гг.) даже после многократных переработок. Об этом свидетельствует одна из записок ЦК КПСС 1977 г., в которой обсуждались недостатки содержания третьего тома мемуаров Микояна⁹. О трудностях публикации своих воспоминаний в полном объеме высказался и сам Микоян¹⁰.

¹ *Горбачев М.* Жизнь и реформа: В 2 т. М., 1995.

² *Кунаев Д.* О моем времени: Воспоминания. Алматы, 1992.

³ *Гришин В.* От Хрущева до Горбачева: Политические портреты пяти генсеков и А.Н. Косыгина: мемуары. М., 1996.

⁴ *Кунаев Д.* От Сталина до Горбачева. Алматы, 1994.

⁵ *Honecker E.* Aus meinem Leben. Berlin, 1980.

⁶ *Hager K.* Erinnerungen. Leipzig, 1996.

⁷ *Axen H.* Ich war ein Diener der Partei. Autobiographische Gespräche mit Harald Neubert. Berlin, 1996.

⁸ *Микоян А.* Дорогой борьбы. М., 1971; *Он же.* В начале двадцатых... М., 1975.

⁹ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 73. Д. 281. Л. 3.

¹⁰ *Микоян А.* Так было. М., 1999. С. 8, 10, 537, 633–634.

Полное издание его мемуаров могло быть осуществлено только после его смерти в 1999 г.¹¹

Особенным случаем среди советских «мемуаров вождей» были воспоминания Хрущева, которые были опубликованы (по частям) в 1970–1974 гг. сначала на английском языке в США, потом в переводах с английского на 15 языков западного мира, а затем в 1990 г. на русском языке в различных советских журналах. Публикация частей мемуаров Хрущева в США состоялась не без ведома КГБ, который через посредника оказывал влияние на отбор воспоминаний для первой публикации в США. Так, КГБ удалось смягчить критическое содержание воспоминаний и добиться того, чтобы политические элиты Советского Союза при Брежневле не изображались в дурном свете [Млечин 2006, с. 194–198]. Интересный обзор истории создания мемуаров Хрущева, их распространения на Западе и реакции на них в Политбюро ЦК КПСС (для Политбюро был сделан обратный перевод с английского издания мемуаров на русский язык, а наиболее важные высказывания Хрущева были обобщены на 3,5 страницах) дает В. Кеворков в статье «Диссидент союзного значения» [Кеворков 1998]. Полное издание мемуаров Никиты Хрущева было опубликовано только в 1999 г., т. е. через 28 лет после смерти бывшего Первого секретаря ЦК КПСС.¹² В том, что воспоминания о жизни государственного деятеля были опубликованы без сокращений и в русском оригинале, большая заслуга сына Н.С. Хрущева, Сергея. Он выполнил завещание отца, неустанно работая над тем, чтобы мемуары Хрущева все-таки были опубликованы в России в полном объеме (четырёхтомным изданием).

Трудности с публикацией своих мемуаров побудили Никиту Сергеевича в середине 1960-х гг. высказаться относительно практики публикации воспоминаний политических деятелей Советского Союза: «...высшим партийным и государственным чинам негласно запрещалось публиковать мемуары»¹³. Однако это высказывание Хрущева с сегодняшней точки зрения выглядит немного преувеличенным. Конечно же, различные документы из бывших архивов ЦК КПСС доказывают, что с середины 1960-х гг. ЦК КПСС предпринимал попытки регламентировать написание и издание мемуарной литературы в Советском Союзе, и эти попытки регулирования касались в первую очередь мемуаров ведущих представителей советской номенклатуры. Однако их создание нельзя рассматривать в отрыве от общего мемуарного бума тех лет.

¹¹ Там же.

¹² *Хрущев Н.* Воспоминания: Время. Люди. Власть: В 4 т. М., 1999.

¹³ Там же. Т. 1. С. 3.

*Ренессанс мемуарной литературы
после смерти Сталина и регулирование написания
и издания мемуаров советских лидеров при Брежнев*

Важно отметить, что мемуарная литература во всей своей полноте пережила ренессанс после смерти Сталина [Балина 2002, с. 246–247]. Такой небывалой популярностью советская мемуарная литература до этого времени пользовалась лишь однажды, а именно – в 1920-е гг. [Балина 2002, с. 242–243]. На протяжении всей сталинской эпохи (с 1931 г. до смерти Сталина в 1953 г.) советская мемуарная литература подвергалась строгому идеологическому контролю, в результате чего мемуарные тексты теряли свою основную составляющую – субъективные детали, личную интерпретацию «великой истории». Лишенные своей индивидуальности, советские мемуары сталинской эпохи были в основном просто неким дидактически полезным материалом, который должен был проиллюстрировать официальную версию «великой истории» в автобиографических подробностях. Такое развитие, однако, привело к сокращению публикации мемуаров, достигшего пика в конце 1930-х гг. [Балина 2002, с. 243–246]. С окончанием сталинской эпохи в так называемый период «оттепели» в советской культурной политике, начавшийся после XX съезда КПСС, произошел второй бум советской мемуарной литературы. Своими воспоминаниями, которые зачастую критически оценивали, в частности, сталинскую эпоху, некоторые авторы теперь хотели освободиться от идеологической опеки партии и представить собственный взгляд на «великую историю» [Балина 2002, с. 246–247]. Так, например, были созданы воспоминания Евгении Гинзбург (мать известного писателя-шестидесятника Василия Аксенова, которая сидела в лагере при Сталине). Во время оттепели она написала различные воспоминания, среди которых самые известные – «Крутой маршрут» – впервые были опубликованы в 1967 г. в milanском тамиздате. Надежда Мандельштам (жена поэта Осипа Мандельштама, умершего в лагере) также начала писать мемуары во время оттепели. Они появились в трех томах в 1970, 1972 и 1978 гг., также в тамиздате.

Эти попытки уклониться от официальной интерпретации советской истории и предложить читателю свой взгляд на происходящее, разумеется, встретили сопротивление в руководстве ЦК КПСС. Михаил Сулов, «серый кардинал» в Политбюро, яростно выступал за усиление идеологического контроля над мемуарами. Он не удержался от жесткой критики даже воспоминаний высокопоставленных политиков и военных – как в случае с воспоминаниями Микояна и Жукова [Богомолов 2012, в частности гл. «Покровитель

искусств»]. Одобрялись только те мемуары, которые были полностью написаны в духе соцреализма, демонстрировали партийную интерпретацию «великой истории», а ее личные интерпретации, напротив, были заклеены как «субъективистские» и «ошибочные». Эти идеологически однозначные мемуары, которые в этот период численно доминировали в советской мемуарной литературе, существовали с периода оттепели одновременно с диссидентскими воспоминаниями Евгении Гинзбург или Надежды Мандельштам и параллельно с политически индифферентными, автобиографически окрашенными текстами таких известных советских писателей, как Константин Паустовский или Валентин Катаев [Балина 2002, с. 246–255].

Различные документы, в основном из Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ), которые будут кратко представлены ниже, свидетельствуют о том, что с середины 1960-х гг. шел поиск методов более сильного идеологического контроля над советской мемуарной литературой. Именно мемуары ведущих советских военачальников, противоречащие официальной оценке Сталина, попали под наблюдение аппарата идеологического контроля государства, партии и армии.

В письме, написанном 22 сентября 1965 г. отделом ЦК КПСС по пропаганде и агитации¹⁴, мемуары различных полководцев Великой Отечественной войны подверглись критике за их «тенденциозность» и «фактические ошибки». Авторы обвиняли в «субъективизме», «преувеличении в описании роли, которую они играли в тех или иных событиях», «сокрытии личных ошибок» и «взаимных упреках»¹⁵. Среди прочего критиковались воспоминания таких высокопоставленных и отмеченных наградами за участие в Великой Отечественной войне военачальников, как Николай Воронцов (Воронцов в 1944 г. был назначен Главным маршалом советской артиллерии; в 1962 г. его мемуары «На службе военной» опубликовало военное издательство «Воениздат»), Андрей Еременко (Еременко в 1943 г. был повышен в звании до генерала армии; в 1965 г. его мемуары «В начале войны» были опубликованы издательством «Наука»), Иван Тюленев (Тюленев также был генералом армии; его мемуары «Через три войны» опубликованы в «Воениздате» в 1972 г.) и Василий Чуйков (Чуйков, легендарный «Герой Сталинграда», был командующим 62-й армией; его мемуары «Конец третьего рейха» опубликованы в 1973 г. в московском издательстве «Советская Россия»).

Их мемуары упоминаются в одном ряду с воспоминаниями Ильи Эренбурга «Люди, годы, жизнь», которые содержат серию

¹⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 223. Л. 100–102.

¹⁵ Там же. Л. 100.

портретов современников писателя, а также размышления о некоторых событиях русской и советской истории. По мнению авторов письма (1-го заместителя начальника отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС Александра Яковлева и заместителя начальника отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС Анатолия Егорова) в мемуарах Эренбурга «содержится все еще много нестыкровок, ошибок, искажений»¹⁶.

Работу над этим поздним произведением, состоящим из семи томов, Эренбург начал в 1958 г. Над седьмой книгой, которая осталась незавершенной, он работал с 1966 г. до своей смерти в 1967 г. Первые шесть книг воспоминаний, описывающие события 1891–1953 гг., были сначала опубликованы в различных номерах журнала «Новый мир» (1960–1965 гг.), а затем отдельными книгами в 1961–1966 гг. в издательстве «Советский писатель». Полное издание мемуаров, состоящее из семи книг, опубликовано только в 1990 г. издательством «Советский писатель». В этом издании можно также найти и те части мемуаров Эренбурга, которые были изъяты цензурой в 1960-х гг. О цензуре воспоминаний Эренбурга пишет Т. Горяева в своей книге «Политическая цензура в СССР» [Горяева 2009, с. 319–321]. Она описывает – на основе документов ЦК КПСС, с которыми ознакомилась в РГАНИ, – взаимодействие между «Главлитом» и ЦК КПСС при цензуре пятой книги воспоминаний Эренбурга. Мемуары Эренбурга смогли увидеть свет в журнале «Новый мир» (январский и февральский номера 1963 г.) только после значительной переработки спорных отрывков (о культуре личности, «еврейском вопросе», цензуре и т. д.).

После такой всесторонней критики мемуаров Эренбурга и высокопоставленных военачальников авторы письма предлагают компетентным органам четыре мероприятия по дальнейшей работе с воспоминаниями военачальников:

- во-первых, все советские издательства, журналы и газеты, которых это касается, должны решать вопрос о публикации такого рода мемуарной литературы на специальных редакционных совещаниях;
- во-вторых, компетентное учреждение в армии должно усилить контроль над изданием мемуаров военачальников (этим учреждением, вероятно, является орган военной цензуры «ГлавПУР» – А. П.);
- в-третьих, Государственный комитет по печати, подчиненный Совету Министров СССР, должен быть уполномочен принимать меры, ведущие к повышению качества подобной мемуарной литературы;

¹⁶ Там же. Л. 102.

- в-четвертых, мемуары военнослужащих в будущем будут публиковаться только советским военным издательством «Воениздат»¹⁷.

О том, что письмо от 22 сентября 1965 г. действительно привело к первым шагам по усилению идеологического контроля над воспоминаниями полководцев, свидетельствует отчет от 10.3.1966 г.¹⁸, подготовленный заместителем начальника отдела пропаганды и агитации ЦК Ираклием Чхиквишвили и инструктором того же отдела ЦК Иваном Сеничкиным. В нем докладывается о том, как меры, предложенные Яковлевым и Егоровым в вышеупомянутом письме от 22.9.1965 г., были реализованы на практике. Сообщается, что 28.2.1966 г. в отделе пропаганды и агитации ЦК было организовано совещание специально для директоров и главных редакторов тех советских издательств и журналов, которые публиковали мемуары военачальников. На этой встрече директора и главные редакторы были ознакомлены с содержанием письма от 22 сентября 1965 г. Кроме того, на заседании в ЦК были приглашены ответственные из Совета Министров СССР («Главлит»? – А. П.) и из армии («ГлавПУР»? – А. П.)¹⁹. В этом контексте важна также пометка в конце доклада, в которой говорится, что секретари ЦК КПСС Демичев и Пономарев должны быть проинформированы о действиях ЦК против идеологически ошибочных мемуаров военачальников²⁰. Это означает, что критика Яковлева и Егорова в отношении воспоминаний военачальников, безусловно, достигла своей цели: руководство ЦК КПСС указало на идеологические недостатки различных мемуаров высокопоставленных военных; индивидуальный взгляд авторов мемуаров на «великую историю» был официально осужден ЦК, что в будущем сделало публикацию подобных мемуарных текстов в советских журналах и издательствах практически невозможной.

В следующие годы были предприняты действия даже против таких выдающихся и влиятельных военных деятелей, как Георгий Жуков (Жуков был начальником Генерального штаба Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне, Маршалом Советского Союза, Министром обороны Советского Союза (1955–1957) и даже недолгое время членом Президиума ЦК КПСС). Он начал записывать воспоминания в 1965 г., первая публикация которых была осуществлена в 1969 г. «Издательством Агентства печати «Новости»»²¹. Затем последовало второе издание в 1974 г. (пере-

¹⁷ Там же. Л. 102.

¹⁸ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 223. Л. 104–105.

¹⁹ Там же. Л. 104.

²⁰ Там же. Л. 105.

²¹ Жуков Г. Воспоминания и размышления. М., 1969.

смотрено и расширено Жуковым и его помощниками). Однако только в 1990 г. (в десятом издании мемуаров) впервые были опубликованы все рукописные отрывки, не вошедшие в более ранние издания. Все последующие издания воспоминаний Жукова следуют этому варианту текста 1990 г. Сразу после первой публикации воспоминаний Жукова государство начало принимать меры против их распространения. Согласно циркулярному письму, направленному цензурным управлением «Главлит» 11.04.1969 г., отдельным региональным руководителям цензурного управления было дано указание не выпускать в печать рецензии на мемуары Георгия Жукова, а также отрывки из них. Эта мера была оправдана тем, что 10.4.1969 г. поступило соответствующее «указание товарища И. Чиквишвили из отдела пропаганды ЦК»²².

Как легко увидеть, те (ограниченные) свободы, которые принес с собой период оттепели и которые привели к буму в области мемуаристики, снова начали ограничиваться. Эта попытка политического отката достигла своего апогея с постановлением Секретариата ЦК КПСС от 7 января 1969 г., что привело к усилению «предцензуры» всех материалов, распространяемых советскими издательствами, радиостанциями, телевидением, киностудиями и учреждениями культуры и искусства.

Многие документы ЦК КПСС, в которых обсуждается мемуарная литература, считающаяся «слишком свободной», постоянно ссылаются на это постановление. Кроме того, оно, по-видимому, стало важнейшим отправным документом для принятия двух постановлений Секретариата ЦК КПСС, с помощью которых во второй половине 1970-х гг. был осуществлен тотальный идеологический контроль над написанием и публикацией мемуаров. Это были два постановления «О недостатках в подготовке и выпуске историко-партийной литературы мемуарного характера» от 5.2.1974 г. и «О мерах по усилению контроля над подготовкой и изданием мемуарной литературы» от 4.7.1977 г. Они будут более подробно рассмотрены нами ниже.

Постановление Секретариата от 5.2.1974, которое, как и постановления от 7.1.1969 и 4.7.1977, шло с пометкой «совершенно секретно». Оно в настоящий момент недоступно в РГАНИ для ознакомления. Кроме того, до настоящего времени не было опубликовано в сборниках документов. Однако ссылки на это постановление Секретариата ЦК можно найти в документе РГАНИ, который классифицируется более низким уровнем секретности и, следовательно, находится в свободном доступе для исследователей. Это

²² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-9425. Оп. 1. Д. 1315. Л. 49.

письмо из трех «идеологических» отделов ЦК КПСС (отдел пропаганды, отдел культуры, отдел науки и образования) от 27.7.1977 г.²³ В этом письме, подписанном заведующим отделом пропаганды ЦК КПСС Е. Тяжелниковым, заведующим отделом культуры ЦК КПСС В. Шауро и заместителем заведующего отделом ЦК КПСС по науке и образованию С. Щербаковым, дается отчет о проделанной работе по реализации постановления Секретариата по мемуарной литературе от 5.2.1974 г. В нем указывается, что к выполнению постановления Секретариата, помимо ЦК КПСС, были привлечены региональные ЦК КПСС на республиканском, областном и районном уровнях, органы, ответственные за издательства, радио и телевидение, Государственный издательский комитет СССР и его региональные отделения в советских республиках, а также цензурные органы Главлит и ГлавПУР. По словам авторов письма, этим инстанциям удалось повлиять на руководителей СМИ в вопросе повышения уровня идеологического содержания распространяемой ими мемуарной литературы. Следовало применять «более жесткий, партийный и принципиальный подход при оценке и предварительном отборе мемуаров, предназначенных для печати», особенно в редакциях газет, журналов и издательств. Результатом таких мер регулирования стало общенациональное сокращение более чем на половину объема публикуемых мемуаров. Значительное сокращение можно заметить и в количестве опубликованных материалов²⁴. Как видно из этого письма, в середине 1970-х гг. (за относительно короткий период всего в три года) ответственными подразделениями партийного и правительственного аппарата удалось существенно сократить общий мемуарный бум, который продолжался и после окончания оттепели. Это было вызвано, прежде всего, усилением идеологической цензуры перед публикацией мемуаров [Горяева 2009, с. 357].

Однако о том, что даже усиленная предцензура не могла гарантировать полного контроля над мемуарной литературой, свидетельствует постановление Секретариата ЦК КПСС «О мерах по усилению контроля за подготовкой и изданием мемуарной литературы» от 4.7.1977 г. Далее это постановление Секретариата ЦК КПСС цитируется по сборнику документов Т. Горяевой «История советской политической цензуры: Документы и комментарии»²⁵. Этот сборник документов не содержит постановления Секретариата как такового –

²³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 24. Д. 262. Л. 114–118. Далее цит. по: [Горяева 1997, с. 210–212].

²⁴ История советской политической цензуры: Документы и комментарии / Сост. Т. Горяева. М., 1997. С. 212.

²⁵ Там же. С. 208–209.

оно все еще недоступно, как и постановление Секретариата от 5.2.1974 г., – а только его проект (в его окончательной редакции). Проект постановления подготовлен отделом пропаганды ЦК КПСС и Государственным комитетом СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли (орган, подчиненный Совету Министров СССР) и принят Секретариатом ЦК КПСС 4 июля 1977 г.

Постановлению Секретариата ЦК КПСС от 4.7.1977 г. предшествовало постановление Секретариата ЦК КПСС от 24.2.1977 г., которое также было посвящено проблеме подготовки и публикации мемуаров²⁶. Поводом к постановлению Секретариата от 24 февраля 1977 г. стало очередное письмо Юрия Андропова в ЦК КПСС, в котором руководитель КГБ отметил, что «спецслужбы и центры пропаганды США проявляют все больший интерес к людям, много лет проработавшим на важных государственных и партийных должностях; они хотят завладеть их архивами, дневниками и мемуарами с целью нанесения ущерба Советскому Союзу». По словам Андропова, мишенью американских спецслужб стали многолетний министр внешней торговли Анастас Микоян, бывший министр иностранных дел СССР Вячеслав Молотов, а также высокопоставленный советский политик и дипломат Михаил Меньшиков. Чтобы предотвратить распространение нежелательных мемуаров, Андропов предложил разработать специальное «Положение о подготовке, публикации и хранении мемуаров» [Млечин 2006, с. 125].

Как видно, попытка взять под тотальный контроль мемуары ведущих советских политиков связана с инициативой председателя КГБ Юрия Андропова.

Постановление Секретариата ЦК КПСС от 4.7.1977 г. относится прежде всего к мемуарам ведущих советских политиков и военных²⁷. Мемуары этих представителей номенклатуры от момента их создания до хранения в специальных архивах должны были находиться под надзором ответственных подразделений аппарата ЦК, а также различных государственных и военных органов. В постановлении Секретариата предусмотрены следующие десять мер:

- мемуары, посвященные истории КПСС и советского государства, а также деятельности центральных учреждений партийного, государственного и правительственного аппарата или написанные ведущими кадрами партийного и государственного аппарата, должны публиковаться издательством при ЦК КПСС «Политиздат», которое должно в свою очередь согласовывать их с Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и соответствующими отделами ЦК;

²⁶ Там же. С. 617, примеч. 131.

²⁷ Там же. С. 208.

- мемуары, описывающие деятельность региональных отделений партийного, государственного или правительственного аппарата или их руководителей, должны публиковаться региональными издательствами также только после согласования с филиалами Института марксизма-ленинизма и соответствующими региональными отделами партийного аппарата. Если в таких мемуарах поднимаются вопросы принципиальной политической значимости, филиалы Института марксизма-ленинизма должны согласовывать их с головным учреждением в Москве;
- мемуары, описывающие историю Советской Армии и ее военные действия, должны публиковаться в Центральном армейском издательстве «Воениздат» и согласовываться с органом военной цензуры ГлавПУР и соответствующими отделами ЦК КПСС;
- мемуары военнослужащих, освещающие Гражданскую войну, Великую Отечественную войну, партизанское движение и подпольную деятельность КП в годы войны, могут публиковаться только в региональных издательствах;
- мемуары, касающиеся развития советской науки, должны публиковаться в издательстве «Наука» или соответствующих региональных научных издательствах. Публикация таких мемуаров должна быть согласована с соответствующими подразделениями Академии наук;
- вопрос о том, могут ли мемуары кадров партийного, государственного и военного аппарата также публиковаться в газетах, журналах и других органах печати, решается по согласованию с соответствующими отделами ЦК КПСС, Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и органом военной цензуры ГлавПУР;
- Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС совместно с «Политиздатом» отвечает за рецензирование мемуаров ведущих представителей партийного и государственного аппарата. Кроме того, эти два ведомства отвечают за литературное редактирование вверенных им мемуаров. В сотрудничестве с Союзом писателей СССР они должны привлечь к работе над этими произведениями наиболее квалифицированных и политически зрелых писателей;
- Главное архивное управление при Совете Министров СССР и Центральный партийный архив совместно с ответственными отделами ЦК КПСС разработают методические указания по работе с архивными документами, на которые должны ориентироваться авторы воспоминаний;
- издательство при ЦК КПСС «Политиздат» и Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС занимаются переизданием,

тиражированием и архивированием мемуаров представителей партийного и государственного аппарата; мемуары военачальников входят в компетенцию Центрального военного издательства «Воениздат»;

- за плановое издание мемуарной литературы отвечают Государственный издательский комитет «Госкомиздат» («Госкомиздат» подчинялся Совету Министров СССР и являлся государственным (правительственным) органом. Он был основан в 1963 г. и просуществовал – под разными названиями – до 1991 г.) или филиалы этого учреждения в отдельных советских республиках. «Госкомиздат» осуществляет директивное руководство отдельными издательствами и координирует их планы по публикации мемуарной литературы²⁸.

Эти указания Секретариата ЦК КПСС впоследствии были дополнены конкретными инструкциями отдельных органов власти, которые в первую очередь регулировали процесс написания и публикации воспоминаний ведущих представителей номенклатуры. Так, например, в конце 1977 – начале 1978 г. появились подготовленные Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС «Правила пользования документальными материалами партийных авторов для подготовки мемуарной литературы» и составленное «Госкомиздатом» «Положение о порядке публикации мемуарных произведений современников»²⁹. Из первого документа можно узнать, кто имел право пользоваться советскими партийными архивами, какие партийные архивы вообще были открыты для работы над мемуарами, кто выдавал разрешение на пользование этими архивами, максимальное время, в течение которого разрешалось работать в архивах, где и каким образом разрешалось работать с архивными документами и т. д. Второй документ информировал о требованиях к содержанию мемуаров представителей политической элиты того времени, регулировал публикации и рецензирование этих мемуаров и даже определял, сколько рукописных копий мемуаров может быть сделано и кто может просматривать эти копии.

Как видно из архивных документов, регулирование написания и издания мемуаров советских руководителей достигло своего пика во второй половине 1970-х гг. Именно в это время были созданы и так называемые мемуары Брежнева³⁰. Они были частью масштабной имиджевой кампании советского главы государства и партии – вероятно, единственной в своем роде в СССР того времени

²⁸ Там же. С. 208–209.

²⁹ РГАНИ. Ф. 5. О. 73. Д. 284. Л. 8.

³⁰ *Брежнев Л.* Воспоминания. М., 2005. Это первое издание всех мемуарных текстов Брежнева в одной книге.

[Волкогонов 1995, с. 73–74] [Павлов 2005, с. 4]. Эта кампания была начата в середине 1970-х гг. и была направлена на «укрепление авторитета Генерального секретаря» [Павлов 2005, с. 4]. Мемуары Брежнева, которые были самым важным проектом имиджевой кампании, прежде всего создавали «виртуальную реальность» [Грачев 1994, с. 16–18]. Эта «виртуальная реальность», как выразился Михаил Горбачев в книге «Жизнь и реформа», лишь имитировала впечатляющую деятельность Генерального секретаря³¹.

По словам Александра Мурзина, одного из авторов-гострайтеров мемуаров, планировалась даже вторая часть брежневских мемуаров, которая должна была называться «На посту Генсека»³². В интервью 1991 г. Мурзин упомянул инициалы бывшего сотрудника «Комсомольской правды», который уже в конце 1970-х гг. находился в окружении Генерального секретаря, чтобы собрать материал для продолжения мемуаров: «В. Д.»³³. Соответствуют ли заявления Мурзина о планируемом продолжении мемуаров Брежнева реальности, или же они в большей степени относятся к области легенды, на данный момент невозможно выяснить. Пролить свет на эту историю можно будет – если вообще возможно – с помощью документов из фонда Брежнева РГАНИ, к которым до сих пор нет полного доступа.

Биография Брежнева ИМЛ (1976) и мемуары Хонеккера (1980)

Имиджевая кампания Брежнева, которая проходила в Советском Союзе во второй половине 1970 – начале 1980-х гг., состояла из нескольких проектов. Первым проектом, реализованным в ее рамках, стал документальный фильм «Повесть о коммунисте» 1976 г., снятый по случаю 70-летия Брежнева и повествующий о жизненном пути юбиляра от сына простого рабочего до Генерального секретаря ЦК КПСС. Интересно отметить, что уже в этом первом проекте принимали участие Леонид Замятин и Виталий Игнатенко, которые позже сыграют важную роль в создании мемуаров Брежнева. Они написали сценарий для документального фильма. Как авторы сценария они были удостоены Ленинской премии в области литературы, искусства и архитектуры в 1978 г. вместе с режиссером фильма И. Бессарабовым и оператором А. Кочетковым.

³¹ Горбачев М. Жизнь и реформа: В 2 т. М., 1995. Т. 1. С. 216–218.

³² Мурзин А. Как я писал «Целину» // Огонек. 1991. № 44. С. 12.

³³ Там же.

Также в юбилейном 1976 г. была опубликована научно-популярная биография Генерального секретаря, включающая перечень его политических достижений. Это издание в твердой обложке объемом 144 страницы + иллюстрации в первом варианте было написано коллективом авторов из Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и получило название «Л.И. Брежнев. Краткий биографический очерк». Спустя год после публикации книги в Советском Союзе она была также опубликована в Восточном Берлине в переводе на немецкий язык издательством «Dietz» под названием «Leonid Iljitsch Breshnew. Kurzer biographischer Abriss» (Л.И. Брежнев: Краткий биографический очерк / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. М., 1976).

Биография, которая была опубликована в нескольких, частично расширенных, изданиях, состояла из трех частей и приложения с фотографиями. Три части, называемые главами, содержали краткую биографию Генерального секретаря (1-я глава), информацию обо всех съездах ЦК КПСС с 1964 по 1976 г. и всех партийных пленумах, которые проходили в этот период (2-я глава), а также обзор внешней политики Советского Союза с момента прихода к власти Брежнева в 1964 г. (3-я глава).

По словам Петра Родионова, который в то время, будучи первым заместителем директора ИМЛ, отвечал за работу над биографией Брежнева, инициатором этого проекта был секретарь ЦК

КПСС Михаил Зимянин³⁴. Этот крупный советский дипломат и партийный деятель (1914–1995), после работы послом Советского Союза во Вьетнаме (1956–1958 гг.) и Чехословакии (1960–1965 гг.), недолгое время был заместителем министра иностранных дел Советского Союза (1965 г.). Он оставил этот пост, чтобы возглавить партийный орган «Правда» в качестве главного редактора (до 1976 г.). С 1966 по 1976 г. возглавлял Союз журналистов СССР. В 1976 г. при помощи К. Черненко он стал секретарем ЦК КПСС. В Секретариате ЦК КПСС он вместе с М. Сусловым отвечал за идеологию, науку, образование, культуру и СМИ. Он напряженно работал над тем, чтобы биография Генерального секретаря была завершена всего за шесть месяцев и была опубликована вовремя, к 70-летию Брежнева, издательством ЦК КПСС «Политиздат».

Спустя год после публикации этой короткой биографии Генерального секретаря на русском языке опубликован перевод книги на английский язык. Этот вариант книги, предназначенный для читателей за пределами Советского Союза, содержал вышеупомянутые три части русскоязычного издания, дополненные текстом Конституции СССР 1977 г. (на английском языке). Эта книга была опубликована британским издательством «Pergamon Press»³⁵. Запись беседы сотрудника отдела международной информации ЦК СЕПГ Г. Зоммера с Робертом Максвеллом от 5 октября 1979 г., найденная в Федеральном архиве Германии в Берлине³⁶, доказывает, что публикация осуществлялась по инициативе левого британского издателя. Максвелл, как можно прочесть в этой записи, дважды лично встречался с Брежневым в рамках этого проекта. Первая встреча с Генеральным секретарем ЦК КПСС дала возможность проинформировать о готовящемся проекте мировую общественность. На второй встрече англоязычное издание биографии Брежнева было представлено публике как первая книга из серии Максвелла “Leaders of the World”. Западная версия биографии Брежнева была выпущена в сотрудничестве с московским издательством «Прогресс» и информационным агентством «Новости» (АПН) и вскоре стала бестселлером в англоязычных странах, особенно в Индии.

³⁴ Родионов П. Как начинался застой? Заметки историка партии // От оттепели до застоя: Сборник воспоминаний / Сост. Г. Иванова. М., 1990. С. 234–235.

³⁵ Leonid Ilyich Brezhnev. A short biography, including the new Constitution of the USSR / Institute of Marxism-Leninism, CPSU Central Committee. Oxford: Pergamon Press, 1977.

³⁶ SAPMO-BArch, DY 30/vorl. SED/32839.

Далее в этой записи от 5 октября 1979 г. можно прочитать следующее: после того как в серии “Leaders of the World” вслед за биографией Брежнева были опубликованы биографии М. Дерсяя, Дж. Картера и А. Громыко, Роберт Максвелл в октябре 1979 г. обратился в ЦК СЕПГ с просьбой разрешить включить в его серию книгу о Генеральном секретаре ЦК СЕПГ Эрихе Хонеккере.

Далее, как показывают 11 различных писем из Федерального архива Германии, началась оживленная переписка между Максвеллом или сотрудниками его издательства «Pergamon Press», Институтом марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ и издательством «Dietz»³⁷. Издательство «Dietz» из Восточного Берлина изначально претендовало на мировые издательские права на немецкоязычные мемуары Хонеккера (см.: письмо директора издательства Г. Хеннига профессору доктору Хайдену из Института марксизма-ленинизма от 4.12.1979³⁸). Однако затем издательство пошло на уступки Максвеллу и удовлетворилось правами на распространение книги в ГДР (см. отчет от 12.4.1980 о переговорах между Робертом Максвеллом, «Pergamon Press LTD», Гюнтером Хайденем, Герхардом Россманном с 6 по 11 апреля 1980 г. в Оксфорде) издательством «Zeit im Bild» (Дрезденское издательство «Zeit im Bild» взяло на себя выпуск мемуаров Хонеккера и самим Хонеккером)³⁹. Эта обширная переписка, которая проходила в период с октября 1979 г. по август 1980 г., была посвящена созданию мемуаров Хонеккера «Из моей жизни». По этой же проблеме существует и переписка между Институтом марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ и различными отделами ЦК СЕПГ (см. циркулярное письмо директора Института марксизма-ленинизма от 12 ноября 1979 г., адресованное руководителям различных отделов ЦК СЕПГ, а также ответы отделов ЦК СЕПГ Институту марксизма-ленинизма за первую половину декабря того же года⁴⁰). Обе переписки наглядно показывают, что Хонеккер не был автором мемуаров «Из моей жизни». Мемуары были написаны гострайтерами из Института марксизма-ленинизма, которые получали материалы для книги из различных отделов ЦК СЕПГ и даже от самого Максвелла. Гострайтеры при создании мемуаров Хонеккера должны были пойти на определенные (содержательные) уступки Роберту Максвеллу (см.: запись телефонного разговора Максвелла с проф. доктором Россманном от 14.11.1979, письмо Максвелла профессору доктору Хайдену от 10.4.1980, а также письмо Максвелла Хонеккере от 11.04.1980⁴¹).

³⁷ SAPMO-BArch, DY 30/vorl. SED/32839.

³⁸ SAPMO-BArch, NY 4167/646.

³⁹ SAPMO-BArch, NY 4167/647.

⁴⁰ SAPMO-BArch, NY 4167/646.

⁴¹ SAPMO-BArch, NY 4167/646.

О том, что проект мемуаров Хонеккера был крупномасштабным предприятием, движущей силой которого стал британский издатель Роберт Максвелл, свидетельствуют также два других документа из Федерального архива Германии (копия статьи из журнала «Spiegel» от 29.10.1979 г.⁴² и отчет от 12.04.1980 г. о переговорах Роберта Максвелла, Pergamon Press LTD, с Гюнтером Хайденом и Герхардом Россманном с 6 по 11 апреля 1980 г. в Оксфорде⁴³). В первом документе содержится информация о встрече Максвелла с Генеральным секретарем ЦК СЕПГ в Восточном Берлине (в октябре 1979 г.), во втором – о рабочей встрече двух ведущих сотрудников Института марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ (проф. д-р Хайден и проф. д-р Россманн) с Максвеллом в Оксфорде (в апреле 1980 г.).

Гюнтер Хайден был директором Института марксизма-ленинизма (ИМЛ) при ЦК СЕПГ. В начале работы над мемуарами Хонеккера он отвечал за сотрудничество с теми отделами ЦК СЕПГ, которые обеспечивали ИМЛ материалами для различных глав мемуаров. Однако контроль над окончательной редакцией мемуаров Хонеккера он, вероятно, должен был передать члену Политбюро Курту Хагеру (срав.: различные письма от Хагера за март и апрель 1980 г.⁴⁴, а также письмо Хайдена Хагеру от 05.05.1980 г.⁴⁵).

Герхард Россманн был заведующим отделом «История немецкого рабочего движения» в Институте марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ. Из различных документов Федерального архива Германии можно сделать вывод, что он отвечал в ИМЛ за создание мемуаров Хонеккера⁴⁶. Однако он подчинялся Хайдену.

Отчет от 12.04.1980 г. о переговорах с 6 по 11 апреля 1980 г. в Оксфорде показывает, что восточногерманская сторона приложила все усилия, чтобы удовлетворить все требования Максвелла в отношении мемуаров Хонеккера. По желанию британского издателя восточногерманской стороной было изменено даже название книги. Для британского издательства было чрезвычайно важно, чтобы книга об Эрихе Хонеккере вписывалась в серию «Leaders of the World» как с точки зрения содержания, так и по своему оформлению (см.: запись телефонного разговора Максвелла с проф. д-ром Россманном от 14.11.1979 г.⁴⁷). Образцом для книги Хонеккера служила прежде всего биография Брежнева, первая книга в серии,

⁴² SAPMO-BArch, NY 4167/646.

⁴³ SAPMO-BArch, NY 4167/647.

⁴⁴ SAPMO-BArch, DY 30/IV B 2/2.024/119, SAPMO-BArch, DY 30/vorl. SED/32839.

⁴⁵ SAPMO-BArch, DY 30/vorl. SED/32839.

⁴⁶ SAPMO-BArch, NY 4167/646.

⁴⁷ SAPMO-BArch, NY 4167/646.

на которую должны были ориентироваться восточногерманские партнеры. Мемуары Хонеккера даже воспроизводили внешний вид биографии Брежнева (срав.: письмо директора дрезденского издательства «Zeit im Bild» Гюнтера Цумпе Роберту Максвеллу от 29.11.1979 г.⁴⁸).

Уступка восточногерманских партнеров была вознаграждена Максвеллом. Он позаботился о рекламе мемуаров Хонеккера в западных странах и сделал старт продаж немецкоязычных⁴⁹ и англоязычных⁵⁰ мемуаров Хонеккера, выпущенных своим издательством, максимально заметным для публики (ср. отчет от 12.04.1980 г. о переговорах между Робертом Максвеллом, «Pergamon Press LTD», и Гюнтером Хайденом и Герхардом Росманном в Оксфорде с 6 по 11 апреля 1980 г.⁵¹ и письмо Максвелла Гюнтеру Хайдену от 04.08.1980 г.⁵²), что подняло международный престиж личности Генерального секретаря ЦК СЕПГ и всей ГДР.

Эрих Хонеккер. Из моей жизни. Франкфурт-на-Майне и др., 1980.

Заключение

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Для руководства партии и государства (исключая двух представителей политической элиты СССР – Брежнева и Микояна), публикация мемуаров была возможна только после того, как руководитель покидал свой пост. Подобным образом дело обстояло и в ГДР.

⁴⁸ SAPMO-BArch, NY 4167/646.

⁴⁹ *Honecker E. Aus meinem Leben.* Frankfurt a/M. u.a.: Pergamon Press, 1980.

⁵⁰ *Honecker E. From my life.* Oxford: Pergamon Press, 1981.

⁵¹ SAPMO-BArch, NY 4167/647.

⁵² SAPMO-BArch, DY 30/vorl. SED/32839.

2. Со смертью Сталина и оттепелью, начавшейся после XX съезда КПСС, мемуарная литература в России переживает ренессанс впервые после 1920-х гг. Примером «идеологически неверных» мемуаров того периода могут служить воспоминания Е. Гинзбург и Н. Мандельштам. Подобные воспоминания могли сосуществовать параллельно с политически нейтральными текстами К. Паустовского или В. Катаева, а также идеологически «правильными» мемуарами, которые в этот период, разумеется, количественно превалировали.

3. Однако очень скоро был предпринят ряд запретительных мер (направленных в первую очередь против мемуаров ведущих советских военачальников, что особенно коснулось тех произведений, где подвергалась сомнению положительная оценка роли Сталина или высказывался альтернативный официальному взгляд на Великую Отечественную войну). В результате этих мер не только мемуары диссидентов, но и мемуары представителей военной и политической элиты оказались под прицелом строжайшей государственной цензуры.

4. Наряду с этим идеологический контроль оперировал не только запретами, но также использовал мемуарную литературу как инструмент пропаганды величия государства и его вождей. Итогом стали две имиджевые кампании (Брежнева и Хонеккера), в которых мемуары были написаны не самими авторами, а профессиональными гострайтерами. Задачей этих мемуаров стало укрепление авторитетов вождей (в том числе и на международной арене) и воспевание преимуществ социалистической системы.

Литература

- Балина 2002 – *Балина М.* «Какой-то непроявленный жанр»: Мемуары в литературе соцреализма // Советское богатство: Статьи о культуре, литературе и кино: К 60-летию Ханса Гюнтера / Под ред. М. Балина, Е. Добренко, Ю. Мурашова. СПб.: Академический проект, 2002. С. 241–258.
- Богомолов 2012 – *Богомолов А.* Человек в калошах // Совершенно секретно. 2012. № 3. URL: <http://sovsekretno.ru/magazines/article/3060> (дата обращения 07.04.2022).
- Волкогоннов 1995 – *Волкогоннов Д.* Семь вождей: В 2 т. Т. 2. М.: Новости, 1995. 480 с.
- Горяева 2009 – *Горяева Т.* Политическая цензура в СССР. М.: РОССПЭН, 2009. 405 с.
- Грачев 1994 – *Грачев А.* Кремлевская хроника. М.: ЭКСМО, 1994. 413 с.
- Кеворков 1998 – *Кеворков В.* Диссидент союзного значения // Совершенно секретно. 1998. № 10. URL: <http://www.sovsekretno.ru/magazines/article/256> (дата обращения 07.04.2022).

Млечин 2006 – Млечин Л. Андропов. М.: Проспект, 2006. 405 с.

Павлов 2005 – Павлов М. Золотое перо генсека // Русская Германия. 2005. № 29. С. 4.

References

- Balina, M. (2002), “Some unmanifested genre’. Memoirs in the literature of socialist realism” in Balina, M., Dobrenko, E. and Murashov, Yu. (eds.), *Sovetskoe bogatstvo. Stat'i o kulture, literature i kino. K 60-letiyu Khansa Gyuntera* [Soviet wealth. Articles about culture, literature and cinema. On the 60th anniversary of Hans Guenther], Akademicheskii proekt, St. Petersburg, Russia, pp. 241–258.
- Bogomolov, A. (2012), “The man in galoshes”, in *Sovershenno sekretno* [Top secret], no. 3, available at: <http://sovsekretno.ru/magazines/article/3060> (Accessed 4 Apr. 2022).
- Goryaeva, T. (2009), *Politicheskaya cenzura v SSSR* [Political censorship in the USSR], ROSSPEN, Moscow, Russia.
- Grachev, A. (1994), *Kremlevskaya khronika* [The Kremlin chronicle], EKSMO, Moscow, Russia.
- Kevorkov, V. (1998), “Dissident of Union significance” in *Sovershenno sekretno* [Top secret], no. 10, available at: <http://www.sovsekretno.ru/magazines/article/256> (Accessed 4 Apr. 2022).
- Mlechin, L. (2006), *Andropov* [Andropov], Prospekt, Moscow, Russia.
- Pavlov, M. (2005), “The golden pen of the General Secretary” in *Russkaya Germaniya* [Russian Germany], no. 29, p. 4.
- Volkogonov, D. (1995), *Sem vozhd'ey* [Seven chiefs], Novosti, Moscow, Russia, vol. 2.

Информация об авторе

Александр Паль, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; apa.moskau@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-2588-8654

Information about the author

Alexander Pahl, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125047, Russia; apa.moskau@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-2588-8654

Архивоведение и документоведение: история, теория, практика

УДК 930.25

DOI: 10.28995/2658-6541-2022-3-104-116

Документ в системе документоведения и архивоведения: к построению единой теории

Павел А. Кюнг

*Всероссийский научно-исследовательский институт
документоведения и архивного дела,
Москва, Россия, pking@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы определения границ дисциплин документоведение и архивоведение в рамках современной практики и теории. Эти дисциплины традиционно развивались параллельно, и в каждой из них сформировался определенный подход к работе с документом. В первой основное внимание обращено на документы, образующиеся в ходе управленческой деятельности, прежде всего организационно-распорядительные. Вторая дисциплина включает в круг своих интересов все виды документов, поступающих на хранение в архивы, включая документы личного происхождения. Это несогласованность приводит, в том числе, к юридическим последствиям, когда «документ», поставленный на учет в архиве не обладает необходимыми с точки зрения документоведения реквизитами, чтобы считаться документом.

Фактически архивисты, принимая в архив документы, созданные не по правилам документирования, присваивают им необходимые реквизиты и статус документа. Также соединение происходит на этапе превентивной экспертизы ценности, когда архивисты создают перечни документов и устанавливают им сроки хранения.

В статье на основе анализа предметной области предлагается совмещение двух дисциплин в нормативном и методическом плане, чтобы закрыть имеющиеся лакуны.

Ключевые слова: архивоведение, документоведение, документ, документированная информация, предмет архивоведения, предмет документоведения, экспертиза ценности

Для цитирования: Кюнг П.А. Документ в системе документоведения и архивоведения: к построению единой теории // История и архивы. 2022. № 3. С. 104–116. DOI: 10.28995/2658-6541-2022-3-104-116

Document in the system of documentation and archival studies. On a unified theory

Pavel A. Kung

*All-Russian Scientific and Research Institute
for Records and Archives Management,
Moscow, Russia, pkung@yandex.ru*

Abstract: The article considers the issues of defining the boundaries of the disciplines of the records management and archival science in the framework of modern practice and theory.

These disciplines have traditionally developed in parallel and in each of them a certain approach to working with the document was formed. In the first, the main attention is paid to the documents formed in the course of management activities, primarily organizational and administrative. The second discipline includes in its circle of interests all types of documents that are deposited in archives, including private documents. Such inconsistency leads, among other things, to legal consequences when a “document” registered in the archive does not have the necessary details from the point of view of the records management to be considered as a document.

In fact, archivists, accepting documents to the archive that were not created according the documenting rules, assign them the necessary details and the status of the document. Also, the connection occurs at the stage of preventive value appraisal, when archivists create lists of documents with indication of retention period.

In the article, based on the analysis of the subject area, it is proposed to combine the two disciplines in a normative and methodological plan in order to close the existing gaps.

Keywords: archival science, records management, document, documented information, subject of archival science, subject of the records management, value appraisal

For citation: Kung, P.A. (2022), “Document in the system of documentation and archival studies. On a unified theory”, *History and archives*, no. 3, pp. 104–116, DOI: 10.28995/2658-6541-2022-3-104-116

В настоящий момент под влиянием политики цифровой трансформации¹ ставятся под сомнение многие наработанные годами методы работы с документами. Более того, происходит смысловое размывание самого понятия «документ». Все чаще в профессиональных обсуждениях сталкиваются и сравниваются понятия «документ», «документированная информация», «данные» [Двоеносова 2017]. Характерно, что в последние годы активную позицию в развитии электронного документооборота занимают Министерство труда, Министерство цифрового развития и Федеральная налоговая служба². Эти ведомства, привыкшие к понятию «информация», не в полной мере понимают вопросы документирования и архивного хранения документов.

В 1973 г. в рамках работы теоретического семинара, посвященного терминологическим проблемам в области документоведения и архивоведения, была опубликована статья К.И. Рудельсон «К вопросу о межотраслевой терминологии документоведения, архивоведения и смежных с ними дисциплин» [Рудельсон 1973, с. 5–15]. В ней автором было выделено около 50 терминов, «выражающих название видов и разновидностей документов». Автор пришла к выводу о том, что терминология, используемая в документоведении и архивоведении, находится еще на стадии своего формирования. В смежной статье В.Д. Банасюкевича, П.В. Веселова, З.А. Мосолова был поставлен вопрос, что «трудности упорядочения терминологии документоведения объясняются тем, что каждый раз его предмет истолковывается с позиции той науки, методы которой используются при анализе документационных систем [Банасюкевич, Веселов, Мосолов 1971, с. 40].

¹ Цифровая трансформация – качественные изменения в бизнес-процессах или способах осуществления экономической деятельности (бизнес-моделях) в результате внедрения цифровых технологий, приводящие к значительным социально-экономическим эффектам // *Абдрахманова Г.И., Быховский К.Б. и др.* Цифровая трансформация отраслей: стартовые условия и приоритеты: доклад к XXII Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества, Москва, 13–30 апреля 2021 г. М., 2021. С. 15.

² Концепция развития электронного документооборота в хозяйственной деятельности, утверждена решением Президиума Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности (протокол от 25 декабря 2020 г. № 34). URL: https://data.nalog.ru/html/sites/www.new.nalog.ru/docs/edo/edo_concept.pdf (дата обращения 07.04.2022).

В статье В.Н. Автократова, В.Д. Банасюкевича, А.Н. Соковой, посвященной вопросам развития документоведения, авторы размышляют над природой этой научной дисциплины. По их мнению, «documentsедение является комплексной интегрированной научной дисциплиной, возникшей в результате развития теории и практики делопроизводства как форм управленческого труда» [Автократов, Банасюкевич, Сокова 1975, С. 35–56]. Авторы статьи, являвшиеся основными идеологами и теоретиками документоведения и архивоведения, особо подчеркивали строгое ограничение круга объектов исследования документоведения – документы управления в их историческом развитии, «ограничивая тем самым научную дисциплину документоведение от всех других наук, изучающих документы» [Автократов, Банасюкевич, Сокова 1975, с. 36–56]. В то же время они оговаривают, что понятие «документ» различно определяется в «кибернетике, дипломатике, в праве, информатике» [Автократов, Банасюкевич, Сокова 1975, с. 40]. А сам документ является объектом изучения и источниковедения [Автократов, Банасюкевич, Сокова 1975, с. 39]. Здесь необходимо добавить, что и для архивоведения документ основной объект. Но архивоведение и источниковедение намного шире смотрят на документы, чем документоведение, понимая под ним любой носитель с закрепленной на нем информацией – аудиовизуальной, научно-технической, личного происхождения.

А.Н. Сокова в свое время сделала чрезвычайно важное замечание: «Документоведение следует рассматривать как симметрию и взаимодополнение архивоведению, они анализируют один и тот же объект (документ), но с двух противоположных сторон: архивоведение – со стороны его информационной ценности как исторического источника, ..., документоведение – со стороны его информационной и оперативной ценности как носителя информации, функционирующего в современной социальной системе» [Сокова 2009, с. 172].

Указывая документ в качестве объекта документоведения и архивоведения, необходимо ввести важную конкретизацию, без которой рассмотрение вопроса не будет полноценным. В.П. Козлов указывает, что объектом архивоведения является не просто документ, а архивный документ, хранящийся в архиве [Козлов 2022b, с. 37]. Но, на мой взгляд, здесь нужно сделать определенное уточнение. По существу, в современной нормативной базе и методической литературе отсутствует четкая граница, переходя которую документ превращается в архивный документ. Как только документ создан, он уже в рамках номенклатуры дел отнесен к определенному делу, которое имеет срок хранения. Следовательно, сохраняя оперативное значение, документ уже становится

и архивным документом. После закрытия дела 1 января следующего года он в составе дела может оказаться в архиве. Это порождает определенные затруднения для организаций, не имеющих архивов в качестве структуры, но обязанных хранить документы в соответствии с законодательством.

И получается, что две дисциплины, объединенные общностью объекта изучения, оказались несопоставимы из-за разных пониманий его границ. Это привело к тому, что вопросы работы с аудиовизуальными и научно-техническими документами, с документами личного происхождения решались на уровне издания архивных правил и не включались в нормативные и методические документы в области делопроизводства.

В рамках конференции ВНИИДАД 29 октября 2021 г. состоялась дискуссия «Цифровая трансформация и современные тренды управления документами и данными». Она показала, что сейчас очень важно очертить круг проблем нашей специальности, чтобы с одной стороны, не произошло ее растворения в информационных науках, а с другой стороны, не произошло ее сужения, например, в рамках исключительно управленческой документации.

Поэтому сейчас нам нужно понять и укрепить место нашей профессии. Именно мы, архивисты, понимаем итоговую цель – сохранение документального наследия, способного «подтвердить» историю. Но здесь нужно попытаться понять, что подразумевается под «документальным наследием». В настоящее время у нас принято несколько определений, связанных с документом, и закрепленных в нормативно-правовых актах и стандартах:

документированная информация – зафиксированная на материальном носителе путем документирования информация с реквизитами, позволяющими определить такую информацию или в установленных законодательством Российской Федерации случаях ее материальный носитель³;

документирование: запись информации на носителе по установленным правилам;

документ: зафиксированная на носителе информация с реквизитами, позволяющими ее идентифицировать;

архивный документ: документ, сохраняемый или подлежащий сохранению в силу его значимости для граждан, общества, государства⁴;

³ Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2021).

⁴ ГОСТ Р 7.0.8-2013: Делопроизводство и архивное дело: Термины и определения.

архивный документ – материальный носитель с зафиксированной на нем информацией, который имеет реквизиты, позволяющие его идентифицировать, и подлежит хранению в силу значимости указанных носителя и информации для граждан, общества и государства⁵.

Как видим, центром определения документа являются реквизиты, идентифицирующие информацию, а также правила их формирования и закрепления. Но если обратиться к составу Архивного фонда Российской Федерации, то мы увидим, что оно намного шире: «В состав Архивного фонда Российской Федерации входят находящиеся на территории Российской Федерации архивные документы независимо от источника их происхождения, времени и способа создания, вида носителя, форм собственности и места хранения, в том числе юридические акты, управленческая документация, документы, содержащие результаты научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ, градостроительная документация, кино-, фото-, видео- и фонодокументы, электронные и телеметрические документы, рукописи, рисунки, чертежи, дневники, переписка, мемуары, копии архивных документов на правах подлинников, а также архивные документы государственных организаций, находящихся в иностранных государствах».

Целый ряд перечисленных документов могут не содержать в явном виде реквизиты, позволяющие их идентифицировать. Это: документы личного происхождения, аудиовизуальные документы, телеметрические документы.

Также нужно отметить научно-технические документы, которые имеют довольно ясный порядок формирования реквизитов, но при этом не входят в предмет документоведения.

Здесь мы можем говорить об определенном пробеле в теории и методике документоведения и архивного дела: при упоминании реквизитов в вышеуказанных определениях речь идет о тех, которые присваиваются при создании документа, или к ним можно и отнести реквизиты, формируемые в архивах, и таким образом, именно архивист в конечном счете может присвоить любой информации статус документированной путем включения в учетные документы архива, присвоения и нанесения на документ архивного шифра, нумерации и т. д.

На мой взгляд, документоведы и архивисты не должны ограничиваться исключительно «документом», созданным по правилам документирования, такой подход существенно сужает поле нашей

⁵ Федеральный закон от 22.10.2004 № 125-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «Об архивном деле в Российской Федерации».

работы. Ведь одна из задач архивистов именно формирование источниковой базы исторических исследований.

Проблема определенности определения «документ» поставлена Владимиром Петровичем Козловым, он обращает внимание, что «в силу универсальности природы документа и выполняемых им функций не существует общепринятого его толкования» [Козлов 2021а, с. 59]. Он выделяет несколько групп определений понятия «документ»:

Документоведческое – определенным образом структурированная информация, закрепленная различными способами на различных носителях с реквизитами, позволяющими ее идентифицировать...придающих документу определенную знаковую, юридическую, административную важность.

Архивоведчески-источниковедческое – информация, закрепленная различными способами на различных носителях, представляющих собой материальные объекты. В.П. Козлов подчеркивает, что здесь понимается структурированные создателей документа сообщения, имеющие смысл, понятный не только автору, но и адресату документа.

Культурологическое – все, что создано человеком в процессе его жизнедеятельности сознательно и бессознательно.

Когнитивное – разновидность «интеллектуальных продуктов», реализующих человеческое мышление.

Информационное – любая информация, зафиксированная на любом носителе [Козлов 2021а, с. 61–62].

Автор предлагает свое определение документа: материальный объект, выступающий в качестве носителя информации в виде структурированных сообщений, имеющих смысл, задаваемых целевыми установками его автора, техническими возможностями, правилами, нормами и традициями создания материального объекта и информации [Козлов 2021а, с. 67]. Немного позже автор скорректировал определение документа – «материальный объект в виде информационного продукта, содержащего текст информационных сообщений, имеющих смысл и определяющихся его функциональным предназначением как регулятора человеческой жизнедеятельности» [Козлов 2022с, с. 70].

Анализируя представленные подходы, можно видеть несовпадение границ документоведческой и архивно-источниковедской точек зрения. В первом случае речь идет практически прежде всего о контуре управленческой документации, второй предполагает, что в архиве в качестве документа может находиться любая структурированная информация. Предложенные В.П. Козловым определения в определенной степени примиряют эти подходы. Важно, что он особо отмечает необходимость расширения толкования

понятия документа включением в него «различных видов документов личного, сакрального происхождения, “инициативного документирования”, документов, фиксирующих нематериальное культурное наследие, как особых и равноценных классов по отношению к документам официальным» [Козлов 2022с, с. 69]. Но в то же время возникает вопрос с привязкой документа к материальному объекту: что делать, когда на одном материальном носителе зафиксировано несколько документов, информационных единиц? Особенно это характерно для документов, традиционно испытывающих проблемы с учетом – аудиовизуальных, где на одной катушке, к примеру, пленки может быть несколько записей исполнителей, или для электронных документов.

Вопросом является область применения документоведения и архивоведения в рамках организации работы с документами и организации хранения документов. В базовом терминологическом стандарте «ГОСТ Р 7.0.8-2013. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения» мы видим три определения:

- делопроизводство: деятельность, обеспечивающая документирование, обработку, использование и оперативное хранение документов;
- документационное обеспечение (управления), ДОУ: деятельность, целенаправленно обеспечивающая функции управления документами;
- управление документами: деятельность, обеспечивающая реализацию единой политики и стандартов по отношению к документальному фонду организации.

Здесь наиболее широким термином видится «управление документами», по существу, предполагающее формирование документального фонда организации, затрагивая все контуры документооборота, включая финансовый, кадровый, научно-технический, аудиовизуальный. Это подчеркивает, что в своем научном преломлении документоведение и архивоведение являются частью целого, поскольку изучают стадии единого жизненного цикла документа.

Нужно отметить, что, рассматривая документоведение и архивоведение как единую методологическую систему, нельзя избежать ее разделения на отдельные модули. Характерно, что эти модули будут следовать жизненному циклу документа, на разных его стадиях будут различать привлекаемые смежные дисциплины, подходы к работе. На первых этапах – создания документа и выполнения им основного предназначения, в большей степени задействованы управленческие дисциплины, теория управления, теория организации. Делопроизводство теснейшим образом связано здесь с текущей нормативной базой. Основная задача – это создание юридически

значимых документов, правильное оформление управленческих решений.

Характерно, что здесь документоведение сосредотачивается исключительно на управленческой документации. Контуры финансового документооборота, обращения научно-технической документации находятся вне зоны внимания дисциплины. При этом управление документами предполагает организацию всех документопотоков. Но эти процессы традиционно регулируются профильными стандартами и нормативными актами, которые рассматриваются как изолированные контуры.

В то же время мы видим, что в общий контур включаются и иные системы документации. Так, если обратиться к Перечню типовых управленческих архивных документов, образующихся в процессе деятельности государственных органов, органов местного самоуправления и организаций, с указанием сроков их хранения⁶, то найдем целый ряд статей (49, 69, 182, 360, 371), содержащих указание на хранение фото, фоно и видеодокументов как созданных в рамках управленческого процесса (приложения к протоколам), так и носящих самостоятельный характер (документы, подготовленные для размещения в средствах массовой информации).

Новые Правила организации хранения, комплектования, учета и использования научно-технической документации в органах государственной власти, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных организациях⁷ содержат главу II «Организации комплектования, учета, хранения и использования научно-технической документации в органах государственной власти, органах местного самоуправления, выступающих заказчиками НТД», в соответствии с которой архив государственного органа и органа местного самоуправления может вести инвентарный учет поступающей научно-технической документации.

Также, если мы обратимся к Правилам организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного

⁶ Перечню типовых управленческих архивных документов, образующихся в процессе деятельности государственных органов, органов местного самоуправления и организаций, с указанием сроков их хранения, утв. Приказом Федерального архивного агентства от 20.12.2019 г. № 236, зарегистрированным Минюстом России 06.02.2020. Регистрационный № 57449.

⁷ Правила организации хранения, комплектования, учета и использования научно-технической документации в органах государственной власти, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных организациях, утв. Приказом Росархива от 09.12.2020 № 155, зарегистрированным Минюстом России 12.03.2021. Регистрационный № 62735.

фонда Российской Федерации и других архивных документов в органах государственной власти, органах местного самоуправления и организациях⁸, то в них установлено, что «2.1. Документы, образующиеся в деятельности организации, составляют документальный фонд. 2.2. Создание документального фонда организации осуществляется путем составления номенклатуры дел, формирования и оформления дел на основе нормативных правовых актов Российской Федерации, перечней типовых архивных документов с указанием сроков их хранения». Очевидно, что Правила не делают различия между видами документов, и в номенклатуру дел включаются все документы, образующиеся в организации, включая аудио-визуальные и научно-технические.

Поэтому, на мой взгляд, перспективы развития теории документоведения лежат именно во включении в контур управления документами организации всех видов документов и документированной информации. Понятно, что речь может идти лишь о высокоуровневом регулировании документопотоков, так как конкретные виды документооборота регламентируются соответствующими нормативными документами или стандартами.

Здесь архивоведение видится как более широкая дисциплина. Традиционно документообразование лежит вне ее научного поля, хотя именно архивисты заинтересованы в знании и понимании того, какие материалы будут поступать к ним на хранение. Поэтому представляется обоснованной необходимость развития взаимодействия в этом отношении. Формируемые требования к формам и форматам документов должны учитывать особенности архивного хранения. На стадии архивного хранения возникают такие направления, как *обеспечение сохранности*, которое представляет собой в большей степени естественно-научное направление, нежели гуманитарное, *использование*, тесно соприкасающееся с информационными науками, юридическими и музейными.

Традиционно роль архивов в нашей стране рассматривается с точки зрения сохранения исторического наследия, эта роль закреплена и в определении архивного документа, и в определении Архивного фонда. Но, возможно, нам необходимо расширять декларируемые задачи архивов: это обеспечение государственной безопасности, защита истории от фальсификации, обеспечение сохранения доказательной базы, в том числе для работы правоохрани-

⁸ Правила организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в органах государственной власти, органах местного самоуправления и организациях, утв. приказом Министерства культуры Российской Федерации от 31.03.2015 № 526.

нительных органов. С такой точки зрения задачи сохранения документов ликвидируемых негосударственных организаций, передачи на хранение в архивы документов ликвидируемых государственных органов приобретают совершенно другое значение. Их утрата может быть рассмотрена не только как утрата исторического наследия, но и как попытка уничтожить доказательную базу, сокрытие улик, уничтожение государственной собственности, если речь идет о результатах интеллектуальной деятельности, созданных за государственный счет.

Такой подход серьезно расширяет границы архивоведения и документоведения.

Заключение

Сейчас у нас есть предпосылки для ликвидации этого разночтения. Федеральное архивное агентство утверждает не только перечни управленческих документов, но и документов, образующихся в научно-технической и производственной деятельности. Поставлен вопрос о включении положений по работе с аудиовизуальными документами в Правила работы архивов организаций. На мой взгляд, следующий логичный шаг – появление такого раздела и в Правилах делопроизводства. Ведь в организациях и государственных органах сегодня массово создаются аудиовизуальные документы. Если они выступают заказчиками научно-технических разработок, то они участвуют и в техническом документообороте, согласуя соответствующие документы, а зачастую и влияя на их содержание через коллегиальные органы (комиссии).

На мой взгляд, задача настоящего – это выработка теории и методики управления всеми документационными потоками в масштабе страны и организации, а также обеспечение их хранения в архивах учреждений, государственных и муниципальных архивах.

В самом общем виде можно говорить об управлении документами от их создания до уничтожения или обеспечения сохранности и использования на стадии постоянного хранения.

С этой точки зрения традиционное разделение документа на объект документоведения и архивоведения представляется чрезмерно искусственным, поскольку от способов и форм создания документа зависят подходы к его хранению и использованию. А теория экспертизы ценности охватывает как «прогностическую» часть в форме разработки перечней документов и формирования на их основе номенклатур дел, так и «ретроспективную» часть – оценку ценности документа экспертно-проверочной комиссией архивного учреждения на основе критериев ценности.

Литература

- Автократов, Банасюкевич, Сокова 1975 – *Автократов В.Н., Банасюкевич В.Д., Сокова А.Н.* Основные направления развития документоведения // Тезисы докладов и сообщений к теоретическому семинару «Теоретические проблемы документоведения» (март 1975) / Главархив СССР, ВНИИДАД. М., 1975. С. 35–56.
- Банасюкевич, Веселов, Мосолов 1973 – *Банасюкевич В.Д., Веселов П.В., Мосолов З.А.* Краткий обзор терминологической работы в области документации // Тезисы сообщений к теоретическому семинару «Терминологические проблемы в области документоведения и архивоведения» (январь 1974). М., 1973. С. 40–49.
- Двоеносова 2017 – *Двоеносова Г.А.* «Общие» и «частные» теории документа // Вестник архивиста. 2017. № 3. С. 133–142.
- Козлов 2021а – *Козлов В.П.* Архивоведение. М.: Юрайт, 2021. 328 с.
- Козлов 2022б – *Козлов В.П.* Архивоведение, археография, источниковедение как научные дисциплины: размышления о прошлом, настоящем, будущем // Отечественные архивы. 2022. № 1. С. 24–37.
- Козлов 2022с – *Козлов В.П.* Источниковедение советской истории: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2022.
- Рудельсон 1973 – *Рудельсон К.И.* К вопросу о межотраслевой терминологии документоведения, архивоведения и смежных с ними дисциплин // Тезисы сообщений к теоретическому семинару «Терминологические проблемы в области документоведения и архивоведения» (январь 1974). М., 1973. С. 5–15.
- Сокова 2009 – *Сокова А.Н.* Документоведение как научная дисциплина: объект, предмет, основные задачи // Документоведение: теория и практика. М., 2009. С. 162–189.

References

- Autocratov, V.N., Banasyukevich, V.D. and Sokova, A.N. (1975), “The main directions of development of the records management”, in *Tezisy dokladov i soobshchenii k teoreticheskomu seminaru «Teoreticheskie problemy dokumentovedeniya» (mart 1975)* [Abstracts of reports and presentations to the theoretical seminar “Theoretical issues in records management”], Glavarkhiv SSSR, VNIIDAD, Moscow, Russia, pp. 35–56.
- Banasyukevich, V.D., Veselov, P.V. and Mosolov, Z.A. (1973), “A brief overview of terminological work in the records management”, in *Tezisy dokladov i soobshchenii k teoreticheskomu seminaru «Teoreticheskie problemy v oblasti dokumentovedeniya i arkhivovedeniya» (yanvar' 1974)* [Abstracts of reports and presentations to the theoretical seminar “Theoretical issues in records management”], Moscow, Russia, pp. 40–49.
- Dvoenosova, G.A. (2017), “‘General’ and ‘specific’ document theories”, *Herald of an Archivist*, no. 3, pp. 133–142.

- Kozlov, V.P. (2021), *Arkhivovedenie* [Archival science], Yurait, Moscow, Russia.
- Kozlov, V.P. (2022), “Archival science, archeography, source studies as scientific disciplines. Reflections on the past, present, and future”, *Otechestvennye arkhivy*, no. 1, pp. 24–37.
- Kozlov, V.P. (2022), *Istochnikovedenie sovetskoj istorii: uchebnik dlya vuzov* [Source studies of Soviet history. Textbook for universities], Yurait, Moscow, Russia.
- Rudelson, K.I. (1973), “On the issue of intersectoral terminology of the records management, archival science and related studies”, in *Tezisy докладов i soobshchenii k teoreticheskomu seminaru «Teoreticheskie problemy v oblasti dokumentovedeniya i arkhivovedeniya» (yanvar’ 1974)* [Abstracts of reports and presentations to the theoretical seminar “Terminological issues in records management and archival science”], Moscow, Russia, pp. 5–15.
- Sokova, A.N. (2009), “The records management as a scientific discipline. Object, subject, main tasks”, in *Dokumentovedenie: teoriya i praktika* [The records management. Theory and practice], Moscow, Russia, pp. 162–189.

Информация об авторе

Павел А. Кюнг, кандидат исторических наук, Всероссийский научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела, Москва, Россия; 117393, Россия, Москва, ул. Профсоюзная, д. 82; pkung@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0001-9088-381X

Information about the author

Pavel A. Kung, Cand. of Sci. (History), All-Russian Scientific and Research Institute for Records and Archives Management, Moscow, Russia; bld. 82, Profsoyuznaya St., Moscow, 117393, Russia; pkung@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0001-9088-381X

Фактор личности
высшего руководителя
в развитии электронного документооборота
и цифровизации государственного управления

Мирболат Х. Жакыпов

*Академия государственного управления
при Президенте Республики Казахстан, г. Нур-Султан,
Республика Казахстан, mzhakypov@gmail.com*

Аннотация. В статье исследуется значение роли первых лиц государств в политике по информатизации государственных органов, формированию инфраструктуры «электронного правительства». Особенное значение это имеет в периоды, когда от выбора лидером курса реформ страны зависит дальнейшее развитие и прорыв или наступление стагнации.

Современная история многих развитых и развивающихся стран подтверждает, что фактор личной позиции главы государства с началом Четвертой промышленной революции имеет первостепенное значение для технологического лидерства. Только несколько молодых государств, добившихся своей независимости в последнее десятилетие XX века, с избранием сильных руководителей-реформаторов вышли в лидеры инновационного развития.

На примерах проявления политической воли первого Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева (1990–2019) в инициации кардинальных реформ государственного управления и ускоренного внедрения в эту сферу передовых технологий и отечественных разработок хронологически показана последовательная реализация масштабных систем: Единой системы электронного документооборота государственных органов и всего комплекса инфраструктуры «электронного правительства». В результате личного внимания главы государства, последовательного и активного управления процессами цифровизации Республика Казахстан за короткое время добилась лидерских позиций в мировом рейтинге «электронного правительства».

Ключевые слова: личность, Республика Казахстан, президент, поручение, электронный документооборот, реформа, электронное правительство, цифровизация

Для цитирования: Жакыпов М.Х. Фактор личности высшего руководителя в развитии электронного документооборота и цифровизации государственного управления // История и архивы. 2022. № 3. С. 117–134. DOI: 10.28995/2658-6541-2022-3-117-134

Factor of the personality of the supreme leader in the development of electronic document flow and digitalization of public administration

Mirbolat H. Zhakypov

*Academy of Public Administration under the President
of the Republic of Kazakhstan, Nur-Sultan city,
Republic of Kazakhstan, mzhakypov@gmail.com*

Abstract. The article studies an importance of the state top officials role in the policy of the informatization of state bodies, the formation of the infrastructure for an “electronic government”. That is especially important in the periods when the leader’s choice of the reforms course in the country depends either on the further development and a breakthrough or on the onset of stagnation.

The contemporary history of many developed and developing countries confirms that the factor of the personal position of the head of state with the beginning of the Fourth Industrial Revolution is of paramount importance for technological leadership. Only a few young states that achieved their independence in the last decade of the 20th century, with the election of strong reform leaders, managed to become the forerunners of innovative development.

The author uses examples of N.A. Nazarbayev, the first President of the Republic of Kazakhstan (1990–2019), political will in initiating the cardinal reforms in public administration and the accelerated introduction of advanced technologies and national developments into that sphere chronologically demonstrating the consistent implementation of the large-scale systems – of the unified electronic document management system of state bodies and the entire “electronic government” infrastructure complex. Resulting from the head of state personal attention, his consistent and active management of the digitalization processes, the Republic of Kazakhstan, in a short time, has achieved the leadership positions in the “electronic government” world ranking.

Keywords: personality, Republic of Kazakhstan, president, assignment, electronic document flow, reform, electronic government, digitalization

For citation: Zhakypov, M.H (2022), “Factor of the personality of the supreme leader in the development of electronic document flow and digitalization of public administration”, *History and Archives*, no. 3, pp. 117–134, DOI: 10.28995/2658-6541-2022-3-117-134

В науке роль личности в истории достаточно исследована как классиками, так и современниками (Г.В.Ф. Гегель, Н. Макиавелли, Т. Карлейль, Г.В. Плеханов, Н.К. Михайловский, С. Хук, Р. Арон, Л.Е. Гринин и др.), хотя эта философско-историческая проблема еще требует дальнейших проработок.

Как известно, цель историографии – закрепить в памяти людей деятельность великих государей, героев и антигероев. Действительно, история человечества подтверждает, что среди факторов, влияющих как на положительные, так и отрицательные процессы в обществах, важную роль может играть личность, лидер.

Российский философ и историк Л.Е. Гринин приводит выражение французского социолога и философа Р. Арона: «Роль личностей и случайностей в исторических событиях является первым и непосредственным элементом» [Гринин 2011, с. 177]. Поэтому особенно в критические периоды именно действия лидеров определяют выбор разных векторов развития. В этом отношении Л.Е. Гринин в своем исследовании о роли личности останавливается на книге американского философа С. Хука «Герой в истории. Исследование ограничений и возможностей» [Гринин 2011, с. 186]. Он отмечает, что по Хуку «в ситуации альтернативности от качеств личности может зависеть и выбор альтернативы» и что автор делит исторических деятелей по степени их влияния на исторические процессы: влияющих на события и их создающих.

Историческая роль личности может существенно зависеть от «фактора ситуации» – целого комплекса причин, разных обстоятельств, особенностей времени и места.

Для исследуемой темы интерес вызывает стадия становления и развития нового государства, которая характерна для всех постсоветских стран. Она связана как с личностями их лидеров, так и с выбором дальнейших путей развития стран. Анализ развития этих стран после 30 лет с момента обретения независимости показывает, что при первоначально относительно равных социально-экономических и технологических уровнях только нескольким молодым государствам удалось, благодаря решительным реформам, добиться успеха по ключевым показателям.

Глобальные изменения геополитического характера и фундаментальные прорывы в развитии науки и техники, произошедшие в последнее десятилетие XX в., требуют от лидеров государств адекватной политики и новаторских личных качеств, в том числе технократического мышления. Однако в эпоху быстрых технологических революций редко кто из публичных личностей, особенно из числа первых государственных руководителей, улавливает эти тенденции и воспринимает их как новые возможности.

Резкий рост информационного вала в мире усложнил все процессы накопления, обработки и управления информацией. Характерно, что впервые компьютеризация как новая возможность была воспринята в бизнес-сфере: в 1954 г. руководителем компании «United States Steel Corporation» было продемонстрировано широкое применение компанией комплексной обработки информации¹.

В процессе совершенствования системы управления в крупных компаниях особое значение придавали поддержке руководства: «Очевидно, поддержка высшего руководства, включая не только президента, но также совет директоров, необходима для коренной реорганизации, чтобы сосредоточить функции по общему административному управлению корпорацией в руках высшего начальника»².

Выдающийся советский ученый-кибернетик, академик В.М. Глушков придавал роли высшего руководителя в проведении реформ первостепенное значение: «В настоящее время существуют и действуют различные системы совершенствования организационного управления. Во всех случаях эффективность таких систем обуславливается так называемым *принципом первого лица* (курсив мой. – М. Ж). Суть его состоит в том, что вся работа по совершенствованию управления в том или ином звене должна проводиться по заданиям и под общим руководством *первого лица*, т. е. главного руководителя соответствующего звена»³.

О важности личной поддержки передовым руководителем при формировании информационной инфраструктуры пишет советский и российский ученый-документовед, доктор исторических наук, профессор М.В. Ларин: «Особенно важно в этой связи отметить роль руководителя. Прогрессивный руководитель может обеспечить интеграцию организации в информационное общество. Он не видит угрозы в дальнейшем развитии информационной техники и в возникновении информационной индустрии ни для своей организации, ни для своей деятельности, а напротив, оценивает их как шанс для роста и совершенствования. Он мыслит и действует, исходя из убеждения, что информация (так же, как персонал и средства производства) является ценным источником, который необходимо культивировать и развивать в соответствии со спецификой организации» [Ларин 1998, с. 137].

¹ Курс для высшего управленческого персонала: Сокращенный пер. с англ. М.: Экономика, 1971. С. 64.

² Там же. С. 49.

³ Глушков В.М. Основы безбумажной информатики: 2-е изд., испр. М.: Наука, 1987. С. 400.

Обращая внимание на особенности внедрения «электронного правительства» в России, Н.А. Храмцовская указывает на возможность и необходимость «использовать сильную центральную власть... Использование не только убеждения, но и принуждения (естественно, в соответствии с действующим законодательством)»⁴.

Краткую, но емкую установку канцлера ФРГ Герхарда Шредера, которую он дал при построении системы «электронного правительства» в 2000 г., приводит М.В. Ларин: «Стратегическая цель программы электронного правительства: “Бегать должны данные, а не люди”» [Ларин 2009, с. 88].

Принцип первого лица при проведении реформ продемонстрировал ряд президентов США. Так, еще в 1993 г. президент Б. Клинтон, начиная административную реформу, впервые в мире ввел в официальные документы высших органов государственной власти термин «электронное управление», то есть «создание правительства, которое работает лучше без бюрократии на результаты» [Удовик 2013, с. 531].

Однако следует иметь в виду, что в переходный период власть, как правило, занята больше социально-политическими проблемами, о чем упоминала Т.А. Быкова: «...следует отметить ряд достаточно серьезных проблем, которые в первую очередь вызваны ослаблением внимания государства к вопросам организации документационного обеспечения управления. Так, с начала 1990-х годов произошло значительное снижение роли государственных органов в сфере управления документационным обеспечением деятельности российских организаций различных форм собственности. И в настоящее время ситуация практически не меняется» [Быкова 2014, с. 40].

Следующий президент США Дж. Буш в 2001 г. также принял свою стратегию модернизации федерального правительства, которая предусматривала дальнейшее развитие «электронного правительства». В 2002 г. им принят закон об «электронном правительстве». В целях дальнейшей реформы государственного управления президентом Дж. Бушем выдвигаются стратегические инициативы по реализации 24-х проектов для внедрения «электронного правительства» [Удовик 2013, с. 533].

Избранный в 2009 г. новый президент США Б. Обама в первые же дни своего правления обнародовал свои решения об «открытом

⁴ *Храмцовская Н.А.* Управление документами как ключевой элемент «электронного правительства в России: состояние, перспективы, международный опыт». Документация в информационном обществе. Электронное правительство: управление документами. Доклады и сообщения на XVI Международной научно-практической конференции 26–27 ноября 2009 г., М., 2010. С. 82.

правительстве», которые расширили возможности «электронного правительства». Упор был сделан на усиление прозрачности государственного управления, на привлечение гражданского общества к процессам принятия решений [Удовик 2013, с. 533].

В Республике Казахстан ускоренному и последовательному развитию процессов информатизации системы государственного управления, с первых лет обретения независимости в декабре 1991 г., в целом послужила политика радикальных реформ первого Президента страны Н.А. Назарбаева⁵.

Понимание важности совершенствования работы аппарата управления и личная позиция главы государства по этой проблематике была выражена в его резолюции к служебной записке, подготовленной в апреле 1993 г., по актуальным вопросам документационного обеспечения государственных органов: «Согласиться. Премьер-министру. Главам местных администраций. Вопрос очень важный. Прошу принять меры по решению указанных проблем. *Работа аппарата, совершенствование делопроизводства должно быть личной заботой глав администраций*» (добавлено собственноручно). Уже в 1992 г. в аппарате Президента была внедрена ведомственная система компьютерного учета документов.

В марте 1997 г. в ходе выполнения поручения Президента о создании системы компьютерной связи с регионами путем объединения локальных вычислительных сетей центральных органов с аппаратами акимов областей Президент поручает премьер-министру: «Это очень важное дело. Надо внимательно рассмотреть и найти решение. *Дать конкретные поручения акимам* (дописано собственноручно. – М. Ж). *Доложите*».

В целях ускоренной модернизации всей страны Президент 10 октября 1997 г. обнародовал Стратегический план развития Рес-

⁵ Биографическая справка (для понимания, как формировались лидерские качества и технологическое мышление): год и место рождения – 1940 г., вблизи столицы республики г. Алматы; комсорг школы, школьный аттестат с отличием, металлург Карметкомбината, в 22 года – первая государственная награда, в 29 лет – руководитель комитета комсомола второго по величине города Караганды, в 33 года – руководитель партийной организации в 30-тысячном коллективе, в 37 лет – второй секретарь Карагандинского обкома партии, в 39 лет – секретарь ЦК КП Казахстана, курирующий промышленность, транспорт и связь; в 43 года – председатель Правительства Казахстана (самый молодой премьер в СССР), в 1989 г. – первый секретарь ЦК Компартии Казахстана, в 1990 г. – избран Президентом Республики. Доктор экономических наук, академик НАН РК, академик международных академий информационных технологий (Россия, Беларусь, Швейцария).

публики Казахстан «Казахстан – 2030»⁶, в котором акцентированно *поставил задачу*: «Правильно определив наши приоритетные цели, выбрав соответствующие стратегии, проявив волю и терпение при движении по этому пути, мы обезопасим себя от зигзагообразных шараханий, непроизводительной растраты энергии, времени и ресурсов. Стоит выделить три основные возможности для Казахстана. ...Третье. Процесс глобализации и научно-технического прогресса, особенно в развитых новых информационных и телекоммуникационных технологиях, представляет уникальные возможности для нашей большой, но малонаселенной страны. Следовательно, крайне важно понимать эти технологии, добиваться их полной интеграции в наше общество, поддерживая научно-технические кадры. Чтобы наша страна достигла тех перспектив, необходимо реализовать следующие семь приоритетов: ...долгосрочный приоритет, 7: профессиональное государство, ограниченное до основных функций». Подобная стратегическая программа была разработана первой среди стран-членов СНГ.

Подтверждением последовательного *внимания* главы государства к современным информационным технологиям и, в частности, проблеме информатизации, является Указ «О формировании единого информационного пространства Республики Казахстан», подписанный им 9 декабря 1997 г. № 3787⁷. В целях его исполнения постановлением правительства от 31 декабря 1998 г. создается правительственная Комиссия по координации процессов информатизации государственных учреждений, заместителем председателя которой назначается автор настоящей статьи.

После передислокации высших государственных органов власти в новую столицу на совещании с участием руководителей и всех сотрудников аппаратов Администрации Президента, Правительства, Сената и Мажилиса Парламента 21 января 1998 г. Президент Республики Н.А. Назарбаев в целях реализации своего Указа от 9 декабря 1997 г. дал конкретное *поручение*: «Создать единую компьютерную сеть документооборота, объединяющую все центральные государственные органы страны». В результате проведенной работы в течение полугода нами, группой специалистов, была раз-

⁶ Назарбаев Н.А. Послание Президента страны народу Казахстана «Казахстан – 2030. Процветание, безопасность и улучшение благосостояния всех казахстанцев». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K970002030_/links (дата обращения 08.05.2022).

⁷ Указ Президента Республики Казахстан от 9 декабря 1997 г. № 3787 «О формировании единого информационного пространства Республики Казахстан». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U970003787> (дата обращения 08.05.2022).

работана локальная СЭДО для Администрации президента, которая 18 июня 1999 г. была принята в эксплуатацию.

Президент потребовал провести тщательную экспертизу предложенной ему в ноябре 1998 г. концептуальной модели Интегрированной автоматизированной информационной системы Республики Казахстан, направив проект лично председателю Агентства по стратегическому планированию.

Глава государства, требуя ускорения работ по информатизации государственных органов, в марте 2000 г. дает *личное поручение президента*⁸: «К. Токаеву (в то время премьер-министр, ныне – Президент Республики Казахстан). В прошлом году мы создавали в правительстве комиссию по информатизации. Идея была У. Жандосова. Дело остановилось. Назначьте его замом к Саудабаеву по комиссии». Во исполнение этого поручения 29 марта 2000 г. было подписано постановление правительства № 454.

Как справедливо отмечала видная российская ученая-документовед Т.В. Кузнецова: «Процесс документирования и движения документов напрямую зависит от принятой системы управления и отражает эту систему. Изменения системы управления, ее рационализация, достигаемые прежде всего регулированием порядка решения вопроса, сразу же должны закрепляться и в регламентации процессов создания документов, фиксирующих результаты решения вопроса и всей цепочки работы с ними. Активное повсеместное внедрение новых технологий, как никогда ранее, требует урегулирования процессов документообразования и работы с документом на каждом этапе. Ключ решения этой проблемы – прежде всего совершенствование работы самого управленческого аппарата» [Кузнецова 2011, с. 257].

В ходе выполнения очередных *поручений* президента правительству от 15 мая и 9 июня 2000 г. о сокращении документопотока в государственных органах, автору поручается подготовить соответствующий Указ президента по этой проблеме. Этот Указ Президента Республики Казахстан «О мерах по улучшению работы государственного аппарата, борьбе с бюрократизмом и сокращению

⁸ Личное поручение Президента Республики Казахстан – особый вид документа (уникальный ноу-хау) на бланке из полутвердой бумаги размером 20x10,5 см, который президент может носить в кармане пиджака или пользоваться за рабочим столом кабинетов в служебной и домашней резиденциях, в любое время заполняемый им лично от руки с проставлением даты, адресата (кому поручено), заполнением текста (по какому вопросу), срока исполнения. Бланк имеет пометку «На контроле президента», место для регистрационного номера, проставляемого Общим отделом Администрации Президента Республики.

документооборота» от 31 июля 2000 г. № 427⁹ предусмотрел задание правительству «ускорить формирование единого информационного пространства, до конца 2000 года приступить к поэтапному созданию Единой системы электронного документооборота государственных органов (ЕСЭДО), отработав ее основные элементы на базе наиболее подготовленных систем Администрации Президента Республики Казахстан, Канцелярии Премьер-Министра Республики Казахстан, отдельных центральных и местных исполнительных органов».

Таким образом, для разработки такой организационно и технологически сложной общегосударственной системы электронного документооборота для всех государственных органов страны было обеспечено *самое важное условие* – официально сформулированная *политическая позиция высшего руководства страны* по внедрению новых технологий в сферу государственного управления.

22 ноября 2000 г. распоряжением руководителя Канцелярии премьер-министра (в то время это уполномоченный орган по вопросам информатизации) – руководителя Комиссии по вопросам информатизации РК была создана Межведомственная рабочая группа по вопросам создания ЕСЭДО, председательство в которой поручается автору настоящей статьи. В Рабочую группу были включены руководители подразделений Администрации президента, Канцелярии премьер-министра, вице-министры транспорта и коммуникации, энергетики, заместитель председателя Комитета национальной безопасности, председатели Агентства по защите государственных секретов, АО «Казахтелеком», ЗАО «Национальные информационные технологии».

Глава государства *лично отслеживал* процессы информатизации и в других странах. К примеру, по статье, опубликованной в российской газете «Известия» от 08.06.2000 г.¹⁰, о проекте автоматизированной системы «Государственный регистр населения» Министерства связи Российской Федерации, Президент Республики сделал свою *пометку*: «Что думает наш Минтранс? 09.06.2000». В ответ Министерство транспорта и коммуникации представило главе государства анализ и оценку состояния информационных систем финансовых органов страны и предложения по созданию единого центра автоматизации финансовых структур,

⁹ Указ Президента Республики Казахстан от 31.07.2000 № 427 «О мерах по улучшению работы государственного аппарата, борьбе с бюрократизмом и сокращению документооборота»: https://adilet.zan.kz/rus/docs/U000000427_/history (дата обращения 08.05.2022).

¹⁰ Латкин А. Хотите быть учтенным: Не спрятаться, не скрыться // Известия. 2000. 08 июня. № 104.

а также по доработке проекта Государственной программы формирования и развития единого информационного пространства Республики Казахстан.

В целях концептуализации и усиления системности начатых работ Указом Президента от 16 марта 2001 г. № 573 была утверждена Государственная программа формирования и развития национальной информационной инфраструктуры Республики Казахстан, которая предусматривала реализацию ЕСЭДО¹¹.

Как справедливо отмечают российские специалисты: «Цифровизация всех сфер жизнедеятельности общества требует внесения изменений в системы управления, нормативного регулирования, кадрового обеспечения и др. Инструментами инновационных преобразований служат такие документы, как стратегии и планы развития, национальные программы и проекты, законы и подзаконные нормативные правовые акты, приказы органов исполнительной власти, профессиональные и образовательные стандарты и т. д. Именно они приводят в действие механизмы реформирования, трансформации и перехода социальной системы из одного состояния в другое к новому уровню организации социального порядка» [Двоеносова 2020, с. 122–123].

Через 7 месяцев, 16 октября 2001 г., глава государства дает очередное *личное поручение* заместителю Премьер-министра, руководителю межведомственной комиссии: «У. Жандосову. Что мы делаем по компьютеризации управления, снижению оборота бумаг в ведомствах? Как выполняется мой Указ?»¹². Правительство 02.11.2001 г. проинформировало¹³ Президента о проводимой работе по выполнению его Указа «О мерах по улучшению работы государственного аппарата, борьбе с бюрократизмом и сокращению документооборота» от 31.07.2000 г. № 427.

Во исполнение другого поручения Президента от 17.11.2003 г. Премьер-министру касательно внедрения в Республике «электронного правительства» Правительством был подготовлен проект концепции «Электронного правительства Республики Казахстан». Распоряжением Премьер-министра от 21.05.2004 г. № 152-р была создана рабочая группа для разработки проекта Государственной

¹¹ Указ Президента Республики Казахстан от 16 марта 2001 г. № 573 «Об утверждении Государственной программы формирования и развития национальной информационной инфраструктуры Республики Казахстан». URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/U010000573> (дата обращения 08.05.2022).

¹² Архив Президента Республики Казахстан. Ф. 5-Н. Оп. 6. Д. 3853. Л. 1.

¹³ Там же. Л. 3–5.

программы формирования инфраструктуры «электронного правительства». Доработанная концепция «электронного правительства» была 08.06.2004 г. одобрена на заседании Правительства. Агентству по информатизации и связи совместно с рабочей группой было поручено в трехмесячный срок внести проект Государственной программы с определением этапности, оценки эффективности и стоимости внедрения инфраструктуры «электронного правительства».

Учитывая важность сохранения документального фонда по новейшей истории современного Казахстана за период независимости, Президент страны в 2003 г. инициировал в новой столице строительство Национального архива, уникальное здание которого было заложено им в новом центре города. Созданный Национальный архив, оснащенный современным электронно-технологическим оборудованием, с 2006 г. стал одним из центров духовного возрождения нации. Здесь уместно привести сделанный известными российскими учеными А.Б. Безбородовым и Т.И. Хорхординой «...исключительно важный вывод: ...создание ЕГАФ предоставляло все возможности для формирования своеобразной национальной идеи, которая могла бы сплотить все культурные слои общества. В России было то, чего не было ни в одной стране мира – историко-софское отношение к архивам как к внутренне целостным, живым организмам, по самой природе воплощающим неразрывную связь Прошлого, Настоящего и Будущего и имманентно присущим жизнедеятельности Личности, Общества и Государства» [Безбородов, Хорхордина 2018, с. 70].

В период мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг., когда по сравнению с 2007 г. документооборот вырос на 43%, глава государства еще раз заострил внимание на проблемах электронного документооборота, дав 27 октября 2008 г. свое *личное поручение*: «Премьер-министру, руководителю Администрации президента (сбор), начальнику Канцелярии президента. У нас огромный бумажный поток. Пустые бумажки гоняем сверху вниз и наоборот. Примите совместные меры по решительному сокращению этого потока. Доложить через 15 дней»¹⁴. В докладе Президенту были отмечены принятые меры по кардинальному сокращению бумажного документооборота и перевода его в электронный формат, а также оптимизации внутригосударственного обмена информацией. В результате внедрения Единой системы электронного документооборота в большинстве государственных органов (август 2006 г.) значительно возрос объем переписки в электронном формате (85–92 % всех документов). В среднем 80 % сотрудников еже-

¹⁴ Ведомственный архив Администрации Президента Республики Казахстан. Д. 01–25. Л. 17.

дневно работали в ЕСЭДО. При этом внимание Президента было обращено на то, что пока не решена проблема долговременного хранения цифровой информации, часть важнейших документов, которые поступают к нему (законы, указы, документы об исполнении государственных программ и др.), приходится составлять и на бумажных носителях.

В дополнительном отчете от 16.02.2010 г. об исполнении указанного *личного поручения* президент был проинформирован о принятии закона «О внесении изменений и дополнении в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам документационного обеспечения»¹⁵, утверждении Перечня типовых документов, образующихся в деятельности организации в электронном формате, Правил электронного документооборота, о подключении к ЕСЭДО акиматов всех областей. В результате общий объем электронного документооборота центральных и местных государственных органов в 2009 г. по сравнению с 2008 г. вырос на 34 %. В целях дальнейшего стимулирования развития электронного документооборота показатели его состояния включили в число критериев оценки эффективности деятельности государственных органов.

В связи с этим о фактическом переходе на другой уровень деятельности государственных органов отмечает и Н.А. Храмцовская: «В настоящее время можно наблюдать, что электронная революция в отдельных местах начинает переходить на следующую стадию – стадию переконструирования деловых процессов и методов работы, для которой характерны следующие особенности: ...вместо автоматизации деловых процессов бумажной эпохи основной акцент делается на формировании новых, построенных по совершенно иным принципам деловых процессов, в которых люди принимают значительно меньшее участие и занимаются принятием нестандартных высокоуровневых решений, в то время как рутинные операции выполняются автоматами» [Храмцовская 2015, с. 76].

На первом заседании Совета предпринимателей при президенте 26.02.2010 г. глава государства дал *поручение* своей Администрации об обеспечении возможности прямых электронных обращений представителей бизнеса на специальный сайт Президента о фактах неправомερных действий контролирующих и правоохранительных органов. В целях выполнения этой задачи на официальном сайте главы государства был разработан специальный раздел «Прези-

¹⁵ Закон Республики Казахстан от 4 июня 2009 г. № 162-IV «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты по вопросам документационного обеспечения». URL: http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z090000162_#z3 (дата обращения 08.05.2022).

дентская защита бизнеса», на который с марта 2010 г. и до конца года поступили 2 тысячи обращений, рассмотрение которых контролировалось в особом порядке. За время работы этого раздела сайта положение с защитой прав предпринимателей кардинально улучшилось.

В данном случае подтверждается определение М.В. Ларина, что «...важным источником информации для различных видов деятельности служат веб-документы – документы, для использования которых необходимы сетевые компьютерные технологии (сети внутреннего и общего пользования: интранет, экстранет, интернет). Например, органы государственной власти и местного самоуправления активно используют сеть Интернет для размещения официальной информации (нормативных документов, новостей, актуальной справочной информации и др.). Внедрение сетевых технологий в государственное и муниципальное управление позволяет увеличить эффективность взаимодействия органов власти и населения, повысить оперативность и качество обслуживания населения в государственных и муниципальных учреждениях» [Ларин 2015, с. 57].

В другом *личном поручении* президент 11.08.2010 г. проявил озабоченность функционированием «электронного правительства» и финансовой отдачей: «Заместителю премьер-министра доложить о передаче в государственную собственность программного продукта «электронного правительства», председателю Агентства по борьбе с экономической и коррупционной преступностью (финансовой полиции) – в месячный срок проверить, как тратятся выделенные для этого огромные средства». На *критику* главы государства на расширенном заседании правительства 27.01.2012 г. о шестикратном росте отчетной информации в числе мер были предложены дальнейшая автоматизация процессов формирования и представления отчетности, доработка сервисов Интранет-портала государственных органов (ИПГО), которые позволят максимально аккумулировать отчетность государственных органов, осуществлять согласование проектов, вести коллективную работу над документами, их обсуждение и проводить голосование. Было решено дополнить ИПГО Единой информационной системой «Контроль», что позволило автоматизировать полный цикл подготовки проектов программных и стратегических документов, планов, протоколов, поручений, их исполнение, отчетность и контроль. При этом были исключены дублирование поручений и отчетности, а также рутинные технические работы на всех уровнях. Государственным органам до конца года следовало перейти на полный электронный документооборот в ЕСЭДО без дублирования на бумажных носителях, сделав исключение только для документов с постоянными сроками архивного хранения, а Министерству культуры утвердить новый

перечень таких документов. Правительство обязывалось обеспечить подключение к ЕСЭДО всех территориальных и местных исполнительных органов¹⁶.

Президент Республики Казахстан, *учитывая*, что в мире началась очередная, уже четвертая промышленная революция, в своем послании народу Казахстана «Третья модернизация Казахстана: глобальная конкурентоспособность» от 31.01.2017 г.¹⁷ указал на повсеместную цифровизацию экономик мира, которая приведет к исчезновению целых отраслей и созданию принципиально новых, и *поставил задачу*: «Первый приоритет – это ускоренная технологическая модернизация экономики. Мы должны культивировать новые индустрии, которые создаются с применением цифровых технологий. Это важная комплексная задача. В связи с этим *поручаю* Правительству разработать и принять отдельную программу «Цифровой Казахстан»¹⁸. Следует адаптировать наше законодательство под новые реалии. Также важно обеспечить развитие коммуникаций, повсеместный доступ к оптоволоконной инфраструктуре. Развитие цифровой индустрии обеспечит импульс всем другим отраслям. Поэтому вопрос развития IT-сферы Правительство должно держать на особом контроле. *Поручаю* Правительству создать на базе одного из объектов «АСТАНА ЭКСПО-2017» международный технопарк IT-стартапов. Он должен стать платформой для привлечения предпринимателей и инвесторов со всего мира. Для этого необходима соответствующая инфраструктура и благоприятные условия, включая налоговые льготы, упрощенные визовый и трудовой режимы. Мы также должны развивать свой научный и инновационный потенциал на базе вузов, Назарбаев Университета и Парка информационных технологий «Алатау».

По записке о развитии цифровой экономики в Казахстане, подготовленной 14.06.2017 г. по *поручению* Президента экспертом-мастером по электронному управлению Швейцарского федерального института технологий (через два месяца он был назначен замести-

¹⁶ Ведомственный архив Администрации Президента Республики Казахстан. 2011. Д. 61-4. Л. 24.

¹⁷ Послание Президента Республики Казахстан народу Казахстана от 31.01.2017 г. «Третья модернизация Казахстана: глобальная конкурентоспособность». URL; https://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-prezidenta-respubliki-kazahstan-nnazarbaeva-narodu-kazahstana-31-yanvara-2017-g (дата обращения 08.05.2022).

¹⁸ Постановление Правительства Республики Казахстан от 12 декабря 2017 г. № 827 «Об утверждении Государственной программы «Цифровой Казахстан»». <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1700000827> (дата обращения 08.05.2022).

телем Премьер-министра, ответственным за цифровизацию), глава государства дал *поручение* Премьер-министру «подготовить прорывную политику цифровизации, организовав слаженную работу группы министерств и ведомств, реализующих функции в сфере ИТ, инноваций и цифровизации в рамках единого штаба внедрения». В правительстве было определено уполномоченное лицо (Chief digital officer – CDO) с соответствующим органом управления и полномочиями по координации деятельности министерств и ведомств в части реализации мероприятий по цифровизации. В каждом государственном органе центрального и областного уровня были назначены «цифровые» заместители руководителей – CDO. Была реализована матричная структура управления, предусматривающая их подотчетность CDO правительства.

В результате *личного* внимания и *активной заинтересованности* главы государства состоялся исторический прорыв: за короткий период с 2008 по 2014 г. «электронное правительство» Казахстана поднялось на 53 позиции: с 81-го на 28-е место в рейтинге ООН по уровню развития «электронного правительства», опередив многие страны СНГ и Восточной Европы.

По итогам очередного выпуска глобального рейтинга ООН по развитию «электронного правительства» (EGDI) в 2020 г. Казахстан продемонстрировал лучший результат среди стран СНГ, заняв 29-ю строчку рейтинга (Россия – 36, Белоруссия – 40, Армения – 68, Украина – 69, Молдова – 79, Узбекистан – 87).

По индексу «Открытых данных правительства» (на 11.08.2020 г.) среди стран Азии Республика Казахстан заняла 1-е место, по индексу онлайн-услуг – 3-е место, и 11-е место – в общемировом рейтинге. Примечательно, что Казахстан опередил в этом рейтинге такие страны как Люксембург, Израиль, Бахрейн, Бельгия, Китай, Италия, Малайзия, Португалия и Румыния¹⁹.

Таким образом, фактор личности высшего руководителя страны в настоящее время определяет лидерство в главных процессах в развитии электронного документооборота и цифровизации государственного управления и экономики.

Проницательность и понимание главой государства перспективы исторических процессов, сути происходящих и будущих глобальных трендов в технологиях, скрытых рисков и, главное, возможностей, которые они открывают для роста экономики, улучшения социального благосостояния, большей прозрачности и эффективности правительства, а также его политическая воля,

¹⁹ Исследование ООН: электронное правительство 2020. Организация Объединенных Наций, Нью-Йорк, 2020. URL: [https://www.2020UN E-Government Survey. \(EGDI\) \(дата обращения 08.05.2022\).](https://www.2020UN E-Government Survey. (EGDI) (дата обращения 08.05.2022).)

последовательная настойчивость в продвижении своих инициатив играют решающую роль в формировании в целом конкурентоспособной нации.

Литература

- Безбородов, Хорхордина 2018 – *Безбородов А.Б., Хорхордина Т.И.* Архивы и власть: государственная архивная служба в формировании исторического сознания и российской социокультурной идентичности // Новый исторический вестник. 2018. № 3. С. 59–78.
- Быкова 2014 – *Быкова Т.А.* О некоторых проблемах сферы управления документами в Российской Федерации // Вестник РГГУ. Серия «Документалистика. Документоведение. Архивоведение». 2014. № 2(124). С. 40–45.
- Гринин 2011 – *Гринин Л.Е.* Лекция: Роль личности в истории: история и теория вопроса // Философия и общество. 2011. № 4(64). С. 175–193.
- Двоеносова 2020 – *Двоеносова Г.А.* Цифровой документ: старая сущность в новом явлении // История и архивы. 2020. № 1. С. 120–127.
- Кузнецова 2011 – *Кузнецова Т.В.* Роль административных регламентов в совершенствовании ДОО федеральных органов исполнительной власти // Вестник РГГУ. Серия «Документоведение и архивоведение. Информатика. Защита информации и информационная безопасность». 2011. № 18(80). С. 257–270.
- Ларин 1998 – *Ларин М.В.* Управление документацией и новые информационные технологии. М.: Научная книга, 1998. 137 с.
- Ларин 2009 – *Ларин М.В.* Зарубежный опыт управления документами в рамках «электронного правительства» (на примере ФРГ) // Документация в информационном обществе. Электронное правительство: управление документами: Доклады и сообщения на XVI Международной научно-практической конференции 26–27 ноября 2009 г. М.: РГГУ, 2010. 88 с.
- Ларин 2015 – *Ларин М.В.* Электронные документы: вопросы теории и практики // Вестник РГГУ. Серия «Документоведение и архивоведение. Информатика. Защита информации и информационная безопасность». 2015. № 2(145). С. 50–57.
- Удовик 2013 – *Удовик В.Н.* Институт президентства в системе электронного управления // Документация в информационном обществе: эффективное управление электронными документами: Доклады и сообщения на XX Международной научно-практической конференции 20–21 ноября 2013 г. М.: РГГУ, 2014. 531 с.
- Храмцовская 2015 – *Храмцовская Н.А.* Тенденции вытеснения традиционных документов базами данных: нормативное регулирование и практика // Вестник РГГУ. Серия «Документоведение и архивоведение. Информатика. Защита информации и информационная безопасность». 2015. № 2. С. 70–76.

References

- Bezborodov, A.B. and Khorkhordina, T.I. (2018), "Archives and power The State Archival Service in the formation of historical consciousness and Russian social and cultural identity, *New Historical Journal*, no. 3, pp. 59–78.
- Bykova, T.A. (2014), "About some issues of documents management in the Russian Federation", *RSUH/RGGU bulletin. "Records management. Archives administration" Series*, vol. 14, no. 2, pp. 40–50.
- Dvoenosova, G.A. (2020), "Digital document. An old entity in a new phenomenon", *History and archives*, no. 1, pp. 120–127.
- Grinin, L.E. (2011), "Lecture. The role of personality in history. History and theory of the Issue", *Philosophy and Society*, vol. 64, no. 4, pp. 175–193.
- Kuznetsova, T.V. (2011), "The role of administrative regulations in the document management improving of federal executive bodies", *RSUH/RGGU bulletin. "Records Management and Archival Studies. Computer Science. Data Protection and Information Security" Series*, vol. 80, no. 18, pp. 257–270.
- Larin, M.V. (1998), *Upravlenie dokumentatsiei i novye informatsionnye tekhnologii* [Documentation management and new information technologies], Scientific Book, Moscow, Russia.
- Larin, M.V. (2009), "Foreign experience of document management in the framework of 'electronic government' (on the example of Germany)", in *Dokumentatsiya v informatsionnom obshchestve. Elektronnoe pravitel'stvo: upravlenie dokumentami. Doklady i soobshcheniya na XVI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii 26–27 noyabrya 2009 g.* [Documentation in the information society. E-government. Document management. Reports and presentations at the 16th International Scientific and Practical Conference on November 26–27, 2009], RGGU, Moscow, Russia.
- Larin, M.V. (2015), "Electronic documents. Theoretical and practical issues", *RSUH/RGGU bulletin. "Records Management and Archival Studies. Computer Science. Data Protection and Information Security" Series*, vol. 145, no. 2, pp. 50–57.
- Udovik, V.N. (2013), "Institute of Presidency in the electronic governance system", in *Dokumentatsiya v informatsionnom obshchestve: effektivnoe upravlenie elektronnyimi dokumentami. Doklady i soobshcheniya na XX Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii 20–21 noyabrya 2013 g.* [Documentation in the information society. Effective management of electronic documents, Reports and presentations at the 20th International Scientific and Practical Conference on November 20–21, 2013], Moscow, Russia.
- Khramtsovskaya, N.A. (2015), "Trends in the displacement of traditional documents through databases. Normative regulation and practice", *RSUH/RGGU bulletin. "Records Management and Archival Studies. Computer Science. Data Protection and Information Security" Series*, no. 2, pp. 70–76.

Информация об авторе

Мирболат Х. Жакытов, Академия государственного управления при Президенте Республики Казахстан, г. Нур-Султан, Республика Казахстан; Республика Казахстан, г. Нур-Султан, пр. Абая, д. 33а;

Национальный архив Республики Казахстан, г. Нур-Султан, Республика Казахстан; Республика Казахстан, г. Нур-Султан, бульвар Нуржол, д. 12;

Архив Президента Республики Казахстан, г. Алматы, Республика Казахстан; пр. Достык, д. 87б; mzhakypov@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-8707-0938

Information about the author

Mirbolat H. Zhakypov, Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan, Nur-Sultan, Kazakhstan; bld. 33a, Abay Av., Nur-Sultan, Kazakhstan;

National Archives of the Republic of Kazakhstan, Nur-Sultan, Kazakhstan; bld. 12, Nurzhol Blvd, Nur-Sultan, Kazakhstan;

Archives of the President of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Kazakhstan; bld. 87b, Dostyk Av., Almaty, Kazakhstan; mzhakypov@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-8707-0938

В фондах отечественных и зарубежных архивов

УДК 930.253

DOI: 10.28995/2658-6541-2022-3-135-142

Стэнли Вашбурн,
американский корреспондент
британской газеты «Таймс»,
о необходимости оказания
союзнической помощи России
(по материалам архива британской газеты «Таймс»¹)

Наталья В. Банникова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, nganzhara@gmail.com*

Аннотация. В статье анализируется документ, отправленный американским журналистом Стэнли Вашбурном, военным корреспондентом британской газеты «Таймс», во время Первой мировой войны редактору «Таймс» Г.В. Стиду. Документ, находящийся на хранении в архиве газеты «Таймс» в Лондоне, является проектом статьи для американского издания «Журнал Красного Креста». Корреспондент «Таймс» информирует американское общество о вкладе России в войну, в частности о том, какие потери она понесла на фронте и какие трудности испытывает страна в тылу, оценивает экономический потенциал России в 1914 г. Корреспондент пишет о сокращении возможностей поддерживать экономическую и промышленную жизнь России в нормальном состоянии в ходе продолжения войны. Анализируются проблемы, связанные с железнодорожными перевозками и транспортировкой раненых. Говорится о необходимости оказания союзнической помощи России с целью не допустить ее выхода из войны. В частности, предлагается помочь Временному правительству в решении продовольственной проблемы в крупных городах, организовав для этой цели склады с продовольствием, и позаботиться об обеспечении мукомольных мощностей. В документе уделяется внимание эффективной работе по оказанию помощи раненым и выдвигаются рекомендации по улучшению работы Красного Креста на фронте и в тылу.

© Банникова Н.В., 2022

¹ Полное название – The Times Newspapers Ltd Archive, News UK and Ireland Ltd., London (TNL).

Ключевые слова: Первая мировая война, корреспондент газеты «Таймс», Стэнли Вашбурн, фронт, союзническая помощь, реорганизации в российской армии, долг перед Россией

Для цитирования: Банникова Н.В. Стэнли Вашбурн, американский корреспондент британской газеты «Таймс» о необходимости оказания союзнической помощи России (по материалам архива британской газеты «Таймс») // История и архивы. 2022. № 3. С. 135–142. DOI: 10.28995/2658-6541-2022-3-135-142

Stanley Washburn,
American correspondent
of the British newspaper “The Times”
about the need for allied assistance to Russia
(based on the materials of “The Times” archive)

Natalia V. Bannikova

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia; nganzhara@gmail.com*

Abstract. The article analyzes a document sent by the American journalist Stanley Washburn, a war correspondent of the British newspaper *The Times* during the First World War to the editor of *The Times* H.W. Steed. The document, which is stored in the Archive of the Times newspaper in London, is a draft article for the American edition of *The Red Cross Magazine*. Correspondent of *The Times* informs the American society about Russia's contribution to the war, in particular, about the losses Russia suffered at the front and the difficulties the country was experiencing inside the country. The correspondent estimated economic potential of Russia in 1914 and talked about the reduction of the opportunities to maintain Russia's economic and industrial life in a normal state during the war. The journalist analyzed the issues associated with railways and transportation of the wounded and underlined the necessity to provide allied assistance to Russia in order to prevent its withdrawal from the war. In particular, Washburn proposed to help the Provisional Government in solving the food problem in big cities by organizing food warehouses for that purpose and taking care of the supply of flour-milling facilities. The author of the document pays attention to the effective work of helping the wounded and makes recommendations for improving the work of the Red Cross at the front and inside the country.

Keywords: World War I, correspondent of *The Times*, Stanley Washburn, front, allied aid, reorganizations in the Russian army, debt to Russia

For citation: Bannikova, N.V. (2022), “Stanley Washburn, American correspondent of the British newspaper ‘The Times’ about the need for allied assistance to Russia (based on the materials of ‘The Times’ archive)”, *History and Archives*, no. 3, pp. 135–142, DOI: 10.28995/2658-6541-2022-3-135-142

Стэнли Вашбурн, американский журналист, работал военным корреспондентом британской газеты «Таймс» на фронтах Первой мировой войны со стороны российских войск по приглашению владельца британских газет «Таймс» и «Дейли Мейл» Альфреда Хармсворта (лорда Нортклиффа) с 1914 по 1917 г. Вашбурн имел опыт работы военным корреспондентом во время русско-японской войны на стороне японских войск, представляя американскую газету «Чикаго Дейли Ньюз» [Третьякова 2019, с. 71]. Он писал в нервном и энергичном стиле, характерном для американской прессы того периода в лучшем ее проявлении. Статьи Вашбурна в «Таймс», так же, как и в ряде американских газет, публиковались под его именем.

В начале XX в. Россия и Великобритания заключили соглашение 1907 г. и стали союзниками в Первой мировой войне. Главной задачей британских подданных, работавших в России в то время, в том числе корреспондентов «Таймс», было не допустить выхода России из войны. Собственный корреспондент газеты в Санкт-Петербурге в 1876–1901 гг. Дж. Добсон сотрудничал в качестве переводчика в Чрезвычайной следственной комиссии по расследованию нарушений законов и обычаев войны австро-венгерскими и германскими войсками [Банникова 2016, с. 35]. Корреспонденты «Таймс» Р. Вильтон и С. Вашбурн, кроме своей прямой рабочей обязанности отправлять статьи в газету, информировали руководство обо всем, что могло повлиять на позицию России в роли союзника. Петроградский корреспондент Р. Вильтон большую часть времени тратил на «выуживание новостей в мутных водах царской демократии» [Банникова 2020, с. 135], а С. Вашбурн пользовался особым доверием на фронте, и первым получил право посещать район военных действий самостоятельно [Третьякова 2018, с. 363].

Документ под названием «Долг союзников перед Россией»² отправлен Вашбурном редактору британской газеты «Таймс» Г.В. Стиду с пометкой «Не публиковать до 10 ноября 1917 г.». Это был проект статьи, которую планировалось напечатать в американском издании «Журнал Красного Креста» (The Red Cross Magazine). Вашбурн не мог нарушить договоренность, и по этой причине просил Стида не публиковать никакую информацию из

² TNL/TT/ED/HWS/Stanley Washburn file/27/09/1917.

этого документа, пока статья не выйдет в печать. Статья была опубликована в декабре 1917 г. под названием «Час нужды России»³.

Вашбурн пишет о недостаточной информированности мирового сообщества о потерях России в Первой мировой войне. В отличие от стран, таких как Бельгия, Сербия и Франция, получивших «адекватное толкование для всего мира», о России, чьи жертвы и страдания, возможно, превзошли все остальные, вместе взятые, имелись лишь «скудные знания и случайный интерес». Корреспондент отмечает тот факт, что страна была отрезана от легких коммуникаций, изолирована от остальных своих союзников и «страдала с присущим славянам терпением и тупой покорностью судьбе»⁴.

Вашбурн пишет, что многие страны понесли убытки, но ни одна страна не ощущала так широко и глубоко бремя войны. Для понимания этого корреспондент напоминал о необходимости осознания, что Россия призвала к своим знаменам почти четырнадцать миллионов человек, а ее потери, включая пленных и ставших неэффективными в результате военных операций, составляют почти семь миллионов. По подсчетам американского корреспондента английской «Таймс», от пятидесяти до шестидесяти миллионов человек, «непосредственно или через тех, кто им близок и дорог, ощутили в своей повседневной жизни железную хватку войны».

Далее корреспондент оценивает экономический потенциал России в 1914 г. Рассматривая железные дороги, автор пишет о слабом соответствии в мирное время российских железных дорог, системы коммуникаций и их развития экономическим требованиям страны, предъявляемым к ним. С наступлением войны большая часть имевшихся в стране путей сообщения была сразу же отведена для передвижения войск и боеприпасов. По мере того как шла война, немцы, приобретая и перерезая железнодорожные пути, все больше уменьшали возможность поддерживать экономическую и промышленную жизнь России в нормальном состоянии.

Вашбурн отдает должное «умной и вполне эффективной системе обращения с ранеными», но отмечает медленную организацию перевозок и неудовлетворительное состояние транспортных средств, которые, в основном, отдавались на военные нужды. «Прошли месяцы, – пишет журналист, – прежде чем армия смогла приспособиться к новым условиям». Не ставя перед собой задачу проследить развитие русской помощи на фронте, автор противопоставляет условия первых месяцев войны условиям осени 1917 г. на

³ Russia's hour of need by major Stanley Washburn // The Red Cross Magazine. Vol. 12, no. 11. Dec. 1917.

⁴ TNL/TT/ED/HWS/Stanley Washburn file/27/09/1917.

русском фронте для понимания того, что «Россия, дай ей время, так или иначе, приспосабливается к обстоятельствам».

Вашбурн описывает свои личные наблюдения в Лемберге (Львове) осенью 1914 г. и на фронте в Вольни и Галиции во время наступления генерала А.А. Брусилова летом 1916 г., отмечая усовершенствование системы помощи армии и Красного Креста в течение двух лет настолько, «что с того момента, как человек был ранен, до того, как он добрался до своего дома, умер или вернулся на линию огня, он никогда не оставался без внимания».

Вашбурн также отдает должное усовершенствованию системы организации сохранения и повторного использования пустых шрапнельных гильз, представлявших материальную ценность для нации. Автор сравнивает ситуации в начале войны, когда «вокруг каждой старой артиллерийской позиции можно было видеть горы пустых медных гильз», и через три года: «теперь в момент выстрела медный корпус извлекается, аккуратно помещается в кессон и отвозится в тыл для перезарядки. Российская система теперь настолько усовершенствована, что эта забота фактически отдается солдатам».

В связи с реорганизациями в российской армии Вашбурн считал, что иностранная помощь и работа Красного Креста бесполезны на российском фронте. Приводятся следующие причины: во-первых, по наблюдениям Вашбурна, славяне предпочитают, чтобы о них заботились мужчины и женщины их собственной расы и языка:

«Дело языка и понимания тонкого русского характера является самым большим препятствием для полезной работы иностранцев на фронте, где тяжело раненный или умирающий человек жаждет своей крови и языка, которому он может доверить свои последние послания»⁵.

Во-вторых, автомобили скорой помощи, по мнению Вашбурна, могли бы быть очень полезны России в тех редких секторах, где дороги хорошие, но в нынешних условиях заторов на железных дорогах вполне вероятно, что вагон, необходимый для перевозки одного мотора, может быть использован с большей выгодой для перевозки либо материалов для оказания помощи, либо боеприпасов.

Общая проблема оказания помощи в России, по мнению корреспондента, подпадает под пять категорий. Первой является оказание помощи в армии, которая, как считал корреспондент, рассматривалась как «взятая в аренду для иностранных операций Красного Креста». В четыре другие категории, где деньги и усилия могли принести отдачу в России, Вашбурн выделил интернированных граждан, вражеских пленных, беженцев и обездоленных из боль-

⁵ TNL/TT/ED/HWS/Stanley Washburn file/27/09/1917.

ших городов. По подсчетам Вашбурна, по самой скромной оценке, в эти четыре категории входило двадцать миллионов человек. Корреспондент понимал, что справиться с проблемой в полном объеме невозможно и был уверен, что зимой в любом случае погибнут тысячи людей.

При планировании кампании по оказанию помощи России корреспонденту представлялось разумным избрать тот курс действий, при котором наибольшее число людей может быть спасено быстрее всего, а результат в наибольшей степени повлияет и принесет пользу политической ситуации в России. По его мнению, основные усилия по спасению населения необходимо направить на облегчение положения обездоленных в крупных российских центрах, что принесло бы наибольшую пользу как с точки зрения помощи, так и с точки зрения содействия Временному правительству России в наведении порядка. Страдания беженцев, пленных и интернированных, по мнению Вашбурна, «столь же жизненно важны для человека», но их спасение оказало бы «лишь незначительное» влияние на будущее России. Чтобы решить проблемы, с которыми сталкивается правительство во главе с Керенским, пока еще «удаётся удерживать Славянский императент ниже точки кипения», Вашбурн предлагал в первую очередь решать проблему обеспечения населения продуктами и товарами, необходимыми для жизни, чтобы «голодающие люди не могли собираться на улицах, требуя еды и выстраиваясь в бесконечные очереди перед хлебными и другими магазинами». Корреспондент считал, что Красный Крест Америки и другие иностранные организации по оказанию помощи могли выполнить полезный и патриотический долг, организовав эффективную систему, которая предотвратит образование таких очередей.

Из-за сложной ситуации в России Вашбурн предсказывал падение эффективности организации железнодорожных перевозок в стране летом 1917 г., и, как следствие, неизбежные лишения для населения.

Журналист предлагал организовать склады с продовольствием и продавать его по умеренным ценам тем гражданам, которые располагали достаточными средствами. Значительная часть продовольствия, необходимого для этой цели, по мнению корреспондента, могла быть получена в самой России, при организации разумного сотрудничества с правительственными железнодорожными средствами для ее перемещения. Доставку недостающего продовольствия предполагалось обеспечить из Сибири, Маньчжурии, Китая и Японии. Какое-то количество продуктов, но не более десяти процентов от общего, Вашбурн считал необходимым отправить из Америки. На случай отсутствия американских судов для этой цели можно было зафрахтовать японские.

Корреспондент призывал всех заинтересованных в помощи проявить дальновидность и позаботиться об обеспечении мукомольных мощностей, чтобы не оказаться в ситуации, когда будут иметься миллионы тонн доступной пшеницы и недостаточное количество мельниц, чтобы перемолоть необходимую муку.

Вашбурн считал, что Америка и союзники могут помочь Временному правительству «спасти Россию», устранив, насколько это возможно, опасную проблему «заполнения улиц зимой голодающими мужчинами, женщинами и детьми». Корреспондент призывал союзников не игнорировать угрозу продовольствия и топлива грядущей зимой и «приложить все человеческие усилия, чтобы облегчить ее». В противном случае долг перед восточным союзником не был бы выполнен в полной мере.

Заканчивая статью, Вашбурн отметил, что на карту ставилась судьба России в этой войне. Он просил американских читателей не забывать, что при выходе России, погруженной во внутренние невзгоды, из войны, американские войска во Франции должны будут заплатить за это свою цену.

Вашбурн был убежден, что при условии оказания помощи России зимой, весной ее армии должны были вернуться к прежней боеспособности, и можно было надеяться на окончание войны к 1 января 1919 г. В случае же «неудач России», никакого военного решения не могло предвидеться по крайней мере в течение двух лет или до тех пор, пока Америка не смогла бы продемонстрировать свое превосходство в «человеческом материале». Спасение России было не столько вопросом «облегчения страданий союзника», сколько «сохранением сотен и тысяч американских жизней и миллиардов долларов американского богатства».

Журналист также не оставил без внимания проблемы в румынской армии, где раны перевязывались опилками из-за отсутствия другого перевязочного материала, и призывал союзников обратить внимание на серьезные проблемы в Румынии. Острая нехватка жизненно важных вещей, в том числе хирургических принадлежностей, вызывала особое беспокойство корреспондента. Вашбурн призывал союзников оказать должную поддержку стране, поскольку она являлась «матрицей русского левого фланга». По мнению Вашбурна, бездействия союзников могли помочь врагу склонить Россию к «независимому миру».

Литература

Банникова 2016 – Банникова Н.В. Корреспондент Джордж Добсон (1854–1938 г.): жизнь и работа в России // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2016. № 1(10). С. 28–38.

- Банникова 2020 – Банникова Н.В. Документы архива британской газеты «Таймс» о деятельности журналиста Стэнли Вашбурна в расположении российских войск в Первую мировую войну // История и архивы. 2020. № 3. С. 133–142.
- Третьякова 2018 – Третьякова С.Н. День за днем: британские корреспонденты на русском фронте Первой мировой войны // Британия: история, культура, образование: Сборник статей по материалам международной научной конференции / Отв. ред. А.Б. Соколов. М.: Изд-во ЯГПУ, 2018. С. 360–368.
- Третьякова 2019 – Третьякова С.Н. Американский корреспондент Стэнли Уошберн на русском фронте // Военно-исторический журнал. 2019. № 10. С. 71–76.

References

- Bannikova, N.V. (2016), “Correspondent George Dobson (1854–1938). Life and work in Russia”, RSUH/RGGU bulletin. “History. Philology. Cultural studies. Oriental studies” Series, vol. 10, no. 1 pp. 28–38.
- Bannikova, N.V. (2020), “Documents from ‘The Times’ newspapers Ltd Archive about the activities of journalist Stanley Washburn in the location of Russian troops in the First World War”, *History and Archives*, no. 3, pp. 133–141.
- Tretyakova, S.N. (2018), “Day by day. British correspondents at the Russian front of the First World War”, in Sokolov, A.B. (ed.), *Britain. History, culture, education. Collection of articles based on the proceedings of the International Scientific Conference*, Izdatel'stvo Yaroslavskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, Yaroslavl, Russia, pp. 360–368.
- Tretyakova, S.N. (2019), “American correspondent Stanley Washburn at the Russian front, *Military Historical Journal*, no. 10, pp. 71–76.

Информация об авторе

Наталья В. Банникова, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; nganzhara@gmail.com

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2647-1711>

Information about the author

Natalia V. Bannikova, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miuskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; nganzhara@gmail.com

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2647-1711>

Фонд Комитета Севера
при Восточно-Сибирском крайисполкоме
как источник по истории здравоохранения

Владимир А. Шаламов

*Иркутский государственный университет,
г. Иркутск, Россия, Wladimir13x@ya.ru*

Светлана А. Шаламова

*Государственный архив Иркутской области,
г. Иркутск, Россия, Svetlana15x@ya.ru*

Аннотация. Комитет содействия народностям северных окраин (Комитет Севера) при ВЦИК РСФСР был организован в 1924 г. и до 1935 г. осуществлял помощь автохтонному населению северных территорий в становлении и развитии хозяйства, политического и административного управления, образования, здравоохранения и т. д. На территориях компактного проживания коренного малочисленного населения Севера образовывались отделения при местных исполкомах. В статье дается характеристика фонда Комитета Севера при Восточно-Сибирском крайисполкоме первой половины 1930-х гг., который состоит на хранении в Государственном архиве Иркутской области. При изучении истории здравоохранения Восточной Сибири в 1930-е гг. возникает проблема дефицита информации по организации медицинского обслуживания автохтонного населения. Фонды отделов здравоохранения при краевом исполкоме отражают только часть сведений, фрагментарно вкрапленных в общий массив документооборота. Материалы Комитета Севера позволяют полноценно исследовать состояние медицинской работы среди северных народностей. В совокупности они представляют собой ценнейший источник информации обо всех сторонах жизни Севера, в том числе и о системе здравоохранения. Материалы фонда охватывают пространство северных районов Красноярского края, Иркутской области, республики Бурятия и Забайкальского края.

Ключевые слова: Комитет Севера, Российское общество Красного Креста, источниковедение, архивоведение, история здравоохранения, история медицины, автохтонное население Сибири

Для цитирования: Шаламов В.А., Шаламова С.А. Фонд Комитета Севера при Восточно-Сибирском крайисполкоме как источник по истории здравоохранения // История и архивы. 2022. № 3. С. 143–154. DOI: 10.28995/2658-6541-2022-3-143-154

Foundation of the Committee of the North under the East Siberian Regional Executive Committee as a source on the history of health care

Vladimir A. Shalamov

*Irkutsk State University, Irkutsk, Russia,
Wladimir13x@ya.ru*

Svetlana A. Shalamova

*The State Archives of the Irkutsk region, Irkutsk, Russia,
Svetlana15x@ya.ru*

Abstract. The Committee for Assistance to the Peoples of the Northern Suburbs (the Committee of the North) under the Central Executive Committee of the RSFSR was organized in 1924 and until 1935 provided assistance to the autochthonous population of the northern territories in the formation and development of the economy, political and administrative management, education, healthcare, etc. In the territories of compact residence of the indigenous small population of the North, branches were formed under the local executive committees. The article describes the fund of the Committee of the North under the East Siberian Regional Executive Committee of the first half of the 1930s; the fund is stored in the State Archives of the Irkutsk region. When studying the history of the healthcare system in Eastern Siberia in the 1930s, there is a problem of a shortage of information on the organization of medical care for the autochthonous population. The funds of the health departments under the regional executive committee reflect only part of the information fragmentally interspersed in the general document flow array. The materials of the Committee of the North allow us to fully investigate the state of medical work among the northern nationalities. Together, they represent a valuable source of information about all aspects of life in the North, including the health care system. The foundation's materials cover the space of the northern regions of the Krasnoyarsk Territory, the Irkutsk Region, the Republic of Buryatia and the Trans-Baikal Territory.

Keywords: Committee of the North, Russian Red Cross Society, source studies, archival studies, history of healthcare, history of medicine, autochthonous population of Siberia

For citation: Shalamov, V.A. and Shalamova, S.A. (2022), “Foundation of the Committee of the North under the East Siberian Regional Executive Committee as a source on the history of health care”, *History and Archives*, no. 3, pp. 143–154, DOI: 10.28995/2658-6541-2022-3-143-154

Введение

Опыт последнего десятилетия демонстрирует обострение конкурентной борьбы за природные ресурсы. Взоры российских политиков, ученых и бизнесменов все чаще обращаются к российскому Северу. Для его освоения потребуются колоссальные мероприятия, требующие соответствующего административного управления. В этом свете возрос интерес общества к существовавшему в 1920–1930-е гг. Комитету Севера, что и обусловило выбор темы данной публикации.

Сегодня научное сообщество в целом имеет представление о Комитете Севера. Современные публикации уточняют конкретные направления работы этой организации. К примеру, статья В.И. Исаева представляет обзор деятельности Комитета Севера в Сибири в 1920-е гг. [Исаев 2019]. С.С. Шершневу изучил структуру и функции местных подразделений Комитета [Шершневу 2020]. Публикация А.В. Ахметовой и Е.С. Сухоркиной посвящена работе Комитета на Дальнем Востоке [Сухоркина, Ахметова 2014]. В этих работах система здравоохранения хотя и фигурировала, но не в источниковедческом ключе.

Крупнейший исследователь Комитета Севера в Восточной Сибири С.В. Бобышев в докторской диссертации всесторонне рассмотрел изучаемую организацию. В структуре работы имеется раздел по развитию здравоохранения. Обращает на себя внимание, что автор при написании текста опирался на два фонда из трех, посвященных Комитетам Севера, имеющихся на хранении в Государственном архиве Иркутской области. Из его внимания ускользнул фонд р-2375 «Комитет Севера при Восточно-Сибирском крайисполкоме» [Бобышев 2001, с. 32–39]. Позднее, в соавторстве с А.В. Ахметовой он издал несколько работ, где Комитет Севера фигурирует уже в контексте «модернизации традиционных этносов». Подавляющая часть материалов никак не связана с Восточной Сибирью [Бобышев, Ахметова 2014; Akhmetova, Bobyshev 2015]. Образовавшийся пробел и призвана заполнить настоящая публикация.

Следует отметить, что нам не удалось обнаружить ни одного источниковедческого исследования материалов Комитета Севера. Наиболее близкой публикацией выступает статья А.В. Ахметовой, в которой она производит обзор источников из различных фондов

Государственного архива Хабаровского края, но фонд Комитета Севера в ее работе не получил самостоятельного значения [Ахметова 2020]. Еще более узкоспециальным исследованием является работа Е.И. Гололобова и В.И. Дурновцева, в которой рассматриваются архивные источники, характеризующие взаимодействие человека и природы, в том числе на примере Комитета Севера [Гололобов, Дурновцев 2017, с. 78–79]. Данное обстоятельство позволяет нам в большей мере сосредоточиться на подготовке источниковедческого исследования малоизвестного для ученых архивного фонда.

История Комитета Севера

Еще во 2-й половине XIX – начале XX в. в научном обществе происходили споры о путях развития приарктических территорий России. Исследователи концентрировали внимание на развитии торговли, путей сообщения, добыче полезных ископаемых. Идеи комплексного развития Севера через посредство специального органа управления хотя и витали в воздухе, но не нашли конкретного воплощения [Гагиева, Гагиев 2020, с. 778–781]. После Октябрьской революции возникла потребность в создании особого органа, способного осуществлять национальную политику среди малых народностей Крайнего Севера. В недрах Наркомнаца весной 1923 г. был поставлен вопрос о создании организации с широкими полномочиями и ресурсами. Итогом обсуждения стало открытие 20 июня 1924 г. при президиуме ВЦИК РСФСР Комитета содействия народностям северных окраин (Комитета Севера). Его главой стал П.Г. Смидович. В Комитет входили такие лица, как В.Г. Богораз, А.С. Енукидзе, Ф.Я. Кон, А.В. Луначарский, Н.А. Семашко, Е.М. Ярославский и др. Учреждение оказывало помощь в становлении и развитии коренного малочисленного населения Севера в области политики, хозяйства, культуры. С этой целью Комитет вступал в тесные контакты с центральными и местными органами власти, кооперацией, общественными организациями, научно-исследовательскими учреждениями и т. д. При посредстве этой организации были образованы национальные районы и округа, проведена коллективизация в национальных районах, организованы производственные объединения, культбазы, забрасывались научные и медицинские отряды различных ведомств [Зибарев 1976, с. 209–212].

В Восточной Сибири весной 1925 г. создаются губернские Комитеты содействия в Красноярске и Иркутске. В связи с переходом на окружное деление происходит перестройка аппарата управления в изучаемой организации. В Красноярске наблюдается преемственность органов управления. В октябре 1926 г. Комитет

в Иркутске расформировывается и на его основе образовался, вероятно, уже в начале 1927 г. (протоколы начинаются с марта) Комитет Севера при Киренском окрисполкоме, наиболее приближенном к нацменам. В Иркутске и Тулуне были назначены уполномоченные Сибирского края¹.

30 июля 1930 г. был образован Восточно-Сибирский край. Комитеты Севера в Красноярске и Киренске расформировываются. В сентябре образуется Восточно-Сибирский краевой Комитет Севера с центром в Иркутске. Среди руководящих работников можно отметить А. Воронина, Д.Т. Иваненко, Б.Э. Петри, Н.Е. Сапрыгина².

В связи с победой в ходе внутривластной борьбы сталинской группировки в стране утверждается идеологический принцип о строительстве социализма в отдельно взятой стране. Эксперименты в области национал-социализма начинают свертываться. Предпринимаются попытки заместить национальный вопрос экономическим содержанием [Аверьянов 2019, с. 8–14]. В этой связи Комитет Севера становится ненужным элементом. Первые попытки его ликвидации относятся еще к 1933 г. Потуги П.Г. Смидовича противостоять этому завершили ничем. 10 августа 1935 г. ВЦИК РСФСР принял решение об упразднении Комитета и передаче его функций главному управлению Северного морского пути [Бобышев, Ахметова 2014, с. 19–22].

Состав и характеристика материалов фонда

Все дела фонда Восточно-Сибирского краевого Комитета Севера в силу его территориального охвата и важности содержащейся в нем информации были отнесены к особо ценным. Всего в описи фонда содержится 150 дел. В основном дела внутри описи выстроены в хронологическом порядке, хотя этого принципа придерживаются не очень жестко. В фонде отложилось несколько дел предшествующей организации. В частности, отчет с 1925 г. о деятельности Комитета Севера при Красноярском окрисполкоме³. В описи имеется довольно много дел, начатых в 1929 г. или в начале 1930 г. и завершенных накануне создания Комитета Севера Восточно-Сибирского края. Их наличие объясняется тем, что они были необходимы новой администрации, чтобы иметь представление о том, как велась работа в предшествующее время.

¹ ГАИО. Ф. р-538. Оп. 1. Д. 25. Л. 1а об. – 2.

² Там же. Ф. р-2375. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–30.

³ Там же. Д. 25. Л. 36, 38, 103.

Основная масса дел велась в течение года. Изредка можно наблюдать дела за более долгий срок. За последний, 1935-й, год материалов немного. Можно предположить, что они отложились в фонде главного управления Северного морского пути. Кроме того, пять дел выходят за хронологические рамки существования Комитета Севера. Например, хозяйственная характеристика Витимо-Олекминского округа датируется январем 1936 г., что неудивительно, учитывая территориальную удаленность региона⁴.

Фонд содержит дела, представлявшие информацию о деятельности почти всех северных территорий Восточной Сибири: Туруханского края, Тутуро-Очульского, Тунгино-Олекминского, Катангского, Витимо-Каренгского, Тофаларского национальных районов, а также Эвенкийского, Таймырского и Витимо-Олекминского национальных округов.

Состав делопроизводственных документов разнообразный: в фонде имеются пятилетние планы Комитета Севера и связанных с ним организаций, протоколы заседаний, совещаний и общих собраний различных организаций, доклады и докладные записки о положении дел в подведомственных учреждениях, книги приказов, статистические сведения, переписка по различным вопросам, постановления Совета труда и обороны и СНК РСФСР, стенограммы съездов советов, методические указания и программа различных курсов подготовки кадров, штаты и списки персонала, контрольные цифры и сметы, руководящие указания национальным райисполкомам, титульный список капитального ремонта и строительства, акты обследования и обзоры хозяйства, сведения о ходе коллективизации, а также многочисленные отчеты, как самого Комитета, так и подведомственных ему учреждений. Самые распространенные названия дел – материалы. Например, «Материалы по хозяйственному и бытовому обслуживанию малых народностей», «Материалы переыборной кампании» и т. д. По сути, каждое такое дело является самостоятельным сборником делопроизводственной документации.

Опись фонда имеет так называемые «глухие» заголовки дел, заимствованные из титульных листов, соответствующих номенклатуре дел 1930-х гг. Опытные исследователи могут довольно быстро находить искомые сведения, но новичкам приходится просматривать едва ли не все дела фронтально. Это обстоятельство нередко препятствует и работе архивистов при оперативном поиске информации, что приводит к необходимости заказывать большое количество дел из архивохранилища и тотально их просматривать, что сказывается на оперативности работы.

⁴ Там же. Д. 134. Л. 1–20.

В фонде присутствуют материалы, характеризующие взаимоотношения Восточно-Сибирского краевого Комитета Севера с Комитетом Севера при ВЦИК РСФСР, Советом труда и обороны, СНК РСФСР, а также местными органами власти. В этих делах может быть информация самого широкого профиля, от структуры управления до организации быта. Огромный пласт дел отражает хозяйственную часть работы Комитета. Это материалы по охоте и рыболовству, снабжению и торговле, строительству, развитию промышленности и водного транспорта на Севере, землеустройству и колхозному строительству среди национальных меньшинств, по организации оленеводческих молочно-товарных ферм в южно-таежных районах, то же по огородным хозяйствам среди китайских и корейских трудящихся и др. Культурно-образовательная деятельность Комитета нашла отражение в материалах о культурном строительстве на Севере, о работе культбаз, о культурно-массовых мероприятиях, в деятельности Комитета нового алфавита, в сведениях об учащихся нацменах, в том числе в центральных вузах страны.

Документы представляют собой рукописные или машинописные тексты на бумаге. Встречаются также экземпляры, в основном копии, исполненные на кальке. Довольно часто попадают таблицы. Опыт работы с документами фонда показывает, что необходимо проверять и сверять названия географических объектов, населенных пунктов, фамилий, которые упоминаются в текстовых документах. Один и тот же объект в разных документах может называться по-разному (Байкит / Байкет, Верхняя Тутура / Верх-Тутура / Вершина-Тутура, Илимпея / Илимпия, Эсей / Ессей, Волочанка / Волосянка). То же самое относится и к написанию фамилий (Сапрыкин / Сапрыгин, Петеримов / Питиримов). Инициалы чаще всего вообще отсутствуют. Среди подписей можно увидеть автографы создателя археологической школы в Иркутске профессора Б.Э. Петри, известного исследователя Севера Н.Е. Сапрыгина, председателя Восточно-Сибирского крайисполкома В.Л. Букатого и др.

Система здравоохранения в документах фонда

Среди прочих материалов фонда важное место занимают документы о медицинских службах в национальных регионах Восточной Сибири, о которых информация в фондах системы здравоохранения крайне отрывочна. Прямое название, относящееся к медицинской сфере, присутствует лишь в трех делах.

Одно из них посвящено оздоровительной работе на Севере за 1930–1931 гг. В его основе лежит большая смета на содержание аппарата здравоохранения во вновь организованных в декабре 1930 г.

Эвенкийском, Таймырском и Витимо-Олекминском национальных округах. Этот документ может рассказать об объеме финансирования, числе медучреждений, штатном числе медработников и обслуживающего персонала. За сметой следует краткая объяснительная записка, из которой мы узнаем о состоянии здравоохранения накануне образования округов и планах строительства на 1932 г. Кроме этого, в деле отложились телеграммы, записки и извещения о ходе эпидемий, а также документы о работе с кадрами⁵.

Второе дело содержит протоколы оздоровительных комиссий Центрального Сибирского и Красноярского комитетов Севера за март-апрель 1930 г. Данная информация освещает период, предшествующий образованию Восточно-Сибирского краевого Комитета Севера. В целом оно позволяет понять, какие решения принимались на сибирском уровне и в одном из регионов⁶.

И, наконец, третье дело имеет в своем составе краткие сведения о состоянии здравоохранения в северных районах за 1933–1934 гг. Здесь можно ознакомиться со списком строительства на Крайнем Севере, принятом Наркомздравом РСФСР на 1933 год. Однако наибольшей ценностью обладает документ под названием «Краткие сведения о состоянии здравоохранения по Северу Восточно-Сибирского края на 1933 год». Из него можно узнать на конкретных цифрах развития отрасли с 1913 г. практически по всем направлениям, а также планы на 1934 г. Вероятно, эти материалы появились по инициативе П.Г. Смидовича, когда появилась первая угроза ликвидации учреждения, чтобы продемонстрировать его результативность⁷.

Однако этими делами тема здравоохранения не исчерпывается. Едва ли не каждое третье дело содержит фактические материалы, характеризующие состояние медико-санитарной службы в том или ином регионе. В планах строительства мы находим планы возведения больниц и амбулаторий, в протоколах – конкретные решения по медико-санитарной части, в статистике – данные о медицинских службах, в сметах – информацию о финансировании и т. д.

Чтобы не быть голословными, заглянем в некоторые дела. В материалах по хозяйственному и бытовому обслуживанию малых народностей мы находим маловажные документы, часто подписанные Б.Э. Петри. В том числе обращение Комитета к администрации терапевтической клиники Иркутского мединститута о приеме вне очереди тяжелобольного тунгуса, прибывшего из далекой тайги, разъяснения об оплате медицинских услуг, а также переписка

⁵ Там же. Д. 13. Л. 6, 24, 28–55, 75, 77, 79.

⁶ Там же. Д. 1–9.

⁷ Там же. Д. 112. Л. 7, 11–34.

о кадрах⁸. В деле с отчетом и планами работ за 1931 г. имеется копия отчета о поездке врача Назаровой в Карагасию. Здесь же имеется отчет самого Комитета Севера со времени основания и до мая 1931 г. Он очень скудный, но есть информация об организации детских яслей и заполнении штатных единиц⁹. Дело со сметами расходов на 1934 г. дает представление об уровне заработных плат медперсонала и о строительстве культбазы с больницей в Калакане¹⁰. Эти материалы в совокупности позволяют раскрыть тему оказания медицинской помощи коренному населению севера Восточной Сибири.

Заключение

В завершении отметим, что случайно выпавший из научного оборота фонд Восточно-Сибирского краевого Комитета Севера является ценнейшим источником не только по истории здравоохранения, но и по экономической, национальной, социальной, политической жизни северных территорий Восточной Сибири начала 1930-х гг. Разнообразная делопроизводственная документация позволяет проследить на конкретных примерах развитие системы здравоохранения, создание лечебных заведений, решение кадрового вопроса, обеспечение медучреждений медикаментами и т. д. В материалах фонда отражена роль Российского общества Красного Креста в создании медицинских служб на Севере. К сожалению, преждевременная ликвидация Комитета Севера не позволяет проследить дальнейшее развитие медицинского обеспечения автохтонного населения Восточной Сибири.

Литература

- Аверьянов 2019 – *Аверьянов А.В.* Феномен национальной политики в СССР: особенности становления и развития в 1917–1930-е гг. // Гуманитарные и юридические исследования. 2019. № 1. С. 8–14.
- Ахметова 2020 – *Ахметова А.В.* Документальные источники по истории коренных малочисленных народов в Государственном архиве Хабаровского края (1917–1991 гг.) // Документальное наследие и историческая наука: Материалы Уральского историко-архивного форума, посвященного 50-летию историко-архивной специальности в Уральском университете, 11–12 сент. 2020. Екатеринбург, 2020. С. 27–30.

⁸ Там же. Д. 11. Л. 5, 29, 50.

⁹ Там же. Д. 61. Л. 1–6, 29–30.

¹⁰ Там же. Д. 126. Л. 41.

- Бобышев 2001 – *Бобышев С.В.* Комитеты Севера Восточной Сибири и Дальнего Востока (1924–1935 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Иркутск, 2001. 42 с.
- Бобышев, Ахметова 2014 – *Бобышев С.В., Ахметова А.В.* Социалистическая модернизация традиционных этносов Дальнего Востока (20-е – середина 80-х гг. XX века): история и итоги. Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2014. 233 с.
- Гагиева, Гагиев 2020 – *Гагиева А.К., Гагиев Н.Н.* Научные исследования европейской части арктических территорий во второй половине XIX – начале XX в. как часть программы модернизации Европейского Севера России // Вестник архивиста. 2020. № 3. С. 774–785. DOI 10.28995/2073-0101-2020-3-774-785
- Гололобов, Дурновцев 2017 – *Гололобов Е.И., Дурновцев В.И.* Экологическая история Севера Западной Сибири (1917–1991 гг.): исследовательский потенциал архивных источников // Вестник архивиста. 2017. № 2. С. 72–86.
- Зибарев 1976 – *Зибарев В.А.* Комитет содействия народностям Севера // Вопросы истории. 1976. № 8. С. 209–212.
- Исаев 2019 – *Исаев В.И.* Деятельность сибирских комитетов содействия народностям северных окраин по освоению арктических территорий во второй половине 1920-х гг. // Северный регион: наука, образование, культура. 2019. № 1–2 (41–42). С. 26–32.
- Сухоркина, Ахметова 2014 – *Сухоркина Е.С., Ахметова А.В.* Комитеты Севера и их роль в развитии культуры и быта коренных этносов Дальнего Востока (1924–1935 гг.) // Электронный научно-практический журнал «Культура и образование». 2014. № 5 (9). С. 30. URL: <http://vestnik-rzi.ru/> (дата обращения 13.04.2022).
- Шершнева 2020 – *Шершнева С.С.* Местные подразделения Комитета Севера: структура, функции, преобразования // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2020. № 1 (35). С. 28–33.
- Akhmetova, Bobyshev 2015 – *Akhmetova A.V., Bobyshev S.V.* Modernization of ethnocultural processes in the national areas of the Far East (1920s–1930s) // Былые годы: Российский исторический журнал. 2015. № 37 (3). С. 766–774.

References

- Akhmetova, A.V. and Bobyshev, S.V. (2015), “Modernization of ethnocultural processes in the national areas of the Far East (1920s – 1930s)”, *Bylyye gody. Rossiyskii istoricheskii zhurnal*, vol. 37, no. 3, pp. 766–774.
- Akhmetova, A.V. (2020), “Documentary sources on the history of indigenous peoples in the State Archives of the Khabarovsk Territory (1917–1991)”,

- in *Dokumental'noye naslediyе i istoricheskaya nauka: Materialy Ural'skogo istoriko-arkhivnogo foruma, posvyashchennogo 50-letiyu istoriko-arkhivnoy spetsial'nosti v Ural'skom universitete* [Documentary heritage and historical science: Materials of the Ural Historical and Archival Forum dedicated to the 50th anniversary of the specialty at Ural University], Yekaterinburg, Russia, pp. 27–30.
- Averyanov, A.V. (2019), “The phenomenon of the national policy in the USSR. Features of the formation and development in the 1917–1930s.”, *Gumanitarnyye i yuridicheskiye issledovaniya*, no. 1, pp. 8–14.
- Bobyshev, S.V. (2001), “Komitety Severa Vostochnoy Sibiri i Dal'nego Vostoka (1924–1935 gg.)” [Committees for the North of Eastern Siberia and the Far East (1924–1935)]: Abstract of D. Sc. Dissertation (History), Irkutsk, Russia.
- Bobyshev, S.V. and Akhmetova, A.V. (2014), “Sotsialisticheskaya modernizatsiya traditsionnykh etnosov Dal'nego Vostoka (20-y – seredina 80-kh gg. XX veka): istoriya i itogi” [Socialist modernization of the traditional ethnic groups of the Far East (20s – mid 80s of the 20th century). History and results], Izdatel'stvo Dal'nevostochnogo gosudarstvennogo universiteta putey soobshcheniy, Khabarovsk, Russia.
- Gagieva, A.K. and Gagiev, N.N. (2020), “Scientific research of the European part of the Arctic territories in the second half of the 19th – early 20th centuries as part of the program for modernization of the European North of Russia”, *Bulletin of the archivist*, no. 3, pp. 774–785. DOI 10.28995/2073-0101-2020-3-774-785
- Gololobov, E.I. and Durnovtsev, V.I. (2017), “Ecological history of the North of Western Siberia (1917–1991). Research potential of archival sources”, *Herald of an Archivist*, no. 2, pp. 72–86.
- Zibarev, V.A. (1976), “Committee for Assistance to the Nationalities of the North”, *Voprosy istorii*, no. 8, pp. 209–212.
- Isayev, V.I. (2019), “Activity of the Siberian Committees for Assistance to the peoples of the Northern outskirts for the development of the Arctic territories in the second half of the 1920s”, *Severnyi region: nauka, obrazovaniye, kul'tura*, vol. 41–42, no. 1–2, pp. 26–32.
- Shershnev, S.S. (2020), “Local subdivisions of the Committee of the North. Structure, functions, transformations”, *Vestnik KRAUNTS. Gumanitarnyye nauki*, vol. 35, no. 1, pp. 28–33.
- Sukhorkina, E.S. and Akhmetova, A.V. (2014), “Committees of the North and their role in the development of culture and life of the indigenous ethnic groups of the Far East (1924–1935)”, *Elektronnyi nauchno-prakticheskii zhurnal “Kul'tura i obrazovaniye”*, vol. 9, no. 5, p. 30, available at: <http://vestnik-rzi.ru/> (Accessed 13 Apr. 2022).

Информация об авторах

Владимир А. Шаламов, кандидат исторических наук, доцент, Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия; 664003, Россия, Иркутск, ул. К. Маркса, д. 1; Wladimir13x@ya.ru

ORCID ID 0000-0002-9482-9543

Светлана А. Шаламова, кандидат исторических наук, Государственный архив Иркутской области, Иркутск, Россия; 664047, Россия, Иркутск, ул. Байкальская, д. 79; Swetlana15x@ya.ru

ORCID ID 0000-0003-4084-3355

Information about the author

Vladimir A. Shalamov, Cand. of Sci. (History), associate professor, Irkutsk State University, Irkutsk, Russia; bld. 1, K. Marx St., Irkutsk, Russia, 664003; Wladimir13x@ya.ru

ORCID ID 0000-0002-9482-9543

Svetlana A. Shalamova, Cand. of Sci. (History), State Archives of the Irkutsk region, Irkutsk, Russia; bld. 79, Baikalskaya St., Irkutsk, Russia, 664047; Swetlana15x@ya.ru

ORCID ID 0000-0003-4084-3355

Оформление обложки

М.Е. Заболотникова

Корректор

Ж.П. Григорьева

Компьютерная верстка

М.Е. Заболотникова

Подписано в печать 31.08.2022.
Формат 60×90¹/₁₆.
Уч.-изд. л. 9,5. Усл. печ. л. 9,8.
Тираж 1050 экз. Заказ № 1548

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., 6
www.rggu.ru